

Предисловие

Эта книжка — не совсем сборник статей. Эта книжка — сборник статей, написанных специально для книжки. Когда они писались, они так и задумывались — как главы.

С тех пор, как я осмелилась критиковать левые ценности, я узнала о себе много нового. Я узнала, что я фашист и наймит кровавого режима; что с моей точки зрения «есть всего два достойных и приличных политических режима — сословная монархия и просвещенный деспотизм» (Виталий Третьяков) и что мечтаю я «о просвещенной абсолютной монархии, с монархом — добрым гением во главе. Чтобы он злых карал, а добрых награждал, правильные решения, ведущие к росту общего блага, принимал, а неправильные — отнюдь нет» (Сергей Давидис).

К несчастью г-д Третьякова и Давидиса, я сама, без их бесценной помощи, могу сформулировать свой политический идеал. Он очень прост.

Государство никогда не должно делать того, что может сделать частный бизнесмен. На федеральном уровне никогда не надо делать того, что можно сделать на уровне региональном. Избирателем должен быть каждый, кто платит хотя бы на копейку больше налогов, чем получает дотаций от государства. И что ничего не верно само по себе, но все — смотря по обстоятельствам.

Мое мировоззрение — это либерализм в классическом понимании этого слова, и — прагматизм. Либерал-прагматизм, если угодно.

Что значит — либерализм? Это ровно то, что это слово значило в XIX в. Это ровно та сумма взглядов, которая отражена в одном из самых великих текстов человечества — в Декларации Независимости 1776 г.

«Мы считаем само собой разумеющимся, что все люди созданы равными, что они наделены своим Творцом некими неотъемлемыми Правами, и среди них — Жизнь, Свобода, и стремление к счастью. Что для обеспечения этих прав государства созданы между людьми, и что власть государства опирается на согласие управляемых, и что когда любая форма управления перестает соответствовать этим условиям, люди имеют право изменить и/или свергнуть это правление, и учредить новое».

Что значит — прагматизм?

Это значит не заниматься инфантильным фарисейством. Вот, например, есть Китай, в котором политика власти подняла из нищеты 400 млн. чел. за двадцать лет. И инфантильные фарисеи при виде Китая благочестиво восклицают «но ведь у них нет демократии!» Нет. А если бы была, то полмиллиарда нищих китайских крестьян проголосовали за нового председателя Мао.

Прагматизм — это когда вы не превращаете любую дефиницию в абсурд. И не всплескиваете руками: «Вот, авторы Декларации Независимости написали, что все люди рождены равными, но они не дали прав голосования индейцам, неграм, женщинам и бедня-

кам». Да, не дали. А если бы дали, США сейчас ничем не отличались бы от Гаити. Дальше что?

Прагматизм — это понимание того, что ничто не является истиной или ложью само по себе, но только в зависимости от реального состояния дел. Если вы говорите «Эта кошка черная» — это не является истиной или ложью *per se*. Это истина, если кошка черная, и ложь, если кошка белая. Когда убивают Каддафи — это хорошо, а когда убивают Кеннеди — это плохо. И когда Ли Куан Ю в Сингапуре сажает политических противников и затыкает независимым СМИ — это хорошо, а когда то же самое делает Путин или Дювалье — это плохо.

Вы скажете, что это двойная мораль? Я скажу, что это здравый смысл. Волкодав — прав, а людоед — нет. Правительства созданы для того, чтобы обеспечивать права и свободы людей. Если они вместо этого нарушают эти права и свободы — они должны быть свергнуты. Если они действительно защищают права и свободы — они обязаны нейтрализовать тех, кто на эти свободы покушается. Как отличить правительство, защищающее права и свободы, от правительства, их нарушающего? Так же, как черную кошку от белой. Глазами.

Мы живем в эпоху, когда 500-летнее доминирование Запада приходит к концу.

Европа добилась невиданного успеха и свободы своих граждан, опираясь на рыночную экономику, техническую изобретательность, минимальное государство и вполне очевидное и свойственное любой цивилизации чувство собственного превосходства над другими.

Этой открытой экономике соответствовал классический либерализм и позитивизм. Либеральные мыс-

лителю и политики XVIII—XIX вв., прекрасно знавшие и Плутарха, и Тита Ливия, пытались сконструировать общество, в котором неограниченная власть государства и неограниченная глупость черни были заменены рамками законов.

Начало XX века стало началом реакции против этого классического либерализма. XX век породил тоталитарные идеологии — социализм, фашизм, национал-социализм, — которые вместо индивидуализма проповедовали коллективность, вместо свободы предпринимательства — заботу государства об экономике. («Фашизм полностью и абсолютно противостоит доктрине либерализма» — писал Муссолини в «Манифесте фашизма».)

Режимы, основанные целиком на этих идеологиях, пали, но не раньше, чем эти идеологии отравили и пропитали собой все современное западное сознание.

В результате многие из классических европейских ценностей превратились в свою противоположность. Так, тезис о примате европейской цивилизации превращен в тезис о вине европейской цивилизации перед всеми, кого она колонизовала.

Другие из этих ценностей поддерживаются лишь на словах; свобода предпринимательства в современной Европе все глубже и глубже тонет в трясине бюрократии и социальных гарантий. «В Латинской Америке есть и проблемы, и возможности. А в Италии есть только проблемы», — как сказал мне как-то один итальянский предприниматель.

Самое удивительное, что классики теории и практики либерализма все это предвидели. «Чернь больших городов не больше способствует чистоте правительс-

тва, нежели язвы — силе человеческого тела», — писал автор Декларации Независимости Томас Джефферсон. Чистая демократия, — «несовместима с личной безопасностью и частной собственностью», — писал Джеймс Мэдисон.

Мы живем в больном мире, в котором бедные страны, стремящиеся к модернизации, больше не имеют перед собой того твердого образца, который они имели в Европе XIX века. Вместо этого победившая на Западе в результате всеобщего избирательного права социал-демократия преподносит им, под видом общечеловеческих истин, левую пропаганду.

Двумя краеугольными камнями этой пропаганды является тезис о *universal suffrage* и *welfare state* — всеобщем избирательном праве и государстве всеобщего благосостояния — как о необходимой примете любого свободного общества.

Тот очевидный факт, что всеобщее избирательное право в нищих странах, как правило, кончается диктатурой, а социальные гарантии даже в богатых странах ведут к финансовому кризису — не просто игнорируется. Любое упоминание о нем рождает инфантильно-фарисейскую реакцию отрицания и крик: «да ты фашист!» Этот крик тем более смешон, что фашизм и вырос из всеобщего избирательного права и социальных гарантий.

Либеральный прагматизм — это когда вы сначала собираете факты, а потом делаете выводы. Если вы констатируете, что в условиях высокой гравитации луч света не распространяется по прямой, это не значит, что вы являетесь врагом света. Но если вы констатируете, что в условиях бедности народовластие не

выживают, вы почему-то считаетесь врагом народовластия.

В истории нет ничего верного самого по себе, но всё — смотря по обстоятельствам. Социальные структуры настолько сложны и подвижны, что то, что вчера было злом, сегодня превращается в благо, и то же самое обстоятельство, которое убивает одно общество, приводит к расцвету другое.

В X веке раздробленность Европы обеспечила ее абсолютную отсталость по сравнению с Китаем, а потом та же самая раздробленность обеспечила Европе рост. Отцы-пилигримы ехали в Плимут основывать христианский коммунизм, а основали США.

То же самое со всеобщим избирательным правом. Ничто не верно само по себе. Если ваше общество состоит из собственников и ответственных граждан, как в Швеции, то даже при высоком уровне социальных гарантий во главе его окажется ответственный политик. Если ваше общество состоит из людоедов, как в Африке или люмпенов, как в России, то вы на выходе получите президента-людоеда и президента-люмпена.

Всеобщее избирательное право — это не абсолютное благо. Всеобщее избирательное право — это случайное историческое условие, сложившееся в Европе в конце XIX века благодаря росту массовых армий, и вызывавшее, в свою очередь, приход к власти фашистов, национал-социалистов и социалистов.

Всеобщее избирательное право ведет к государству всеобщего социального обеспечения, а это государство долго не живет. Всеобщее избирательное право чрезвычайно опасно даже для богатых обществ, а для

бедных приводит к диктатуре, едва найдется политик достаточно беспринципный, чтобы посулить народу золотые горы.

Мы не всем даем водительские права — но всем даем избирательные. Мы можем лишить пьющую бомжиху родительских прав — но мы оставляем ей право избирать нам президента. Мы можем лишить серийного убийцу свободы, но лишить его избирательных прав — это, оказывается, преступление против гражданского общества.

Подобные аргументы кажутся мне не просто фарисейством. Они кажутся мне фарисейством совершенно умышленным, исповедуемым и европейскими политиками и постсоветскими диктаторами с одинаковой целью — целью максимальной люмпенизации населения и расширения своей электоральной базы и могущества государства.

Если «демократия» означает всеобщее избирательное право, то да, я против демократии. Я за «ктиторократию», за «власть собственников», — за то, чтобы избирательное право в явном или скрытом виде принадлежало только собственникам и налогоплательщикам.

Всякое государство, в том числе демократическое, стремится к бесконечной экспансии.

При этом ничто, кроме государства, не способно обеспечить свобод и прав граждан. В отсутствие государства нет ни свобод, ни прав. В отсутствии государства есть либо стадо, либо война.

Задача общества — использовать силу государства для обеспечения свободы. Так в арке сила тяжести, которая тянет каждый камень вниз, заставляет их всех образовывать арку, поднимающуюся наверх.

Мы живем в государстве, как мы живем при гравитации. Гравитацию нельзя отменить, ее можно только использовать.

Человек, увы, нуждается не только в свободе. Человек также нуждается в иллюзиях. Ничто в мире не верно навсегда, но все — смотря по обстоятельствам.

РОЙ, ИЛИ АНТИБУЛОЧНИК

1. АДАМ СМИТ

1.0. Согласно Адаму Смиту, благодаря рынку каждый человек, преследующий собственную выгоду, увеличивает общее благо. Когда булочник печет булки, он не думает о всеобщем благе, он думает о выгоде. Но в результате его деятельности всеобщее благо увеличивается.

Нетрудно заметить, что такое соотношение личного и общественного блага в обществе существует не всегда. Мародеры, разоряющие город, увеличивая собственное благо, не увеличивают общественного. Чиновник, высасывающий из предыдущей должности достаточно денег, чтобы купить следующую, не увеличивает общественного блага. В истории есть масса обществ, в которых было выгодно быть «мародером», а не «булочником».

1.1. Общество, в котором выгодно быть булочником, является открытым обществом. Общество, в котором выгодно быть «мародером», является закрытым обществом.

1.2. В путинской России невыгодно быть булочником. Выгодно быть пожарным, налоговым или санитарным инспектором, который булочника проверяет. Путинская Россия — серьезный случай деградации закрытого общества.

2. ДЕГРАДАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

2.0. Любое закрытое общество экономически деградирует. Никто не хочет производить — все хотят контролировать производителя. Булочник, который пытается выпечь хлеб, или предприниматель, который пытается организовать производство мобильных, демонстрируют нерациональное экономическое поведение. Оно не максимизирует их выгоду, оно максимизирует их уязвимость. Рациональное экономическое поведение демонстрируют чиновники, вымогающие у предпринимателя взятку.

Минимально сложная экономическая деятельность перестает быть возможной. Ее заменяет импорт, потому что при импорте любого товара сумма транзакционных издержек всегда будет меньше, чем сумма транзакционных издержек при его производстве. На месте производится только то, что нельзя произвести в другом месте. Скажем, магазины или аэропорты в подобном обществе все равно сохранятся, потому что нельзя же москвичу покупать молоко в магазине, расположенном в Варшаве.

2.1. Частным случаем экономической деградации является невозможность развития высоких технологий. Высокие технологии являются самой волатильной частью экономики. В Византии не бывает нанотехнологий.

3. ДЕГРАДАЦИЯ МОТИВАЦИЙ

3.0. Не менее важным следствием является африканизация общества: деградация мотиваций и ожи-

даний. Мотивация «сделать карьеру в компании» заменяется мотивацией «устроиться на доходное место».

Уровень образования падает, система жизненных стимулов учащихся разрушается. Если федеральный судья получает доход в 500 тыс. дол. ежемесячно, то нет никакой рациональной причины учиться для того, чтобы получить базовую зарплату в 500 дол. Честность и образованность являются экономически абсурдным поведением.

3.1. Следствием деградации мотиваций является полная деградация системы образования. Иллюстрацией такой деградации может, например, служить «международный филиал юрфака МГУ в Женеве». О существовании этого учебного учреждения стало известного после того, как четверо его учащихся устроили в Женеве гонки на «Феррари» и «Ламборгини». Руководил «международным филиалом» некто г-н Гасанов, за несколько лет до того задержанный прямо в здании МГУ за хищение 10 млн. дол. у правительства Азербайджана, а преподавание, согласно сайту МГУ, велось в Женеве на русском языке.

О качестве дипломов этого учреждения можно только догадываться: поразительно не то, что богатые недоросли не могли поступить в Оксфорд или Гарвард. Поразительно, что отцы их не считали это нужным.

А вот другой пример: по итогам работы лагеря «Селигер» в 2006-м «Наши» обещали, что лучших выпускников лагеря отправят на стажировку в «Газпром» и администрацию президента. Предлагать обучение в Гарварде им даже не пришло в голову. Для сравнения: правительство Грузии оплачивает обучение любого

грузинского студента, сумевшего самостоятельно поступить в университет из первой десятки.

Мотивационный рак поражает не только настоящее, но и будущее общества.

4. ДЕГРАДАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

4.0. В условиях закрытого общества каждый уровень и каждая часть системы управления, будь то ведомство или отдел в ведомстве, превращаются в госкорпорацию, заинтересованную в максимизации ареала, с которого они могут вымогать взятки.

Стратегический ущерб, наносимый при этом самому обществу, во внимание не принимается. Возьмем, к примеру, Минфин. Как устроен российский бюджет?

Он устроен так, чтобы максимизировать власть каждого отдельного чиновника над его распределением и власть всего Минфина — над страной. Тот факт, что губернаторы, получающие деньги из центра, оказываются не заинтересованы в развитии налоговой базы на своей территории, а заинтересованы в отчуждении и присвоении местного бизнеса, на мотивации чиновников Минфина не влияет. На их мотивации, как группы, влияет только тот факт, что чем больше губернатор будет зависеть от центра, тем большие откаты будут доставаться центру, то есть данным чиновникам. В закрытом обществе каждый уровень управления пытается максимально расширить объем потенциального воровства.

4.1. При этом система перестает выполнять приказания даже сверху. К примеру, строительство Сочи

является личным проектом Путина. Однако стройка движется вяло, потому что две группы конфликтующих чиновников просят с каждого подрядчика огромные откаты. Если платить только одной группе, вторая группа сорвет проект, а если платить обеим, то сумма откатов превысит любую возможную прибыль от проекта.

В феврале 2008 года Владимир Путин побывал в Ботлихе и потребовал построить там военную дорогу, которую он охарактеризовал как «еще один коридор выхода на Грузию». Он подчеркнул, что по дороге будет идти «тяжелая военная техника». Однако к августу 2008 года дорога, по которой можно было войти в Грузию с третьего направления, не только с Южной Осетии и Абхазии, но из Дагестана, не была построена по простой причине: воровство.

4.2. Система ведет себя так, как будто каждый чиновник — не только Путин — является центром псевдоуправления. Каждый хочет решать все.

5. ДЕГРАДАЦИЯ СИСТЕМЫ НАСИЛИЯ

5.0. В свое время американский экономист Артур Лаффер заметил, что если количество налогов переходит определенный порог, то их собираемость начинает падать, а не расти. Это явление называют «кривой Лаффера». Очевидно, что такой же порог существует и относительно преступлений. Дмитрий Каменщик, совладелец аэропорта Домодедово, называет этот порог пенитенциарным.

5.1. В стране, где количество преступлений выше пенитенциарного порога, расследование преступлений

становится бессмысленным. При превышении пени-тенциарного порога система институционального насилия перестает предотвращать преступления и начинает их порождать.

5.2. Всякую систему характеризует не ошибка. Всякую систему характеризует реакция на ошибку. В настоящий момент, если милиционер или чиновник совершают преступление, система пытается их защитить.

5.3. В результате, во-первых, преступление перестает быть преступлением и рассматривается как привилегия, предоставленная чиновнику.

5.4. Во-вторых, силовики перестают делать то, для чего они предназначены, то есть собственно раскрывать преступления. Очень часто считается, что МВД или прокуратура не работают, когда надо наказать вышестоящих. Это не так. Система не работает в принципе.

Вот простой пример: 20 марта 2009 г. прямо на взлетной полосе Внукова неизвестные вооруженные люди за 24 секунды ограбили курьера, везшего 43 млн. руб. наличными из Махачкалы. Таких курьеров, перевозивших наличку, до этого постоянно грабили сотрудники милиции аэропорта; но после того, как по факту ограбления было заведено уголовное дело, случился грабёж с помощью «неизвестных лиц», прекрасно, впрочем, знакомых со службой безопасности аэропорта. Напомню, что Внуково — правительственный аэропорт, и по идее вместо вооруженных грабителей на поле могли проникнуть террористы с целью захвата самолета Владимира Путина.

Казалось бы, безопасность В.В. Путина стоит несколько выше, чем неприкосновенность шайки ментов,

грабящих перевозчиков черного нал. Однако дело так и не было раскрыто. И это при том, что махачкалинские пацаны нашли наводчика и, предварительно расспросив, сдали его органам.

5.5. В третьих, подчиненный выполняет приказ начальства, только если он максимизирует собственное благо подчиненного. Иначе говоря, в такой системе нет приказов: есть только заказы. Отношения между начальником и подчиненным очень похожи на отношения двух агентов рынка, покупателя и продавца. Продавец — это начальник, который предлагает тему, но покупатель купится, только если это ему выгодно.

5.6. В-четвертых, когда система выполняет-таки заказ сверху, она не способна выполнить его квалифицированно. Примером этому является уголовное дело против Ходорковского, обвиняемого в физической краже всей произведенной ЮКОСом нефти.

6. РОЙ

6.0. Система — не очень точное слово для описания подобной организации. Слово «система» предполагает высокую упорядоченность, и, часто, центральное руководство. Куда более точным будет слово «рой».

6.1. «Рой» — это высокий уровень организации, существующий, однако, на основании простейших инстинктов. Термиты способны воздвигать сооружения замечательной сложности, однако не при наличии центрального руководства, а только из-за ряда простейших команд типа: «Если другой муравей пометил это место феромоном, оставь здесь веточку».

Точно так же российские менты способны воздвигать очень сложные уголовные дела, повинуюсь простейшим командам: «Если с этим человеком чего-то случилось, заведи на него дело». Недавно у знакомой предпринимательницы украли сумку с очень важными документами. Она пришла в милицию. Первый вопрос ей был: «А, так вы предприниматель?» Через час бедной женщине удалось уйти: какая уж там сумка!

6.2. У роя нет общего разума. У роя есть только индивидуальные инстинкты. Одна часть роя не способна отдавать приказы другой. Именно поэтому приказы начальства в России выполняются (феромон, оставленный начальством, действует), только если гормональное состояние подчиненной особи способствует тому, чтобы приказ был выполнен. Если генерал говорит голодному майору: «Не трогай», майор продолжит жрать. Если генерал скажет сытому майору: «Жри», то майор жрать не будет.

6.3. Для роя неважно, если какие-то его члены отказываются вести себя общепринятым образом. Не все чиновники берут взятки. Не все милиционеры убивают людей. Но это неважно: это как в городе, отданном мародерам. Некоторая часть солдат может отказаться грабить и убивать. Но на судьбу граждан города это мало повлияет.

6.4. Мародерство — это высшая форма социальной дезорганизации. В принципе мы к ней близки.

7. ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ

7.0. Если основные деньги в стране зарабатываются на рынке, то компании размещают производс-

тво там, где по оптимальным ценам можно купить землю и рабочую силу. Это автоматически обеспечивает децентрализацию экономики. Если основные деньги зарабатываются с помощью административных решений, то компании стремятся обосноваться там, где подписанное решение приносит больше всего прибыли. Это автоматически обеспечивает сосредоточение всех, кто хочет заработать деньги, в Москве.

7.1. В результате с административной точки зрения страна делится на Москву, где никто не принимает решений, потому что у разных кланов слишком разные интересы, и всю остальную территорию, где никто не принимает решений, потому что надо спросить Москву. С точки зрения транспортной Россия делится на Москву, по которой нельзя проехать из-за пробок, и на остальную территорию, по которой нельзя проехать из-за отсутствия дорог.

7.2. Транспортная система России вообще служит очень хорошей метафорой российского общества. Представим себе чиновника, который украл все деньги на ремонт дороги, а проблему собственного передвижения по дороге разрешает с помощью мигалки. С дорогой будет то же, что с системой управления Россией.

8. ЭМИГРАЦИЯ

8.0. Тоталитарные режимы прошлого пытались покорить весь мир. Поэтому они запрещали «утечку мозгов». Сталин мог сгноить ученого в Сибири, но

он не отпускал его на Запад. Нынешний российский режим не пытается покорить весь мир, потому что если он его покорит, то негде будет покупать «мерседесы» и негде будет хранить деньги, полученные от экспорта нефти.

С 1991 по 1996 год, в самый разгар постперестроенной нищеты, из России уехали 429 тыс. человек. С 2003 по 2008-й, в самое благополучное нефтяное время, из России уехало до 440 тыс. человек. Люди едут за свободой, а не за колбасой.

8.1 Чем больше талантливых особей уедет, тем легче управлять оставшимся роем. Режим де-факто поощряет «утечку мозгов».

9. ПАМЯТЬ

9.0. Одна из самых очевидных примет отсутствия у роя разума — это отсутствие у него памяти. Рой не помнит, что было вчера. Если рой комаров висит над одним местом, потом над другим, а потом перемещается на прежнее, это не потому, что он вспомнил что-то о первом месте. Это произошло благодаря случайному движению членов роя и команде: «Держись на таком-то расстоянии от ближайшей особи».

9.1. Наш правящий рой демонстрирует полное отсутствие памяти. Сегодня мы клеймим ВТО, в состав которого мы будем вступать только вместе с дружественной Белоруссией, а завтра — Лукашенко, который под предлогом таможенного союза хочет беспощинно получать нашу нефть. Мы дружим

с США по вторникам, четвергам и субботам, когда Путин встречается с Обамой, и враждуем с ними по средам, пятницам и воскресеньям, когда Путин решает запретить американские окорочка или обругать американскую ПРО.

9.2. Система не помнит, что она говорила вчера, система реагирует только на сегодняшний раздражитель.

10. ПИАР ВМЕСТО ИДЕОЛОГИИ

10.0. Есть единственная функция высшей нервной деятельности, которая отмирает последней: это функция самооправдания. Ничто так не свойственно человеку, как желание чувствовать себя великим, и ни у кого такое желание не бывает острее, чем у окончательно опустившегося наркомана.

Что говорит себе наркоман? А) Они все меня не уважают. Б) Я самый великий. В) Я им еще покажу. Чем больше наркоман колется, тем дальше он улетает от действительности; чтобы улететь от действительности, ему нужна все бóльшая и бóльшая доза.

10.1. Самоощущение правящего роя совпадает с самоощущением пьяницы. Наркотик они потребляют через Останкинский шприц.

10.2. Это самоощущение ни в коем случае не является идеологией. Это — пиар. Идеология — это алгоритм, предписывающий то, что, по мнению носителя идеологии, является правильным поведением. Пиар — это способ оправдать любое поведение.

11. АДАМ СМИТ

11.0. Общество должно быть сконфигурировано таким образом, чтобы стремление к личной выгоде оборачивалось стремлением ко всеобщему благу. Это и есть определение экономически свободного общества.

Во многих других обществах — бюрократических, феодальных, сословных — собственную выгоду максимизируют за счет других. С момента научно-технической революции все эти общества стали неконкурентоспособны.

Вопреки пессимистическому взгляду о том, что, мол, «Россия ни к чему не пригодна», и ей на роду написано рабство и низкопоклонство перед начальством — взгляду, который усиленно пропагандирует правящий рой под маркой «уникального исторического пути России», — мы видим, что самые разные нации, в самые разные моменты времени, переходили к открытому обществу.

Китай в начале XX века был умирающей империей, где чиновники курили опиум, ненавидели иностранцев и продавали им родину. В середине XX века в Китае ели людей от голода. Сейчас Китай является стремительно развивающейся сверхдержавой. Грузия семь лет назад была квинтэссенцией совка и синонимом слов «блат», «коррупция» и «вор в законе». Сейчас в Грузии полицейские не берут взятку, а по степени открытости экономики страна занимает одно из первых мест в мире. Южная Корея и Северная Корея различаются не «историческим путем» и не «неповторимой душой народа». Они различаются исключительно системой управления.

В истории нет закономерностей. В истории есть решения.

Решение, которое было найдено Японией, Сингапуром, Южной Кореей, Китаем, Чили, Турцией — множеством стран, перед которыми в разное время и при разных начальных условиях стояла проблема догоняющего развития, может быть найден и Россией. Россия слишком великая страна, чтобы погибнуть от вшей.

СТАЛИН — ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ИЗРАСХОДОВАЛ РОССИЮ

Я не думаю, что Советской России нужна война. Ей нужны плоды войны и безграничная экспансия ее власти и идеологии.

Уинстон Черчилль. Фултоновская речь

УБЫЛЬ НАСЕЛЕНИЯ

В 1913 году в Российской империи проживало 170 млн. человек, или 10 % населения Земли. На территории России при этом проживало 89.9 млн. человек, или 5,6 % населения Земли.

Сейчас на территории России проживает 140 млн. человек, или 2,4 % населения Земли.

Россия занимала одну шестую часть суши и имела одну десятую населения. Теперь Россия занимает одну девятую часть суши и имеет 2,4 % населения. Подобные диспропорции не сохраняются длительное время. Они приводят к дальнейшему распаду государства и отходу земель к более многочисленным и сильным соседям.

Что же случилось? Почему в начале XX века мы были третьи в мире после Китая и Индии, а сейчас вот-вот уступим Пакистану и Нигерии? Куда делось население?

Умерло.

«Каждую ночь в Харькове собирают по 250 умерших от голода и тифа. Замечено, что большое число из них не имеет печени, из которой готовят пирожки и торгуют ими на рынке» — это итальянский консул в Харькове о голоде 1931 года.

Всего количество жертв этого рукотворного сталинского голода составило не менее 10 млн. человек.

Но люди умирали не только от голода: их ссылали. Ссылали «кулаков» и «подкулачников», то есть самый цвет нации; кулаков ссылали комиссары, тружеников — бездельники и пьяницы. «Говорят, что мы сослали 10 млн. человек, — сказал Молотов Феликсу Чуеву, это неправда, мы выслали 20 млн. человек.»

Что произошло с высланными?

Вот отчет инструктора Нарымского обкома партии о ситуации на острове Назино, куда в апреле 32-го года отправили кулаков. «На острове не оказалось никаких инструментов, никаких построек, ни семян, ни крошки продовольствия... Люди начали умирать... Вскоре началось в угрожающих размерах людоедство... из 6100 человек, прибывших из Томска, к 20 августа осталось в живых 2200 человек».

А сколько умерли до Томска? А сколько погибли к марту? Но будем считать, что не три четверти из 20 млн. погибли. Будем считать, что погибли только половина. Прибавим к 10 млн. человек, погибших от голода, 10 млн. человек, погибших от холода в Сибири.

И прибавив к этому еще собственно жертв террора. В 1937—1938 гг. органами НКВД было аресто-

вано 1,5 млн. чел, из них 680 тыс. были расстреляны, а 115 тыс. погибли под пытками или в лагерях. В 1940-м осудили уже 2,4 млн. человек. Накануне войны в лагерях оставалось 1 млн. 900 тыс. человек — сколько надо было извести в мясорубке, чтобы случайно проскочивших между ножами мясорубки осталось почти 2 млн.? Прикиньте сами.

ОРУЖИЕ

В обмен на что погибли эти люди? Ради чего был уничтожен цвет нации? Ради чего Россию превратили в ГУЛАГ? В обмен на создание военной машины, которая должна была покорить весь мир. Вся территория России была превращена в единую сборочную фабрику, где ценой величайших лишений создавалось наступательное оружие.

Американец Джон Скотт провел пять лет на промышленных стройках Урала. В книге, выпущенной в Стокгольме в 1944 г., он писал: «Советский Союз уже с 1931 г. находился в состоянии войны, и его народ исходил потом, кровью и слезами. Людей ранило и убивало, женщины и дети замерзали, миллионы умерли от голода, тысячи попали под военные суды и были расстреляны в боевом походе за коллективизацию и индустриализацию... В течение всех тридцатых годов русский народ вел войну — промышленную войну».

Сталинская экономика была подчинена одной идее — идее завоевательной войны. Заводы, которые строились в России, производили не кофемолки,

чайники и тазики. Они производили либо танки, либо сталь для танков, либо электричество, которое нужно было, чтобы получить сталь, которая была нужна, чтобы изготовить танки.

Кто спроектировал эти заводы? Главным проектировщиком этих заводов был Альберт Кан — самый известный промышленный архитектор Америки, проектировщик заводов Форда.

С 1929 по 1932 год фирма Альберта Кана — в России она обманчиво называлась «Госпроектстрой», чтобы скрыть тот факт, что фирма американская — спроектировала для России 571 промышленное предприятие.

В их числе: тракторные заводы в Сталинграде, Челябинске, Харькове, Томске; самолетостроительные заводы в Краматорске и Томске; автомобильные заводы в Челябинске, Москве, Сталинграде, Нижнем Новгороде, Самаре; кузнечные цеха в Челябинске, Днепропетровске, Харькове, Коломне, Люберецке, Магнитогорске, Нижнем Тагиле, Сталинграде; станкостроительные заводы в Калуге, Новосибирске, Верхней Сольде; прокатный стан в Москве; литейные заводы в Челябинске, Днепропетровске, Харькове, Коломне, Люберецке, Магнитогорске, Сормово, Сталинграде; механические цеха в Челябинске, Люберецке, Подольске, Сталинграде, Свердловске; теплоэлектростанция в Якутске; сталелитейные и прокатные станы в Каменском, Коломне, Кузнецке, Магнитогорске, Нижнем Тагиле, Верхнем Тагиле, Сормово; Ленинградский алюминиевый завод; Уральская асбестовая фабрика и пр.

Проще сказать, что Кан спроектировал всю российскую промышленность. За это он получил от Сталина 2 млрд. дол., что в нынешних ценах — около 220 млрд. дол.

Эти 2 млрд. дол. были оплачены трупами умерших от голода крестьян. В 1932 году Сталин вывез на экспорт из голодающей страны 17,3 млн. тонн зерна, в 1933-м — 16,8 млн. тонн. «В тот самый год, когда в Харькове пекли пирожки с человечино́й, из СССР на экспорт было отправлено 47 тыс. тонн мясомолочных продуктов, 54 тыс. тонн рыбы. Страна людоедов экспортировала муку, сахар, колбасы, подсолнечник», — замечает Марк Солонин.

Но, может быть, убивая миллионы крестьян, уничтожая генофонд нации, расстреливая людей «за колоски», — Сталин поощрял ученых?

Советская наука 20-х годов (как и искусство, и архитектура, — все) переживала необычайный взлет. Ее создавали идеалисты — Иоффе, Рождественский, Мандельштам. Это было первое поколение советских физиков. Все они провели несколько лет на Западе. Дмитрий Рождественский изучал физику в Лейпциге и Париже, Леонид Мандельштам работал в Страсбурге, Иоффе — в Мюнхене, у Рентгена. Все они вернулись после революции в Россию, считая своим долгом быть российскими учеными. Все они создали институты — рассадники ученых.

А потом эти институты стали расстреливать.

В Украинском физико-технологическом институте, в начале 30-х бывшем одной из самых могучих российских научных школ, были расстреляны три руководителя отделов — Шубников, Розенкевич

и Горский. Арестовали обоих руководителей института — Лейпунского, а потом Обреимова. Двух коммунистов — австрийца Александра Вайсберга, возглавлявшего низкотемпературную секцию, и немца Фридриха Хаутерсмана — СССР любезно выдал Гитлеру после заключения пакта Молотова—Риббентропа.

Были арестованы Ландау и Фок, был расстрелян один из самых молодых гениев СССР — Бронштейн.

Еще один пример — судьба Сергея Королева.

Практически все инженеры ракетного НИИ, в котором он работал, были расстреляны. Был расстрелян начальник Королева Иван Клейменов и конструктор «катюш» — Георгий Лангемак. Из всех разработчиков «катюш» остался в живых один инженер Костилов, который дорабатывал «катюши» в 1941 году. Его наградили — и расстреляли. Сергей Королев остался в живых чисто случайно. Следователь, который его допрашивал, требовал от него признаться, что Королев конструировал ракету, чтобы убить товарища Сталина. И поучал человека, который вывел СССР в космос — «нашей стране ваша пиротехника и фейерверки не только не нужны, но даже и опасны».

Сталин вспомнил об ученых, когда узнал, что союзники работают над атомной бомбой. Как мрачно пошутил Ландау, «главным следствием атомного проекта было спасение российских ученых».

От кого защищался Сталин, подписывая контракт с фирмой Кана в 1929 году? Контракт, который стоил России 220 млрд. дол. в ценах 2004 года и 20 млн. трупов? От Гитлера? Но Гитлер пришел к власти в 1933-м.

От коварных империалистов? Но Сталин покупал заводы, станки и оружие именно у коварных империалистов.

Заводы он покупал у Кана. Танк БТ он покупал у американского конструктора Кристи (в 1930-м, за три года до прихода Гитлера к власти). А вот вам история 1925 года, рассказанная Виктором Суворовым в «Последней Республике».

Во Францию приезжает красвоенлет (красный военный летчик) Минов. Задание Минова — купить четыре тысячи военных авиационных двигателей (у Гитлера на Восточном Фронте 22 июня 1941 года было меньше). Минов и его начальник, глава ВВС СССР Петр Баранов, двигатели купили и собрались уезжать, и тут... Баранова опознали.

«Оба курили в тамбуре вагона, когда Минов увидел сияющего в улыбке министра авиации Франции Лорана Эйнека. В штатском, с красными розами в руке, министр в сопровождении адъютанта направился прямо к ним. Лоран Эйнек был очень любезен в прощальной речи. Он сокрушался, что слишком поздно узнал о пребывании столь высокого гостя, что, не будь его, министра, досадной неосведомленности, коллега мог бы увидеть и узнать здесь несравненно больше». (*Из воспоминаний летчика-испытателя Игоря Шелеста «С крыла на крыло».*)

Я правильно понимаю, что это министр авиации с розами в руке собирался нападать на СССР? Или Сталин уже в 1925 году знал, что спустя восемь лет в Германии к власти придет Гитлер?

Ответ заключается в том, что Сталин планировал наступательную войну, и ради этой войны весь СССР

был превращен в фабрику по производству оружия, ценой жизни населения.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СТАЛИНА

Для того, чтобы вести войну, мало иметь оружие. Хорошо еще вести такую войну, которую ты будешь иметь право назвать освободительной. Войну, которая — если воспользоваться древними китайскими стратегемами, — позволит «убить чужим ножом» и «грабить во время пожара».

Иначе говоря — хорошо бы иметь в центре Европы бесноватый режим, в борьбе с которым Европа изойдет кровью, после чего ее, Европу, будет легко освободить. И тогда, как гласит устав РККА, «Если враг навяжет нам войну, Рабоче-крестьянская красная армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий».

Начиная с 1933 года вся внешняя политика Сталина (а Сталин располагал гигантским внешнеполитическим ресурсом в лице западных коммунистов и их попутчиков — «полезных идиотов») — направлена на создание «пожара» и «чужого ножа».

Собственно, самым своим приходом к власти Гитлер обязан Сталину. На выборах 1933 года Гитлер получил 43 % голосов, а социал-демократы и коммунисты вместе — 49 %. Если бы коммунисты вступили в коалицию с социал-демократами, то Гитлер не пришел бы к власти.

Кто запретил коммунистам вступать в коалицию с социал-демократами? Сталин. «Мир вполне мог обой-

тись без Гитлера во главе Германии и без Второй мировой войны. Но Сталин — не мог», — замечает Виктор Суворов.

Однако Гитлер у власти сам по себе еще ничего не значил. По условиям Веймарского договора Германия была разоружена. У нее не было армии. У нее не было стрельбищ. У нее не было полигонов. Все это предоставил Гитлеру Сталин. Сталин снабжал Гитлера сырьем, — но не бесплатно. В обмен Гитлер снабжал Сталина новейшими образцами германского оружия. Всего по всем видам соглашений вплоть до 21 июня 1941 года Сталин получил от воюющей Германии оружия (по 2—3 образца лучших германских вооружений), станков и техники на 150 млн. немецких марок. А после 22 июня Сталин стал получать все то же самое от США.

Если бы не Сталин, Гитлер вырос бы в диктатора средней руки, вроде Саддама Хусейна, задавленного после первой же попытки захватнической войны и не опасного ни для кого, кроме своих собственных граждан.

18 июля 1936 года в Испании вспыхнул франкистский мятеж. Генерала Франко поддержали 80 % армии. Без поддержки СССР республиканцы были обречены.

Но СССР перебросил в Испанию 648 самолетов, 347 танков, 60 бронев автомобилей, 1186 орудий, 20 тыс. пулеметов, 497 тыс. винтовок — все, выкованное огромной военной машиной, топливом для которой служил голод и смерть. В результате немногочисленные испанские коммунисты, не пользовавшиеся до той поры особым влиянием, стали главной силой борьбы

против Франко, а Джордж Оруэлл, сражавшийся в Испании на стороне республиканцев, вынес из этого ада идеи «1984».

Зачем Сталин тратил гигантские деньги на войну в Испании? Ответ: он надеялся разжечь в Испании тот «пожар», после которого можно «грабить». Он надеялся, что Гитлер ввяжется в конфликт на стороне Франко, а Англия и Франция — на стороне республиканцев. Все «полезные идиоты» и коминтерновцы по указанию из Москвы предпринимали все, чтобы заклеить позором западные демократии, которые не вступили в войну в Испании.

Однако в Испании «пожар» — то есть Вторая мировая война — не начался.

Но в 1938 году на карте Европы появляется новая точка напряженности: Чехословакия. Германия требует у Чехословакии вернуть ей населенные немцами Судеты.

В сентябре 1938 года Англия и Франция уговаривают Чехословакию уступить Гитлеру. Это событие получило название «Мюнхенский сговор». Это самый позорный факт в истории Европы, и невыученный до сих пор западными демократиями урок о том, что если ты уступаешь хулигану, то он воспринимает твои уступки как новый плацдарм для атак.

Однако возникает один вопрос: а что делал во время Мюнхена СССР? Ответ заключается в том, что СССР в конфиденциальных переговорах с Германией всячески поддерживал позицию Германии, а в конфиденциальных переговорах с Чехословакией СССР всячески поддерживал позицию Чехословакии. В решающий момент СССР в ответ на прямую просьбу чехосло-

вацкого президента Бенеша о помощи ответил, что помощи надо искать в Лиге Наций. (Кстати — в мае 1938 года из-за ложного сообщения агента чешские, а затем германские войска были выдвинуты к границе и чуть не сцепились друг с другом, и СССР вел себя точно так же). Если бы Сталин заявил, что он-то защитит Чехословакию — тогда бы Мюнхена не было.

Чехословакия, как и Испания, была тем местом, где Сталин рассчитывал разжечь пожар, во время которого можно грабить. Сталин надеялся, что Англия и Франция готовы будут вступить в войну на стороне Чехословакии.

Намерения Сталина были вполне понятны и были выражены им самим в речи на заседании Политбюро от 19 августа 1939 г. «В интересах СССР — Родины трудящихся, чтобы война разразилась между рейхом и капиталистическим англо-французским блоком. Нужно сделать все, чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух сторон». Лучше бы не сказал сам Сунь-цзы, который писал: «Когда враг повержен в хаос, пришло время восторжествовать над ним».

Речь Сталина была произнесена 19-го августа, а 23-го августа был заключен пакт Молотова—Риббентропа. Как замечает Суворов, этот договор неправильно называть договором Молотова—Риббентропа. Это Московский договор 1939 года, приведший к началу Второй мировой войны.

Ровно через неделю после подписания этого договора, 1 сентября 1939 года, Гитлер атакует Польшу; Гитлер требует от Сталина, чтобы тот тоже напал на Польшу. Но Сталин ждет 17 дней и входит в Польшу только 17 сентября, причем войны не объявляет.

Одним этим маневром Сталин показывает свое стратегическое превосходство над Гитлером. Во-первых, к этому времени основная тяжесть боев приняла на себя немецкая армия, и Сталин продвигается практически без сопротивления. Во-вторых, поляки не понимают, с кем воюет Красная армия — с ними или с немцами? В-третьих, Англия и Франция, объявив, в соответствии с долгом союзников, войну Гитлеру, так и не решаются объявить войну Сталину, потому что надеются, что во вспыхнувшей войне Сталин рано или поздно ударит Германии в тыл и проще не связывать ему руки, объявляя войну.

Так Гитлер и Сталин совместно начинают Вторую мировую войну; Гитлер оккупирует часть Польши, Францию, Бельгию, Голландию, Люксембург; Сталин в это же время оккупирует часть Польши, Литву, Латвию, Эстонию, западную Украину, часть Румынии, часть Финляндии — всего Сталин оккупирует за два года Второй мировой войны территории с населением в 23 млн. человек.

И снова, в отличие от Гитлера, Сталин не называет оккупацию — оккупацией. В переписке Молотова и Риббентропа эти захваты называются «успехами нашей внешней политики», в передовицах «Правды» — «освободительными походами в Западную Белоруссию и Западную Украину».

Сталин и Гитлер оба начинают Вторую мировую войну, но если рассматривать Вторую мировую как преступление, то роль Сталина и Гитлера различна. Гитлер — это организатор, тупое орудие. Сталин — это заказчик.

Все это время — 1939-й и 1940-й — Сталин, с одной стороны, нависает над стратегическими линиями

снабжения Гитлера, которые он может перерезать в любой момент, лишив Германию доступа к румынской нефти и шведской железной руде; с другой стороны, он снабжает Германию сырьем, чтобы та поработала Европу, с третьей — он получает от Гитлера станки и материалы, которые советская промышленность не в силах получить сама.

Уверенность Сталина в том, что «чужой нож» — Гитлер — полностью от него зависит и напасть не сможет, так велика, что одним из ее следствий становится Катынь. 22 тыс. офицеров польской армии — военная элита Польши — расстреляны в Медном, в Катыни, в Калинин. Офицеров убивают по одному, выстрелом в затылок, убивают так много, что советские пистолеты не выдерживают, стреляют из немецких вальтеров, в Калинин «майор Блохин привез с собой целый чемодан вальтеров-ПП». Помимо необычайной бесчеловечности этой казни, — это необычайный ключ к психологии Сталина.

Сталин и помыслить не может, что 22 тыс. опытейших офицеров, ненавидящих вермахт, могут пригодиться ему в оборонительной войне против Гитлера. Нет — в мае 1940 они просто занимают место. ГУЛАГ не безразмерен. Количество палачей и вертухаев не безгранично: скоро из Европы хлынут новые толпы пленных, жилплощадь в тюрьмах надо срочно освободить. Уверенность Сталина в том, что все произойдет согласно его плану так высока, что он не может подождать и расстрелять поляков хотя бы после начала собственной наступательной операции.

Это еще одна характерная черта Сталина, которая 22 июня оказалась роковой. Он никогда не занимался

contingency planning. Он был уверен, что все будет так, как планировал он.

Летом 1941 года Красная армия превосходила германскую во всем: в количестве и качестве танков, в количестве самолетов, артиллерии, дивизий. Было одно-единственное качество, по которому вермахт превосходил Красную армию, причем превосходил заведомо, неизбежно, неотменимо и именно в силу абсолютного превосходства Красной армии во всем остальном. ***Вермахт превосходил Красную армию в скорости развертывания.*** 3628 танков быстрее сосредоточить и снабдить, чем 12 379 танков. 2500 самолетов быстрее сосредоточить, чем 10 тыс. самолетов. Когда удар наносит гигант, единственным, причем неотъемлемым преимуществом противника гиганта является быстрота.

С того момента, как Красная армия начала разворачиваться у границы, — и даже раньше, с того момента, когда Красная армия благодаря «освободительному» походу Жукова в Бессарабию оказалась в 180 км от румынских нефтяных скважин, война была неизбежна, и уже в силу этого можно было ожидать, что Гитлер воспользуется единственным имеющимся у него преимуществом. Сталин этого не планировал и не ожидал.

ХАРАКТЕР ВООРУЖЕНИЙ

Итак, с 1929 года весь СССР превращается в фабрику по производству оружия. Колхозы организовываются для того, чтобы изымать зерно и платить им Альберту Кану. Еще колхозы нужны потому, что колхозник,

который умеет управлять трактором, умеет управлять и танком. В сущности, трактор, который делается на Челябинском тракторном — это тот же танк. Самолетом в колхозе научиться управлять нельзя, поэтому по всей стране ОСОАВИАХИМ и ДОСААФ учат молодых парней летать.

Но, может быть, это делается для обороны? Может быть, Сталин боится, что проклятые капиталисты (Гитлера-то еще нет) — на него нападут?

Тогда посмотрим — вслед за Виктором Суворовым, который это сделал в «Ледоколе» и «Дне М» — на характер производимых вооружений.

В 1930 году Сталин покупает у проклятых капиталистов (а точнее, в США, у американского конструктора Кристи) танк БТ. Американский танк БТ производится в Харькове на заводе, сконструированном американским же дизайнером Каном, в количестве 22 штуки в день.

Только БТ-7 к 1940 году в войсках было произведено 5300 штук. Всего к началу Второй мировой всех типов БТ в Красной армии было больше, чем всех типов танков во всех странах мира.

БТ — это замечательный танк. БТ сражался в Испании и в октябре 1937-го проделал марш-бросок к реке Эбро, преодолев за двое с половиной суток марш в 630 км. БТ блестяще себя проявили под Халхин-Голом, совершив 800-км марш-бросок по монгольской степи. В августе 1945-го танки БТ ударили по японцам, пройдя марш-броском 820 км, при этом из 1019 танков всех типов потери составили лишь 78 единиц.

Из вышеперечисленных операций нетрудно заметить одну основную особенность самого массово-

го танка Красной армии. Он был оптимизирован для европейских дорог и монгольских степей. «У БТ был единственный недостаток: эти танки невозможно было использовать на советской территории», — иронизирует Виктор Суворов.

А вот еще одно знаменитое оружие, полностью позаимствованное Сталиным из США. Это стратегический бомбардировщик ТУ-4, точная копия американского Б-29. Его скопировали полностью, включая отверстие в панели управления под банку с кока-колой, и пепельницу (хотя советские летчики курить не имели права). Копирование было столь рабским, что в качестве базовой единицы при расчетах использовали дюймы, которые потом переводили в миллиметры.

ТУ-4 строили уже фактически после войны, когда стало ясно, что была взорвана атомная бомба и срочно понадобились для нее носители.

Но почему у Сталина, превратившего всю страну в фабрику по производству оружия, не было хороших стратегических бомбардировщиков? Ответ заключается в том, что до изобретения атомной бомбы такой бомбардировщик был оружием оборонительным. Стратегический бомбардировщик — это оружие возмездия. Он означает, что если на тебя напали, ты летишь к противнику в тыл и наносишь удар по заводам, которые делают оружие, которым тебя атакуют.

Если нападаешь ты, стратегический бомбардировщик не нужен. Тебе не надо разрушать военные заводы противника. Ты планируешь их захватить целыми и использовать их продукцию для продолжения атаки.

Вместо стратегических бомбардировщиков Сталин проектировал, например, Ил-2. Ил-2 — это

самолет-агрессор, предназначенный не для воздушных боев, а для уничтожения противника на земле. Да и советских летчиков не учили ведению воздушных боев. Но их учили наносить удары по наземным целям.

Одно из самых простых средств обороны от противника — мины. Но и мин не было.

«Инженерное управление Красной армии направило заявку на 120 тыс. железнодорожных мин замедленного действия. Этого количества вполне бы хватило для того, чтобы в случае вторжения германской армии парализовать все железнодорожное сообщение в ее тылах, от которых она полностью зависела. Но вместо заказанного количества было получено 120 мин, — вспоминает Иван Старинов. — Мины ждут своего часа».

Что же производила советская промышленность вместо оборонительного оружия — мин, противотанковых пушек (производство 37- и 45-мм противотанковых пушек было остановлено в 1939 г.), стратегической авиации? Она производила танки, которые можно использовать только в Европе, и самолеты, которые можно использовать только в чистом небе.

ВОЙНА

По состоянию на 22 июня на Западной границе СССР Красная армия сосредоточила невиданную мощь: 12 379 танков, свыше 10 тыс. самолетов, около 60 тыс. орудий и минометов. Ей противостояли 3628 танков и 2500 самолетов вермахта.

К концу сентября Красная армия потеряла 15 500 танков, 10 тыс. самолетов, 66 900 орудий и минометов, 3,8 млн. единиц стрелкового оружия.

Как произошел такой невиданный разгром?

Виктор Суворов дает на этот вопрос простой ответ: армия была уничтожена именно потому, что готовилась к нападению. Аэродромы, придвинутые к границе на расстояние 8–12 км, были разбомблены. Снаряды, высыпанные перед войной прямо на грунт, были захвачены. Через снятые для наступления заграждения прошли немецкие солдаты, не встретив на своем пути мин. Гитлер нанес Красной армии удар в тот момент, когда она, как боксер, раскрылась.

И, отдавая бессмысленные приказы о контрнаступлении, Сталин насаживал армию, как медведя на рога-тину, на стальные клинья наступающего вермахта.

Виктор Суворов — это первый человек, который внятно и связно объяснил нам, что же происходило в СССР до 22 июня 1941 г. Его роль в истории Великой Отечественной войны может быть сравнима только с ролью Галилея в физике, который первым установил, что все тела падают с одинаковым ускорением: а до этого две тысячи лет думали, что тяжелые тела падают быстрее.

Но это был тот редкий случай, когда Виктор Суворов ошибался. Точнее — анализируя все, что происходило до 22 июня 1941 года, Виктор Суворов совершенно прав. Но вот его описание причин катастрофы 1941 года поверхностно и часто следует советским шаблонам: «внезапным ударом», «по мирно спящим аэродромам» (ну, пусть не по мирно спящим, но все равно — «на земле»).

Самое полное описание дал историк Марк Солонин. В книге «На мирно спящих аэродромах» Солонин, авиаинженер по исходной профессии, заинтересовался самым простым из утверждений, общих для Суворова и советских историков: аэродромы были придвинуты к границе, поэтому самолеты все разбомбили на земле.

Солонин показал, что это не так: что просто в силу ТТХ тогдашних самолетов разбомбить их на земле было чрезвычайно трудно. Налет, в ходе которого повреждались 2—3 самолета и убивали 2—3 человек, считался необыкновенной удачей. Самолеты противника чаще всего уничтожали в воздухе.

А как же Красная армия лишилась к сентябрю 10 тыс. самолетов? А вот как: сначала следовал приказ отступить, и самолеты перелетали на другой аэродром. Потом следовал новый приказ — и самолеты снова перелетали. Через пять-шесть таких перелетов механики, обслуживающий персонал и пр. оставались где-то далеко, летчики грузились в автомобили и уезжали, оставляя самолеты врагу.

Как дело выглядело с танками, Марк Солонин описывает в трех книгах: «22 июня. Анатомия катастрофы», «23 июня — “День М”», «25 июня — глупость или агрессия»?

По идее дело с танками выглядело прекрасно. Красная армия имела на момент начала войны 24 тыс. танков, то есть в 7 раз больше, чем Гитлер. Но и это еще не все, потому что боевые качества этих танков были несравнимы.

1 августа 1941 года 1 (один) танк КВ под командованием старшего лейтенанта Зиновия Колобанова преградил дорогу на Гатчину колонне из 40 немецких

танков. «Когда этот беспримерный бой закончился, 22 немецких танка дымились в поле, а наш КВ, получив 156 прямых попаданий вражеских снарядов, вернулся в расположение своей дивизии», — пишет Марк Солонин.

А вот как описывает встречу с КВ командир 41-го танкового мехкорпуса вермахта генерал Рейнгардт:

«С трех сторон мы вели огонь по железным монстрам русских, но все было тщетно... Русские гиганты подходили все ближе и ближе. Один из них приблизился к нашему танку, безнадежно увязшему в болотистом пруду. Без всякого колебания черный монстр проехал по танку и вдавил его гусеницами в грязь».

Из этого описания несложно заметить, что танк КВ вел себя в бою с частями вермахта точно так же, как если бы он выкатился на поле под Ватерлоо. Или под Аустерлицем. У противника просто не было средств его остановить. Генерал Рейнгард описывает, как немцы прикатали на поле боя 150-мм гаубицу. Она ударила по танку прямой наводкой. После чего КВ «втоптал» ее в землю.

При этом только в войсках Юго-Западного фронта КВ было 265 единиц. Помножим эти 265 танков на 22 — и окажется, что только эти КВ могли уничтожить гитлеровские танки полтора раза, причем без всякого вреда для себя. Заметим также, что в дополнение к КВ был еще Т-34, который мог пробить броню любому немецкому танку на дистанции 1000—1200 м и оставался неуязвимым для любого немецкого танка на расстоянии свыше 500 м. К июню 1941 года Т-34 в войсках было уже свыше 1000 штук.

И где же были эти танки?

А нигде.

Вот бой 26 июня южнее Ровно, в бой двинулась 43-я танковая дивизия 19-го мехкорпуса. «Из 237 танков, имевшихся в наличии до начала боевых действий, в атаку пошла сводная танковая группа в составе 2 танков КВ, 2 танка Т-34 и 75 танков Т-26».

А вот 24 июня три полка 81-й дивизии окружены немецкой пехотой в районе Немирова. «Как пехота может окружить танковый полк, на вооружении которого 270 танков БТ?» — саркастически спрашивает Марк Солонин. Это скорее походит на анекдот про мужика, который поймал медведя.

А вот 37-я танковая дивизия: в дивизии по состоянию на 22 июня — 316 танков, боевые потери — ноль, осталось на 26 июня — 221 танк. 10-я танковая дивизия — было 363 танка, боевые потери — 53 танка, осталось к вечеру 26 июня — 39 танков. Остальные, включая 40 КВ, растаяли. А вот 63-й танковый полк 32-й танковой дивизии: с 22 июня по 30 июля он потерял 17 человек убитыми. А танков он потерял 145, включая 14 КВ и 61 Т-34.

А вот совершенно уникальная дивизия — 3-я танковая. К 28 июня, за 6 дней, из 337 танков в дивизии осталось 255, а численность личного состава упала до 67 %. В чем же ее уникальность? — спросите вы. Это же блестящие результаты — за 6 дней с начала войны количество солдат и танков в дивизии сократилось всего на треть. А уникальность в том, что дивизия стояла в глубоком тылу и передвигалась не от фронта, а к фронту. Кстати, делала она это медленней, чем движущийся в противоположном направлении по советской территории танковый корпус Майнштейна.

А есть ли что-то, что Красная армия в это время не теряла? Да, отвечает Солонин — это грузовики. Если взять ту же самую 10-ю танковую дивизию, в которой из 363-х танков через 4 дня осталось только 39, то из 864 ее грузовиков за Днепр пришло 613 машин!

Зачем нужны грузовики? Чтобы драпать.

«То, что произошло летом и осенью 1941 года с Красной армией, выходит за все рамки обычных представлений. История войн такого не знает, — пишет Солонин. — Красная армия с первых же часов войны превратилась в толпу вооруженных беженцев, для которых допотопные газики были гораздо ценнее новейших, лучших в мире танков».

Итак, к 9 июля Красная армия потеряла 11,7 тыс. танков, 19 тыс. орудий и минометов, более 1 млн. единиц стрелкового оружия. К концу сентября, повторю, — 15 500 танков, 10 тыс. самолетов, 66 900 орудий и минометов, 3,8 млн. единиц стрелкового оружия. «С потерями противника эти цифры даже невозможно сравнивать — у вермахта просто не было такого количества тяжелых вооружений», — замечает Солонин.

Это были сотни тысяч тонн стали. Это было оружие созданное ценой миллионов жизней. Это была продукция Харьковского, Челябинского, Сталинградского тракторного заводов, за которую было заплачено голодом и людоедством. Это было беспримерное, невиданное поражение. Все эти пушки, снаряды и танки достались немцам и потом сражались на их стороне.

Вопрос: что было причиной этого беспримерного бегства? Ответов только два. Один заключается в том, что 22 июня 1941 года весь русский народ внезапно превратился в трусов.

Кого только не называли трусами в мировой истории! Итальянцев, австрийцев, у Лермонтова находим «бежали робкие грузины», трусами честили японцы китайцев и белые — негров. Поправьте меня, но я не помню ни одного случая в истории походов Суворова или наполеоновских войн, чтобы кто-то — противник ли, союзник, назвал русские войска трусами.

Русский солдат и русский казак всегда вызывали ужас в Европе своей нечеловеческой храбростью. И вот 22 июня 1941 года все солдаты превратились в трусов. Вместо того чтобы сидеть в совершенно неуязвимой громаде КВ и безнаказанно «втаптывать» в грязь стреляющие по ним в упор 150-мм немецкие гаубицы — они драпали.

Эти трусы драпали так, что немецкие войска продвигались по 15—20 км в день, то есть фактически с той скоростью, с которой и идет пеший солдат. Это одно объяснение — что все русские превратились в трусов.

Другое объяснение заключается в том, что солдаты бросали оружие, потому что ненавидели Сталина, и их бегство было настоящим всенародным референдумом. Референдумом о том, как на самом деле российский народ относился к кровавому палачу, отнявшему у него свободу, собственность и жизнь.

Сталин был великий психолог: он правильно считал, что, если превратить людей в рабов, а потом бросить рабов в наступательный поход, то эти рабы будут убивать, грабить и насиловать, желая выместить собственное рабство на противнике. Это среднестатистическая реакция человека, втоптанного в рабство.

Но Сталин забыл подумать о том, что случится, если рабам придется обороняться. Ответ заключался в том, что рабы — восстанут.

Те, кто является поклонниками Сталина, исповедуют, очевидно, первую точку зрения. Они считают, что был великий Сталин, который все предусмотрел, у которого было 24 тыс. танков, включая неуязвимые монстры КВ — и на него наскочил слабый Гитлер, про лучший танк которого, Т-IV, российские военные отказывались верить, что он новейший и лучший, — но тут вся Красная армия отпраздновала труса и разбежалась. Сталин был велик — вот только народишко ему попался неудачный.

Я исповедую вторую точку зрения. О том, что российский солдат способен на чудеса храбрости. Но 22 июня 1941 года он не видел причины сражаться за палача. Это было не бегство — это был бунт. С поправкой на условия войны.

Есть ли еще какие-нибудь объяснения, или, скорее, важные дополнения к причинам катастрофы 22 июня?

О да. Одно из них — это полный, тотальный обвал цепочки командования, вызванный паническим бегством сталинских начальников. Опять же процитирую — по Солонину — воспоминания Болдина.

В первый день войны Болдин, первый замкомандующего Западным особым военным округом, прилетает на военный аэродром 35 км восточнее Белостока и едет к фронту. По пути он встречает драпающий из Белостока ЗИС-101. «Из его открытых окон торчат широкие листья фикуса».

Представительский ЗИС мог оказаться в распоряжении только трех человек: секретаря обкома и начальников облуправления НКВД и НКГБ.

«Встреча с дамой и фикусом происходит восточнее Белостока, то есть за сто километров от границ, во второй половине дня 22 июня, то есть примерно через 12 часов после начала боевых действий», — пишет Солонин.

Иначе говоря: начавшаяся война не совпадала с представлениями командующих палачей о прекрасном. Их идеалом была война, как в Катыни: когда стреляешь в затылок связанному польскому офицеру, и так 22 тысячи раз. Когда оказалось, что война — это когда в тебя стреляют, сталинским палачам это показалось нечестным, и они драпанули от линии фронта, прихватив с собой фикус.

Когда немцы 26 июня вошли в Дубно, они обнаружили, что в местной тюрьме чекистами убито было 500 человек. «Все люди были полностью раздеты. В каждой камере висели головами книзу 3—4 женщины... У всех женщин были вырезаны груди и языки». У палачей НКВД хватило любви к великому Сталину на то, чтобы в суматохе бегства подвесить каждую женщину ногами вверх и вырезать у нее груди. На то, чтобы сражаться с врагом, времени не осталось.

Заметим, что импотенция начальства — это не вторая причина поражения, это та же самая причина. При каких условиях начальство бежит с поля боя еще до начала сражения? Когда оно знает, что ему начнут стрелять в спину.

Есть ли еще обстоятельства, которые надо учесть для объяснения разгрома 22 июня?

Да.

Война начинается 22 июня. Но первые выстрелы ее, которые слышит в Ковеле полковник Федюнинский,

командир 15-го стрелкового корпуса, — это не выстрелы немцев. Это выстрелы украинских повстанцев, которые обстреливают его машину и машину начальника штаба генерала Рогозина.

А во Львове 24 июня комиссар 8-го мехкорпуса Попель описывает городские бои... нет, не с немцами. А с мятежниками. «Понять, где наши, где враги, никак нельзя — форма на всех одинаковая, красноармейская», — вспоминает Попель.

Всю эту стрельбу в тылу тогда относили на счет «гитлеровских диверсионных групп», — но в том-то и дело, что вермахт не высадил в те дни в тылу Красной армии ни одного десанта. Более того — «форма на всех одинаковая, красноармейская». Очень трудно себе представить, что люди, стрелявшие по комиссару Попелю во Львове, были исключительно украинскими националистами.

В два дня красноармейскую форму добыть было трудно — все-таки был не 1994 год, и формой, как в Чечне, не торговали. Проще всего себе представить, что форма была на тех, на ком она и должна быть — на солдатах Красной армии.

22 августа 1941 года майор Кононов, член ВКП(б) с 1929 года, кавалер ордена Красного Знамени, выпускник академии им. Фрунзе, ушел к немцам с частью бойцов своего 436-го полка. Летчики перелетали к немцам десятками: из них даже сформировали «русскую» часть люфтваффе, причем среди асов оказались два Героя Советского Союза: капитан Бычков и старший лейтенант Антилевский. Число «хиви», то есть бывших советских людей, зачисленных в регулярные части вермахта в качестве помощников, к июлю 1943 года

составило 600 тыс. человек: а ведь были еще полицаи, была еще РОА, тот же Кононов сформировал свою часть, «102-й казачий дивизион».

Кто они были? Бывшие комиссары и комсомольцы? Отчасти да, и так хорошо ж Сталин воспитал свою элиту, что ей было все равно кого стрелять, лишь бы стрелять. Те, кто ненавидел Сталина? Тогда за что?

В чем причины этого «беспримерного как в истории России, так и в истории Второй мировой войны сотрудничества с оккупантами»? (Солонин) Неужели русский народ испортился? С французами не сотрудничал, к англичанам под Севастополем не перебежал, японцам в 1905-м не сдавался, — а вот появился величайший гений всех времен и народов, Генералиссимус Сталин, и народ стал толпами перебегать? И к кому? К людоедам.

12 сентября 1941 года Сталин подписывает директиву о создании заградотрядов. «В наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме со стороны противника бросают оружие», — говорится в ней.

Что это за зверь такой — заградотряды? Это, если подумать, удивительная тактика. Это тактика террористов, когда не ты воюешь, а кто-то впереди тебя, кому ты при случае пустишь пулю в затылок. Во всей мировой истории нет ничего подобного. Есть только отдаленные аналогии: например, палестинские террористы. Да еще в Китае был такой военный строй — всадники, скованные цепями, чтобы, значит, не разбегались.

И в России такого не было. Воевали со шведами, не было заградотрядов, воевали с французами, не было заградотрядов, на чужой земле воевали, Париж брали,

Измаил, Плевну, в горах Кавказа дрались насмерть с диким чеченом и черкесом — не было заградотрядов! Но появился самый величайший человек в истории, и возникла нужда в заградотрядах!

Из вышесказанного следует еще одна очень важная вещь: вошло в моду — с легкой руки Жукова — издеваться над Сталиным: вот, мол, к войне не были готовы, танки все были устаревшие, а Сталин еще и приказывал контратаковать.

Но если вы посмотрите на события с точки зрения Сталина — если вы представите себе то, что знал он, — то его приказы являются совершенно логичными. Что знал Сталин? Что он обладает семикратным численным преимуществом в танках; что он обладает абсолютным преимуществом в боевых характеристиках машин, что один КВ способен ездить по полю боя где-нибудь под Белостоком так же безнаказанно, как по полю боя под Бородино.

Да, Гитлер напал: это представляет из себя некоторое тактическое неудобство и большую идеологическую выгоду. Наш советский танк тут думал, как раздавить гитлеровский запорожец, а запорожец вдруг сошел с ума и сам шмякнулся о танк. Ну и что? Все равно результат для запорожца в конечном итоге одинаков. И вдруг вся эта громада, как колосс на глиняных ногах, складывается и бежит, бросая 15 тыс. танков и 3,8 млн. винтовок.

Представить себе, что выпестованные им палачи настолько трусливы, а его народ настолько его ненавидит, Сталин вряд ли был в состоянии.

Приказы о контратаках — с точки зрения Сталина — были совершенно логичны. Они вытекали из всего, что

Сталин знал о своей армии. И не менее логичен был еще один приказ — признать пленных изменниками. Взглянем опять же на происходящее с точки зрения Сталина. Сталин знал, что эти пленные, обладая полным превосходством, сдались, бросили 15 тыс. танков и 3,8 млн. винтовок. Отчего? Только потому, что они против Сталина. Как оно и было на самом деле.

ДОРАСХОДУЙ ЖИВУЮ СИЛУ...

Ну, хорошо, скажете вы, почему бежали — понятно. А почему остановились? Бежали-бежали, а почему ж потом выиграли войну?

Этот вопрос так прост и так жуток, что даже самые бесстрашные историки боятся давать на него ответ.

Обычный ответ: народ понял, что Гитлер еще хуже Сталина, война действительно стала Отечественной.

Такой вопрос: а народ это как понял? Хронику посмотрел? В июне он хронике не верил, в июле не верил, в августе толпами сдавался в плен, а к зиме — поверил?

29 июня 1941 г. великий и мудрый тов. Сталин приказал «не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего», обрекая тем на верную смерть 40 млн. населения, оставшегося под немцами; 28 сентября 1941 г. Жуков повелел разъяснить всему личному составу, «что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны»; 17 ноября 1941 г. Сталин повелел «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии в 40—60 км в глубину от переднего края и на 20—30 км вправо от дорог».

Послушал все это народ и решил: да что вы, Гитлер гораздо хуже Сталина! И стал драться насмерть.

Вот только трудно это себе представить. «Наши советские партийные руководители и особенно органы НКВД боятся народных масс, а потому, спасая свою шкуру, они первыми, с приближением фронта, бегут от немцев, боясь, что с приходом немцев не немцы, а массы расправятся с ними».

«Наша армия в настоящее время небоеспособна, так как она в основном состоит из крестьянской массы, а крестьянам не за что воевать, они ожидают больше от Гитлера, чем от советской власти, так как с 1929 года над ними форменным образом издевались».

Так рассуждал замнаркома боеприпасов Ключев, о чем и доложил собственноручно Берия Сталину 10 февраля 1942 года. И вряд ли те, кто думал так, как Ключев, к зиме свое мнение переменили.

Что же переменилось к зиме 1941-го, когда заградотряды расстреливали людей, как мух, а посланные Сталиным диверсанты жгли деревни за линией фронта, обрекая людей на смерть? **Ответ: меры Сталина возымели действие.**

Страшный ответ заключается в том, что войну (в том смысле, в котором мы понимаем эту войну) действительно выиграл Сталин. **А оружием, которым он ее выиграл, — стал не танк, не самолет, не гаубица, а заградотряд.**

Как воевала Красная армия? Что было ее основным приемом?

«До самого конца войны русские, не обращая внимания на потери, бросали пехоту в атаку почти в сомкнутых строях», — пишет генерал Меллентин.

«Атаки русских проходят, как правило, по раз и навсегда данной схеме — большими людскими массами — и повторяются несколько раз без всяких изменений», — сообщает немецкая разведка в 1942 году.

«Большие плотные массы людей маршировали по минным полям. Люди в гражданском и бойцы штрафных батальонов двигались вперед, как автоматы, бреши в их рядах появлялись, когда кого-нибудь убивало или ранило взрывом мины. С расстояния в 600 метров мы открыли огонь, и целые отделения в первой толпе атакующих повалились на землю... Уцелевшие одиночки тупо шли вперед. Это было жутко, невероятно, бесчеловечно. Ни один из наших солдат не стал бы двигаться вперед», — это уже немецкий офицер о боях под Киевом.

Так это выглядело в описании немцев.

Так это выглядело в описании немецких генералов.

А вот так это выглядело в описании Николая Никулина, члена-корреспондента Российской академии художеств, ведущего научного сотрудника Эрмитажа, который в 1941-м попал связистом в 13-й артиллерийский полк.

Провоевав всю зиму 41-го под Ленинградом, он описывает страшную картину: геологические слои трупов, павших в боях у станции Погостье. «Позже, весной, когда снег стаял, открылось все, что было внизу. У самой земли лежали убитые в летнем обмундировании в гимнастерках и ботинках. Это были жертвы осенних боев 1941 года. На них рядами громоздились морские пехотинцы в бушлатах и широких черных брюках. Выше сибиряки в полушубках и валенках, еще выше

политбойцы в ватниках и тряпичных шапках, на них тела в шинелях и маскхалатах, с масками на головах и без них».

Рядовые, которых гнали в бой заградотряды, не могли отступить. Но это не означало, что не могут отступить командиры. Для того чтобы отступить, им надо было всего лишь *израсходовать* личный состав. Тогда они могли отступать, не боясь быть расстрелянными.

«Давай, твою мать, дорасходуй живую силу — и отступаем на переформирование», — это воспоминания отца Дмитрия Орешкина.

В воспоминаниях Николая Никулина есть такая деталь: после войны он встречается с немцем, который воевал против русских с той стороны. Немец вспоминает, как к ним на передовую прискакал молоденький лейтенантик и ну поднимать войска в атаку: за Фатерлянд, за Гитлера! Первым вскочил на бруствер, первым получил пулю — в атаку никто не пошел.

У руководителей Красной армии таких проблем не было. Вот — 311-я дивизия, возле того же Погостья, Никулин случайно видит ее командира: «Я заглянул в щель сквозь приоткрытую обмерзлую плащ-палатку, заменявшую дверь, и увидел при свете коптилки пьяного генерала, распаренного, в расстегнутой гимнастерке. На столе стояла бутылка с водкой, лежала всякая снедь: сало, колбаса, консервы, хлеб. Рядом высились кучи пряников, баранок, банки с медом — подарки из Татарии «доблестным и героическим советским воинам, сражающимся на фронте», полученные накануне. У стола сидела полуголая и тоже пьяная баба». В довершение следует добавить, что штатная численность стрелковой дивизии в 1941-м была 14 тыс. чел,

а 311-я потеряла убитыми 60 тыс. и пропустила через себя 200 тыс.

Комдив Гладков в своих воспоминаниях описывает, как в 1944 году, будучи брошен в наступление, осмелился потребовать артподготовки. В ответ: мат командующего Масленникова: «Нет боеприпасов — сам иди в атаку!»

Гладкову еще повезло. Он был все-таки комдив. Основной костяк бойцов, расстреливаемых особистами перед боем как раз и состоял вот из таких «паникеров» и «трусов», которые считали нужным палить из пушек по высоте, вместо того, чтобы «израсходовать» солдат и дать возможность товарищу чекисту отступить в тыл на переформирование.

«В пехотных дивизиях уже в 1941—1942 годах сложился костяк снабженцев, медиков, контрразведчиков, штабистов и тому подобных людей, образовавших механизм приема пополнения и отправки его в бой, на смерть», — вспоминает Никулин.

«Подходя к минному полю, наша пехота проводит атаку так, как будто этого поля нет», — объяснял генерал Жуков изумленному генералу Эйзенхауэру.

Вот это самая страшная правда. Войну (в нашем понимании) действительно выиграл Сталин. Выиграла его стратегия: гнать и гнать людей вперед, на минные поля и немецкие пулеметы. При этом расходным материалом были не люди — была самая Россия.

Что делал Жуков под Ельней в августе 1941 года? Бросал пехоту на штурм сначала врытых в землю танков, а потом — пустых минных полей.

Что делал Жуков — этот «браконьер народа русского», как назвал его Виктор Астафьев, — подо Рже-

вом? В течение 15 месяцев он бросал полк за полком, дивизию за дивизией на абсолютно бессмысленный штурм укрепленных немецких позиций. Потери войск превысили 2 млн. человек, вдвое превзойдя потери в Сталинградской битве. Сам город был уничтожен полностью — из 40 тыс. населения в живых осталось 248 человек.

Ржев — это самая кровопролитная битва за всю историю человечества. А что мы о ней знаем? Ничего. Поскольку Жуков Ржева с боем не взял — немцы спокойно отошли, когда стало поджимать с флангов, — то официальная историческая наука даже не признает такого термина: Сталинград был, Курск был, а Ржева не было.

Может быть, выучились к 1944-му?

«Потери, — пишет Бешанов в книге «1944-м, победный», — в 1944 году составили, по неполным данным, 6,5 млн. солдат и офицеров убитыми и ранеными, то есть, как и в предыдущие годы, действующая армия была израсходована почти на 100 процентов».

Год 1945-й. При взятии Берлина ежедневные потери Красной армии составили по 15 тыс. человек в день — это были самые большие потери за войну. Жуков ввел в город две танковых армии, которые там и «истратил». В чем причина? Социалистического соревнования между Коневым и Жуковым за то, кто первым возьмет Берлин.

Но вот еще вопрос: когда появилась эта стратегия?

30 ноября 1939 года начинается «зимняя война» с Финляндией. В войне безвозвратно «потрачено» 127 тыс. человек. Историки до сих пор спорят, была

эта война поражением или победой. При этом, как правило, они пытаются оценить эти результаты и эти потери с общечеловеческой точки зрения. С точки зрения, скажем, генерала Эйзенхауэра. Но самый главный вопрос — другой: а как оценил результаты «зимней войны» Сталин?

Для этого достаточно спросить, а что он сделал с маршалом Тимошенко, который её командовал? Расстрелял? Отправил в отставку за большие потери?

Ответ: 8 мая 1940 года Сталин назначил Тимошенко наркомом обороны вместо Ворошилова.

А через десять дней после своего назначения Тимошенко подписывает «МП-41» — мобилизационный план Красной армии. И в нем значится: «Потребность на покрытие предположительных потерь на год войны в младшем начальствующем составе и рядовом составе рассчитана исходя из 100 %-ного обновления армии».

А теперь посмотрим: сколько полагалось мобилизовать до начала войны. Ответ: 7 млн. 850 тыс. человек. Это — «исходя из 100 %-ного обновления». Умножим 7.850 на четыре года войны и увидим, что Сталин планировал потерять больше, чем потерял.

Вот это — самое важное. Потери под Ельней, подо Ржевом, 100 %-ное обновление армии в 1944-м — это не вынужденные события. Не следствие бездарности Жукова. Это не тактическая импровизация, случившаяся из-за нехватки снарядов. Это — стратегия. Стратегия, которая заключается в том, что Россия, ее народ, совершенно сознательно приговариваются к роли топлива, сгорающего в гигантской военной машине, наползающей на мир. Сколько во Франции жи-

вет в 1939 году? 41 млн. человек. Сколько в Италии? 43 млн. В Австрии? 7 млн. В Бельгии? 8 млн. В Болгарии? 6 млн. В Нидерландах? 9 млн. В Чехословакии? 15 млн. В Румынии? 19 млн. В СССР? 170.

Как же тут ради такой добычи не израсходовать хоть 10, хоть 30 миллионов русских?

Вот это надо понимать тем, кто хвалит Сталина: либо Сталин, либо Россия. Сталин не просто сжег Россию в войне. Это было сделано совершенно сознательно. Это была не тактика, это была стратегия. 100 %-ное израсходование России совершалось согласно плану.

Что ж, согласимся: Сталин действительно создал нечто невиданное в мировой истории. Все гениальные полководцы в мире работали с той армией, которая у них была. Александр Македонский — с фалангой, Цезарь — с легионом.

Есть только два правителя в истории человечества, которые реализовали другую стратегию. Эти двое считали, что не нужно гениальных полководцев. А нужно создать такой строй, который породит армию, способную выигрывать сражения при любом полководце. Один из них — Цинь Шихуанди, основатель империи Цинь, последователь школы «фа цзя». Другой — Иосиф Сталин.

Предписания «фа цзя» очень просты. «Фа цзя» — это учение о том, во что надо превратить государство, чтобы оно завоевало весь мир. Для этого надо сделать так, чтобы в государстве не было торговцев, шутов, или ученых, а были лишь крестьяне, способные выращивать зерно для содержания армии.

«Если в государстве есть десять паразитов, — сказано в «Книге правителя области Шан», — Ши цзин,

Шу цзин, ли, музыка, добродетель, почитание старых порядков, человеколюбие, бескорыстие, красноречие, острый ум... то государство будет расчленено. Если же государство избавится от этих десяти паразитов... то оно непременно побеждает».

Сталин, как и Цинь Шихуанди, избавился от «десяти паразитов». Сталину, как и Цинь Шихуанди, не были нужны гениальные полководцы. Он создавал такую систему, которая порождала армию, выигрывающую в конечном итоге любые сражения. Поэтому-то главным полководцем Сталина стал «великий браконьер русского народа» Георгий Жуков, способный тратить людей просто так что под Ельней, что под Берлином.

*Такая система не могла не выиграть войну.
Но она истратила русский народ дотла*

«Он, он и товарищ Сталин сожгли в огне войны русский народ и Россию», — восклицает о Жукове Виктор Астафьев, один из тех, кто уцелел подо Ржевом, — по три мужика на сотню в его поколении.

«Ни одна страна, ни один народ не терпел такого поражения в войне, как Россия и русский народ. Ее, России, попросту не стало. Страшно произносить, но страна-победительница исчезла, самоуничтожилась».

И каждому, кто хвалит Сталина, надо выбирать. Либо он хвалит Сталина, истратившего русский народ дотла, хвалит командира 311-й дивизии, парившегося в тылу с бабами, хвалит палачей, расстреливавших перед строем тех, кто отказывался бросать своих солдат

на штурм без артподготовки — либо он за тех, кто умер под Ельней, подо Ржевом, в Погостье.

Сталин войну проиграл

Вот это, пожалуй, есть самое страшное, что не хочется признавать любителям Сталина. Сталин — в его, Сталина, понимании — войну не выиграл. Сталин войну проиграл.

Сталин с момента прихода к власти готовился к войне за мировое господство. «Большевистскую миссию Красная армия будет считать выполненной, когда мы будем владеть Земным Шаром», — это комиссар Гамарник на активе Наркомата Обороны 15 марта 1937 года. Гамарника, кстати, вскоре расстреляли.

Чтобы создать базу для этой войны, Сталин уничтожил не миллионы, а десятки миллионов. Чтобы создать международные условия для этой войны, Сталин выпестовал Гитлера. Сталин пытался разжечь войну между Гитлером и западными демократиями в Испании, в Чехословакии, и наконец разжег ее в Польше. Сталин совместно с Гитлером оккупировал территории с населением в 23 млн. человек, и при этом повел дело так, что ведущие мировые демократии на коленях умоляли Сталина вступить в войну против Гитлера.

И вот эту войну Сталин проиграл. За три месяца после 22 июня 1941 года, вся огромная военная машина потеряла 15 500 танков, 66 900 орудий и минометов, 3,8 млн. единиц стрелкового оружия. Сталинской военной машине был нанесен такой смертельный удар, что, наступая в 1945 году, она захватила только половину Европы.

И тогда же выяснилась еще одна страшная для Сталина вещь. Сталин был, без преувеличения, гениальным военным конструктором. По сути, он был Главным Конструктором СССР. Именно Сталин решал, какие самолеты и какие танки ему нужны. Он досконально разбирался в чертежах. Он лично звонил Илюшину с требованием снять стрелка с задней полусферы на Ил-2 — или, наоборот, поставить.

Но Сталин, как Главный Конструктор и Главнокомандующий, поразительно воплощал в себе ту фразу, что генералы всегда готовятся к прошлой войне. Та война, к которой готовился Сталин, была Первой мировой. Позиционной войной, в которой танки и артиллерия взламывали оборону противника. И все решения Сталина были связаны с созданием более совершенных танков и самолетов и более совершенных способов эту оборону взломать.

Парадоксальным образом Сталин проигнорировал все новейшие технические разработки — реактивные двигатели, ракеты, ядерное оружие.

Все работы над ними были начаты только после того, как НКВД доложил, что такие работы ведутся за рубежом. Это было тем более обидно, что советские ученые подавали пионерные идеи практически во всех этих сферах.

И вот, в конце Второй мировой войны, США взорвали над Хиросимой и Нагасаки атомную бомбу, а у Сталина атомной бомбы еще не было. В таких условиях продолжать войну было бессмысленно.

И Сталин это знал. Именно поэтому он не принял парад Победы и при его жизни не было написано истории войны с Германией.

А это означало, что СССР обречен. СССР в начале 40-х мог вполне реально рассчитывать на покорение Европы. Когда военное превосходство СССР было подавляющим, когда демократические лидеры Европы, как им и подобает в период мирного времени, были слишком трусливы и ограничены, чтобы готовиться к войне, а общественное мнение в Европе во многом определялось агентами Сталина.

Когда у США появилось ядерное оружие; когда Черчилль в Фултоне заявил о недопустимости военной слабости демократий, ведущей к «соблазну» Советов, и о необходимости стратегического союза между США и Великобританией с целью недопущения новой политики умиротворения агрессора, — это означало, что СССР обречен.

Именно поэтому все, что мы имеем сейчас, было заложено при Сталине. Мы имеем демографическую катастрофу. Мы имеем экономическую катастрофу, когда промышленность, создававшаяся только для войны, оказалась заведомо неконкурентоспособной, а люди, выучившиеся делать лопатки для двигателей и броню для танков, не умеют ничего больше. И мы имеем экологическую катастрофу в городах, воздух которых отравлен, а вид которых в точности напоминает концлагерь: бараки в жилой зоне и промзона-заводы.

Нам говорят — Сталин принял Россию с сохой, а оставил ее с атомной бомбой.

Так вот. У меня был прадед, которого звали Яков. Он был крестьянин из села Алексенки близ Бородино (да-да, того самого), и к тому времени, как его раскулачили, у него была конная сеялка и конная веялка. И когда мы с отцом в конце 80-х приехали в Алексенки, мы увидели

три покосившиеся избы и старую бабу, которая показала нам эту сеялку и эту веялку, и сказала, «до конца 60-х наш колхоз сеял Яковой сеялкой и веял Яковой веялкой».

Мне трудно представить себе развитие событий, при котором Россия Столыпина, Россия, в которой за несколько лет в Сибири появилось 3 млн. процветающих крестьянских хозяйств, Россия, которая строила КВЖД, Россия, которая обладала бесконечным генофондом работающих крестьян и огромными природными богатствами — не обзавелась бы к середине XX века ядерной энергией и без Сталина.

Но мне очень легко себе представить, что без Сталина под Бородино не сеяли бы в 60-х годах сохранившейся полвека Яковой сеялкой, и не веяли бы Яковой веялкой.

Если о чем и свидетельствует история Сталина, так это о том, что зло — не окупается. Заметьте, за все предыдущие страницы я ни разу не употребила слов «негуманно», «аморально» и так далее. Будем проще: зло — стратегически невыгодно.

Сталин сжег Россию, чтобы завоевать мир. Мир не завоевал, а Россию спалил до тла.

Сталин — как вирус. Вирус встраивается в клетку, переключает все ее ресурсы на себя, вычерпывает ее дотла, заставляет ее производить вместо других клеток — себя. Ему неважно, что хозяин умрет, за это время вирус настолько размножится, что заразит других хозяев. Такова же была и стратегия Сталина: переключить все ресурсы России на себя, выпить ее народ до дна, истребить, но в процессе заразить полмира и получить новые заводы и новые народы для размножения. И вот — не сработало.

Сталин организовал не победу во Второй мировой войне. Сталин организовал всю Вторую мировую войну. Эту войну, в его понимании, он проиграл. Поэтому он не принимал парада Победы и поэтому в СССР при жизни Сталина не была создана история войны.

Часто говорят, что истории не бывает в сослагательном наклонении. Мы, мол, не знаем, что да если бы. А вдруг Бронштейн, если бы его Сталин не расстрелял, все равно бы ничего не открыл? А вдруг Лангемак больше не построил бы ни одной ракеты? А вдруг все 20 млн. кулаков, если бы они не были высланы, все равно бы прекратили работать? А вдруг из всех 28 млн., что погибли под Ельней, подо Ржевом, под Берлином — ни один, выжив, не сделал бы в жизни ничего? Не сочинил бы ни одной симфонии? Не написал бы ни одной великой книги? Не родил бы ни одного сына, который сделал бы гениальное открытие?

И вообще, мол, в 1913 году Россия развивалась, а вдруг бы она сама собой прекратила развиваться? Без Сталина? Была в 1913 году с сохой и в 1953-м тоже с сохой бы и осталась? Чего, мол, сравнивать Россию с США? Или с Европой?

Тогда возьмем для сравнения ту часть Российской Империи, которую Сталину не удалось завоевать: я имею в виду Финляндию. Вряд ли кто в начале XX века стал бы называть чухонцев самой развитой частью империи. История Финляндии в XX веке — не сахар. Финляндия перенесла две советско-финских войны, в обоих под ружья были поставлены все, кто умел сражаться, а потери войск, дравшихся до последнего вздоха, составляли по 30—40 %. В феврале 1944 года

Хельсинки стал объектом крупнейшей за все время Второй мировой войны операции советских ВВС: на город было сброшено 2,5 килотонн. В 1945 г. от Финляндии были отрезаны лучшие куски территории; у нее забрали никелевые месторождения в Печенге, заставили выплатить 300 млн. дол. товарами по довоенным ценам и еще 6,5 млрд. финских марок.

Переедьте финскую границу в Выборге. Посмотрите на асфальт, который вдруг перестал трескаться. На аккуратные домики вдоль шоссе. На города, похожие на города, а не на бараки. И представьте себе, какой бы была эта страна, если бы в ней жили не 5,5 млн., а 600 млн. человек.

Неужели вы думаете, у этой страны не было б ядерной энергии? Неужели вы думаете, она не была б сверхдержавой?

ЭФФЕКТИВНОСТЬ НАСИЛИЯ, ИЛИ НАСИЛИЕ КАК КАПИТАЛ

В конце XX века мир, по удачному выражению Томаса Фридмана, «стал плоским». С 1991 года две огромных страны — Индия и Китай — влились в великую реку открытой экономики. Плоский мир — это мир растущих доходов, мгновенных коммуникаций и интернациональных компаний, производящих свои товары в Миннесоте, Малайзии, Бангалоре и Шанхае.

Великая река экономики открыта для всех, однако на земле есть места, где время течет вспять. Тегеран 60-х годов был азиатским Парижем; теперь это город очередей за бензином и Корпуса стражей исламской революции. В Ираке в 60-х носили мини-юбки, теперь за непокрытую голову женщину могут убить. В Афганистане убийства танцовщиц моджахедами дело обычное; в Пакистане, уровень развития которого в свое время позволил ему обзавестись атомной бомбой, целые провинции перешли в руки талибов.

Большинство стран, путешествующих вспять во времени, — мусульманские страны. Но не только. В Конго каннибализм стал нормой жизни, при этом среди вооруженных формирований, сражающихся там, есть угандийская «Господня армия сопротивления» и «бунтовщик во имя Христа» генерал Нкунда. В Венесуэле

нет никакого ислама, зато есть президент Уго Чавес. На Гаити ислама тоже нет, но зато там есть вудуистские вооруженные формирования и противостоящая им «армия каннибалов», жуткая нищета и свыше двух тысяч международных гуманитарных организаций. (Одна только ооновская *MINUSTAH* имеет 10 тыс. человек и бюджет в 612 млн. дол.) Страна деградировала настолько, что любое стихийное бедствие оборачивается социальной катастрофой: дожди, которые пролились по всему Карибскому бассейну в 2004-м, унесли на Гаити 3,5 тыс. жизней, а сравнительно слабое землетрясение магнитудой 7,1 убило в январе 2010-го около 250 тыс. человек — никто не знает, сколько именно.

В мире остались две страны с коммунистическими лидерами во главе, с запретом частной собственности и с концлагерями: это Куба и Северная Корея. Трудно сомневаться в том, что конец их близок и что после смерти Фиделя Кастро режим мгновенно рухнет.

Не то — Гаити или Афганистан. Трудно себе представить, чтобы на Гаити, в Конго или в секторе Газа завтра появились сборочные производства *Intel* или *Samsung*. Эти страны идут во времени в обратном направлении: насилие в них становится все страшней, население — все беспомощней. Великая река открытой экономики течет мимо этих страшных болотных затонов, и чем шире река — тем прочней дамба, которая отделяет эти затоны, и тем страшней крокодилы и людоеды, которые в них водятся.

Более того — подобные затоны появляются внутри самих западных стран. В Европе мигранты второго и третьего поколения не стремятся интегрироваться в открытое общество.

Палестинец, получающий под десятью разными именами десять социальных пособий в Канаде; сомалиец, вырезающий своей дочери клитор в Голландии кухонным ножом на столе; нигериец, торгующий наркотиками в Бельгии, — все они получают социальные пособия и считают себя выше презренных кяфилов.

Сверхдержава под названием США способна справиться с экономическим кризисом и обеспечить технологический рай в *Silicon Valley*. Однако сверхдержава под названием США не способна справиться с президентом Ирана Ахмадинежадом, хотя еще век назад, когда разница в уровне жизни между Западом и Ираном была куда меньше, невозможно было себе представить Иран, угрожающий Западу. Войска ООН не могут навести порядок в Конго, хотя еще век назад бельгийцы без каких-либо проблем оккупировали его.

Почему в некоторых местах время движется вспять? Почему открытый мир оказывается бессилён перед насилием? Почему США, к примеру, не способны победить в Афганистане?

АФГАНИСТАН

Рассмотрим пристальней последний вопрос: почему США не способны победить в Афганистане?

Тому есть несколько причин.

65 % ВВП Афганистана составляет выращивание опийного мака, который потом перерабатывается в героин. Когда американские войска уничтожают посевы мака, они уничтожают пропитание беднейших крес-

тыян. В ответ крестьяне обращаются за помощью к талибам.

Талибы гораздо более жестоки. За время, охватываемое отчетами, опубликованными на сайте *Wikileaks*, американские войска случайно убили 179 мирных афганцев. За это время только в результате взрывов придорожных бомб, установленных талибами, погибло свыше 2000 мирных афганцев. Еще раз подчеркиваю — речь идет только о придорожных бомбах и только в Афганистане.

В это число не входят ни 117 человек, убитых смертником на рынке в Пешаваре 28 октября 2009 г., ни 33 человека, погибших спустя месяц на рынке в Кохате, ни 40 человек, взорванных возле мечети в Равалпинди 4 декабря 2009 г., ни 50 человек, погибших в Лахоре спустя три дня опять-таки на рынке от взрыва смертника: всего только за 2009 год только в Пакистане таких случайных жертв — свыше 3 тыс. чел.

Правозащитники постоянно критикуют США за *ненамеренные убийства* мирных жителей. К сожалению, я еще ни разу не слышала от правозащитников критики талибов за *намеренные убийства заведомо мирных жителей*, включая, например, публичное повешение 7-летнего мальчика за шпионаж в провинции Гельменд в июне этого года. На следующий день после этой казни смертник взорвался на афганской свадьбе, убив свыше 40 *заведомо мирных жителей*.

Ракетные обстрелы рынков; использование в качестве смертников психических больных и 6—8 летних детей, на которых надевают «курточку», говоря, что это «курточка с цветами, которые посыпятся на американцев, когда ты здесь нажмешь на кнопку», — по-

чему-то все это не вызывает ни малейшего беспокойства западных правозащитников. Защита прав человека превратилась в защиту прав террориста.

Жестокость талибов не исчерпывается тем, что можно назвать «идеологическими» преступлениями — то есть взрывами рынков и убийством танцовщиц. Похищения талибами детей с целью выкупа стали в Афганистане и Пакистане обыденной реальностью. За первые два месяца 2010 года в Пакистане было похищено 240 человек (почти все дети 3—7 лет) и только 74 из них возвращены живыми.

Существуют и более вопиющие случаи: несколько лет назад 12-летний смертник взорвал в Пакистане свадьбу с гостями. Причина взрыва была чисто коммерческая — один из партнеров жениха задолжал ему 1 млн. дол. и вместо того, чтобы отдать долг, отправился к фундаменталистскому имаму, щедро заплатив ему за смертника.

Преступления не являются монополией одних лишь талибов. Полевые командиры, на которых опираются США, также этим занимаются. Более того, у талибов есть определенное моральное преимущество. Талибы могут похитить мальчика ради выкупа, но никто не слышал о похищении талибами мальчиков для собственного сексуального удовлетворения.

Похищения мальчиков для собственного гарема среди командиров, на которых опираются США, обычное дело. Это стало предметом соревнования: у тебя гарем из тридцати мальчиков, а у меня из сорока.

Талибы отнюдь не пользуются всеобщей популярностью. Во многих провинциях Афганистана и Пакистана создаются отряды самообороны от талибов.

На последних выборах в Пакистане талибы получили 2 % голосов. Смертники, которые взрываются в Афганистане, обыкновенно являются пакистанцами, и наоборот, потому что даже зомбированный фанатик не хочет взрывать людей, которых он знает лично, в своем родном районе.

Движения Талибан возникло и развивалось не только спонтанно. Пакистанские военные поддерживали афганских талибов и поддерживают до сих пор, несмотря на то, что им самим сейчас угрожает опасность со стороны пакистанских талибов.

Такая поддержка объясняется прежде всего тем, что военные являются самой влиятельной экономической силой в Пакистане. Они контролируют все: госпитали, торговлю, крупное производство. Если некая группа людей внеэкономическими методами обеспечивает себе контроль над богатствами страны, она обычно склонна придумывать себе идеологию, которая обосновывает ее избранность и уникальность. Для советских коммунистов такой идеологией был марксизм. Для пакистанских военных такой идеологией является исламский фундаментализм.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ НАСИЛИЯ

Есть ли некая формула, объединяющая все эти случаи? На мой взгляд, такая формула есть. Это — эффективность насилия.

Мы делим страны на те, в которых демократия есть и те, в которых демократии нет. На те, в которых есть открытое общество и те, в которых его нет. *Мы точно*

так же можем разделить страны на те, в которых насилие эффективно, и те, в которых насилие неэффективно.

Те, в которых капиталом являются деньги, и те, в которых капиталом является насилие.

Вот подлинная история из Ирака: преподаватель университета отказал молодой девушке в поступлении в аспирантуру. Преподавателя нашли с шестнадцатью пулевыми ранениями, с отрезанными ушами и гениталиями; пять выстрелов девушка, как хвастались ее родичи, сделала сама.

Вот другая история — из Норвегии. В Норвегии фермер оставляет возле дороги беспризорный мешок с картошкой, листок с ценой и баночку со сдачей. И никому не приходит в голову, что можно забрать и картошку, и баночку.

Вопрос: что будет в Норвегии, если кто-то убьет преподавателя за отказ в поступлении в аспирантуру? Ответ: он сядет в тюрьму или психушку. Вопрос: что будет в Ираке, если фермер будет оставлять на дороге бесхозный товар и деньги? Ответ: их украдут, а того, кто оставляет, сочтут сумасшедшим.

Есть страны, в которых насилие эффективно, и страны, в которых оно неэффективно. В Афганистане или Ираке оно эффективно. Если ты убиваешь людей, ты становишься большим человеком. В США или Норвегии насилие неэффективно. Если ты убиваешь людей, ты попадаешь за решетку.

Здесь важен тот момент, что в странах, где насилие эффективно, оно является капиталом. Акт насилия существует не сам по себе: он накапливается в народной памяти и служит основой для дальнейшего увеличения

могущества. «Это такой сильный род, они в преподавателя, который отказал им в аспирантуре, всадили шестнадцать пуль». «Это такой сильный полевой командир, он похитил уже двадцать детей и получил за них пятнадцать миллионов».

Там, где насилию приходится скрываться, где преступник делает свое дело тайно, *насилие не становится капиталом*. Человек, который в США вздумает похищать детей и на этом стать влиятельной персоной — просто сумасшедший. Человек, который в Афганистане вздумает построить завод по производству микросхем и на этом стать влиятельным человеком — просто сумасшедший.

В XIII веке монголы, пришедшие на Ближний Восток, узнали о существовании страшной секты исмаилитов (ассасинов), от чьих кинжалов погибли три халифа, шесть визирей и Раймон Первый с Конрадом Монферратским. «Да?», — сказали монголы и вырезали исмаилитов с детьми и женами, разрешив тем проблему ассасинов полностью и окончательно.

В принципе у США есть очень простой способ справиться с талибами. Для этого им достаточно поступить как монголы. Но США — не монголы. Этот способ для США неприемлем потому, что он прежде всего покончит с США, как со страной, где капиталом являются деньги и интеллект, а не насилие.

КОНГО

Самой бедной страной мира является республика Конго.

Как известно каждому уважающему себя правозащитнику, своей нищетой страна обязана проклятым белым колонизаторам. Вместе с тем в справочниках можно прочесть, что в правление Мобуту Сесе Секо (что в переводе означает «Воин, идущий от победы к победе, и никто не может его остановить») количество дорог в Конго уменьшилось в четыре раза. Странно, кто же построил дороги? Неужели кровавые колонизаторы?

Каждому совестливому европейцу также известно, что это именно белые колонизаторы развратили народ Конго, живший до тех пор в гармонии с природой. В 1997 году в Конго началась гражданская война, которую называют и «панафриканской» и «мировой колтановой». Она унесла жизни около 7 млн. чел. В ходе этой войны ее участники — в частности, войска миллионера Жана-Пьера Бембе — ели пигмеев. Они не считали их людьми и полагали, что их мясо дарует магические способности. Возникает вопрос: неужели это белые колонизаторы научили борцов за свободу есть человечину? Или это старая привычка, восходящая еще ко временам гармонии с природой?

Если вы захотите узнать причину «мировой колтановой», то из множества правозащитных сайтов и статей вы узнаете, что в эту войну Конго ввергли международные корпорации из-за колтана; что за Мясником Кисагами (ныне возглавляющим полицию страны), бойцами Руанды, колдуном Уджани, у которого еще папа ходил по воде, как посуху, «движением за конголезскую демократию» и «Господней армией сопротивления», крадущей детей и разбрасывающей части человеческих тел, завернутые в листки от Библии, стоит

конфликт США и Франции, что за «бунтовщиком во Христе» Нкундой маячит тень *America Mineral Fields Ltd*, которой владеет чета Клинтон, а за вышеупомянутым уже Жан-Пьером Бембе — аж сам *Intel*.

Колтан — это танталово-ниобиевая руда, используемая в микроэлектронике для производства конденсаторов. С появлением *Sony Play Station* цена колтана на мировом рынке возросла с 49 до 275 дол. за фунт. 80 % мировых запасов колтана сосредоточено в Конго. Таким образом, относительно колтана Конго является сырьевой сверхдержавой.

Этой занимательной теории Великой Вины Проклятых Корпораций противостоит банальная правда жизни.

Она заключается также в том, что если завтра Конго исчезнет с лица земли, то с микроэлектроникой ничего не произойдет. Конденсаторы будут делаться из чего-то другого. *Sony Play Station* и сотовые телефоны будут стоить на доллар дороже и весить на два грамма больше. 80 % запасов колтана сосредоточено в Конго, но на него приходится около 1 % мировой добычи колтана.

А вот если исчезнет микроэлектроника, то миллионерам-каннибалам, колдунам, ходящим по воде, и бунтовщикам во имя Христа придется туго. У них не будет денег, чтобы покупать оружие, с помощью которого они заставляют население рабским трудом добывать им колтан.

Добыча колтана в Конго ведется самыми примитивными способами. О том, чтобы построить там фабрику по производству микроэлектроники, не может идти и речи. Там нельзя построить даже горно-обогатительный комбинат — необработанную руду вывозят в соседнюю Руанду. Там нельзя вложиться даже в нормаль-

ные рудники — добычу ведут вручную, это адский труд ценой 1 дол. в день.

В чем здесь дело? Все в том же самом. В Конго капиталом являются не деньги. В Конго капиталом является насилие. Полевые командиры, обладающие этим капиталом, заинтересованы прежде всего в сохранении собственного могущества. Сохранение собственного могущества требует поддержания чрезвычайной нищеты населения.

Только в условиях абсолютной нищеты и абсолютного бесправия несчастный уроженец Киву или Маньемы будет добывать колтан фактически бесплатно; а чтобы гарантировать себе бесплатный доступ к колтану, полевой командир должен гарантировать бесправие и нищету.

При этом совершенно неважно, кем исторически является этот полевой командир — членом банд, устроивших геноцид в соседней Руанде, племенным колдуном или просто богатым бизнесменом, вынужденным инвестировать в ополченческие отряды, чтобы сохранить жизнь и преумножить имущество: для всех для них капиталом является насилие, а не деньги.

Если в капиталистическом обществе движение денег описывается классической схемой «товар — деньги — товар», то тут схема иная: «насилие — деньги — насилие».

РАНЫШЕ

Как обстояло с насилием дело раньше?

Легко увидеть, что в древности и средневековье насилие тоже было капиталом. «Он не зарывал деньги в

землю, а раздавал их своим друзьям, видя в них и надежное средство охраны имущества, и лучшее средство их преумножения», — пишет Ксенофонт об основателе Персидской империи Кире. И, в сущности, Ксенофонт описывает механизм создания многих великих империй, — и механизм крушения цивилизованных обществ при вторжениях варваров.

Римская империя пала потому, что германцам было выгодней заниматься грабежом, нежели трудом. Китай эпохи Хань рухнул под натиском кочевников, потому, что кочевникам было выгодней заниматься тем же, чем и германцы.

«Они подвешивали их за ноги и коптили их, или подвешивали их за большие пальцы, или за голову, и подпаливали ноги, они опоясывали веревкой с узлом их головы и затягивали так, что мозг вылезал наружу». «Когда у бедняка больше не было ничего, чтобы отнять, они грабили и жгли все города, так что путник мог идти целый день и не найти ни человека, сидящего в городе, ни обработанного поля». «Много тысяч они убили голодом, и я не могу и не осмеливаюсь описать все раны и пытки, которые причинили они несчастным в этой земле» — это не об афганских талибах и не о конголезских мау-мау. Это хроники времен гражданской войны короля Стефана и императрицы Матильды в старой доброй Англии XII века.

Однако в традиционном обществе уровень жизни населения был настолько низок, что в среднем китайские чиновники или европейские бароны просто не могли присвоить себе 99 % ВВП. Десятина, то есть десятипроцентный налог, уже считалась тяжелым бременем.

За исключением редких несчастий вроде завоеваний кочевниками (которым не нужны города и поля) или совсем уже диких случаев гражданской войны (как между Матильдой и Стефаном), в обществе в общем-то соблюдалось равновесие. При отсутствии уважения к деньгам, при примате статуса над капиталом, традиционное общество позволяло купцу торговать, ремесленнику производить, и тем самым содержало в себе тот слой, который впоследствии станет буржуазией.

Первые изменения произошли именно с развитием торгового капитализма. Тогда в западноевропейских городах, вследствие роста свободы и производства, резко увеличилось количество доступных товаров. А в Восточной Европе, в Польше и России, начался обратный процесс.

Паны и помещики, соблазняясь новыми товарами, доставляемыми европейскими купцами, в поисках большего количества денег, необходимого для покупки этих товаров, начали выжимать последнее из своих крестьян. Этот процесс получил название *вторичного закрепощения*. Парадоксальным образом рост свободы в Западной Европе привел к уменьшению свободы в Европе Восточной. На Западе эффективной стратегией развития стала свобода, на Востоке эффективной стратегией для правящего класса стало закрепощение, позволявшее изымать у крестьян все больше и больше сырья — зерна, пеньки, леса — уходившего на Запад в обмен на невиданные в беднеющей стране товары.

То же самое происходило в Новом Свете: в испанской Америке, на островах Карибского моря, в южноамериканских штатах. Там возникли эффективные

рабовладельческие хозяйства, являвшиеся сырьевым придатком открытой товарной экономики. Владельцы поместий и гасиенд покупали товары открытого общества на открытом рынке, и чем больше становилось этих товаров, тем более беспощадной становилась эксплуатация принадлежащих им рабов. Точно так же, как и общества Восточной Европы, плантации Виргинии или Гаити снабжали открытое общество исключительно сырьем — сахарным тростником. Для открытых обществ Запада насилие становилось все менее и менее эффективно. Для сырьевых придатков насилие становилось все более и более эффективно.

СЕЙЧАС

В настоящий момент этот процесс дошел почти до логического конца. С одной стороны, «мир стал плоским». Любая страна — от крошечного Сингапура до громадного Китая, — вливаясь в великую реку свободной экономики, быстро обеспечивает себе рост ВВП, стабильность и уважение соседей.

Такие страны — где насилие неэффективно — составляют большую часть нашего мира. Но они составляют меньшую часть новостей.

Новости в основном приходят из других стран — тех, где насилие эффективно. Где насилие, а не деньги являются капиталом.

Группы интересов, правящие в таких странах, — будь то Конго или Афганистан — не заинтересованы в том, чтобы их страна становилась открытым обществом, потому что это означает исчезновение их могущества.

Они предпочитают быть очень влиятельными правителями очень бедной страны, нежели рядовыми гражданами плоского мира. Творимое ими насилие является их капиталом, увеличивающим их власть, и оно же является преградой на пути возникновения в их стране открытой экономики.

Обыкновенно экономика таких регионов опирается на сырье: нефть, колтан, опиный мак, листья коки. Это сырье может быть запретным или желанным, но всегда несложно в добыче. Редким исключением являются сектор Газа и Гаити, в которых поток денег для правящей элиты обеспечивает в основном гуманитарная помощь. Во всех случаях поток денег используется для покупки товаров за границей и для того, чтобы держать собственное население в рабстве, как материальном, так и идеологическом, обыкновенно внушая ему представление о том, что все вокруг — враги.

Существенная — и негативная — разница с традиционными обществами заключается в том, что в традиционном обществе любому, самому жестокому правителю были необходимы местные ремесленники, местные купцы, местные ученые. Они делали правителю мебель, расписывали его дворец, ухаживали за его конями.

В современном закрытом обществе, где насилие является капиталом, правящая группа интересов не нуждается в местных ремесленниках. Свою мебель она покупает за границей. Свои телефоны, машины, самолеты, обои, компьютеры, часы, одежду — все она покупает за границей, и возникновение любой общественной группы, которая занимается чем-либо другим,

кроме как является рабами или охранниками, воспринимается подобной группой интересов как вызов режиму.

Для того, чтобы распоряжаться всеми благами жизни, подобной группе интересов достаточно добывать колтан или нефть и обменивать ее на товары из-за рубежа. У нее нет никакой заинтересованности в том, чтобы поднять уровень жизни окружающих людей. Наоборот, это является опасностью для режима.

В прошлом для подобного рода элит существовала колоссальная опасность: быть завоеванными извне или свергнутыми в результате переворота. *A country divided against itself cannot stand*¹, — как сказал Линкольн вслед за Матфеем. В начале XX века, когда территория имела цену, а стоимость сырья составляла значительную долю в стоимости конечного товара, европейские державы были заинтересованы в обеспечении в колониях твердых правил игры. Они не могли допустить ситуации, при которой местный царек сегодня продает сырье, а завтра жжет европейских торговцев вместе с домами и женами.

В XXI веке, когда стоимость сырья стала составлять ничтожную долю в стоимости конечного продукта, насилие стало неэффективным, и опасность завоевания для местных элит совершенно исчезла. Цена, за которую любая интернациональная корпорация покупает колтан для конденсаторов, несравнима с ценой, в которую *Sony* обошлась бы война в Конго. Гораздо проще заплатить любую цену за нефть, чем пытаться

¹ Страна, воюющая сама с собой, выстоять не может. (англ.)
(Здесь и далее пер. автора)

завоевать Венесуэлу или принудить Саудовскую Аравию соблюдать права женщин.

Опасность кровавых переворотов сохраняется по-прежнему, но проблемой таких стран является то, что в них отсутствуют крупные группы интересов, испытывающие потребность в свободе. Такие группы интересов отсутствуют не только вверху, но и внизу.

На Гаити в 1804-м восставшие рабы вырезали всех белых и мулатов (всего 100 тыс. чел), в России в 1917-м пожгли всех бар. Восстание на Гаити или революция в России привели к насилию по отношению к рабовладельцам, но она не привела к свободе рабов. Она привела к появлению новой группы интересов, заинтересованной в насилии.

В таких странах насилие не просто является эффективным. Оно не просто является капиталом. Оно способно самовоспроизводиться практически бесконечно — до той поры, пока правящая элита не пересмотрит стратегию развития и не примкнет к плоскому миру.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЛЖИ

Не забудем, что насилие не живет одно и не способно жить одно: оно непременно сплетено с ложью. Между ними самая родственная, самая природная глубокая связь: насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а лжи нечем удержаться, кроме как насилием. Всякий, кто однажды провозгласил насилие своим методом, неумолимо должен избрать ложь своим принципом.

Александр Солженицын, Нобелевская лекция

В предыдущей статье под названием «Эффективность насилия» я писала о том, что прогресс человечества, к сожалению, не линеен и не необратим. После краха Римской империи мир погрузился во тьму на тысячу лет. И даже сейчас, в XXI веке, когда любая страна, присоединившаяся к открытому миру, мгновенно улучшает свой уровень жизни, отнюдь не все страны спешат к нему присоединиться.

Любая страна, чья экономика становится открытой — будь то огромные Китай и Индия или крошечные Эстония и Грузия — тут же ощущают преимущества этого. Но вместе с тем такие страны, как Венесуэла, Иран, Северная Корея, Конго, Афганистан, вряд ли в ближайшее время присоединятся к открытой экономике.

Более того — во многих частях мира наблюдается регресс. На Ближнем Востоке страны, в которых еще полвека назад женщины ходили с открытыми лицами,

стремительно погружаются во тьму фундаментализма. Целые континенты, как Африка, остаются погруженными в невежество и нищету. И даже внутри самой Западной Европы эмигранты из Ближнего Востока и Африки вместо того, чтобы пользоваться возможностями открытого общества, живут в гетто, где господствуют насилие и ложь.

Причиной этого, на мой взгляд, является сохранение в таких обществах (или таких гетто) групп интересов, заинтересованных в сохранении своего могущества. Полевые командиры, воюющие в Афганистане, заинтересованы в том, чтобы высокий социальный статус человека означал возможность творить насилие, причем они заинтересованы в этом как класс, вне зависимости от того, на чьей стороне они сражаются — на стороне американцев или на стороне талибов. Европейские бюрократы, распределяющие помощь мусульманским беженцам, заинтересованы в том, чтобы те вечно жили за счет этой помощи и не смогли зарабатывать на жизнь сами. Интересы афганских полевых командиров или европейских бюрократов в конечном итоге уменьшают благосостояние всех, но они способствуют благосостоянию данной группы интересов.

Группа интересов, которая не увеличивает существующее общественное благо, а перераспределяет его в свою пользу, обыкновенно действует с помощью насилия. Еще она действует с помощью лжи.

Насилие необычайно эффективно в том смысле, что насилие нельзя победить в открытой войне. Среди всех стран, участвовавших в Тридцатилетней войне (самой разрушительной войне в истории Европы), по-настоящему выиграла одна Англия, которая в войне почти

не участвовала. Среди всех стран, участвовавших в Первой мировой, по-настоящему выиграли одни США, которые в ней почти не участвовали.

Ложь не менее эффективна, чем насилие. Эффективность лжи связана с тем, что за ложью всегда есть конкретная группа интересов, чье жизненное благо зависит от этой лжи.

*Люди не умирают за правду.
Люди умирают за ложь*

Правда не объединяет людей. Людей объединяет ложь. Скажите: «небо синее» — и вряд ли вы соберете большую группу людей, готовых убивать и умирать за то, что небо синее. Но скажите «небо желтое» — и вокруг вас соберутся люди, готовые убивать и умирать за тайну, известную им одним — за то, что небо на самом деле желтое.

По поводу «желтого неба» я не преувеличиваю. Я описываю центральный мировоззренческий пункт восстания «желтых повязок», разразившегося в 184 г. н.э. «Желтые повязки» были убеждены, что после их победы небо из синего станет желтым: желтое небо справедливости сменит синее небо неравенства. Поэтому они и носили желтые повязки.

Никто никого не сжег ради утверждения «ведьм нет». А вот из-за утверждения «ведьмы есть» в Европе опустевали целые области.

Никто и никогда не убивал за утверждение о том, что $E=mc^2$. Никто и никогда не убивал за утверждение о том, что сумма квадратов катетов равна квадрату ги-

потенузы. Никто и никогда не убивал за утверждение о том, что мы о Боге ничего не знаем.

Зато люди убивали и умирали за то, что Бог един в трех лицах и что вино претворяется в его кровь. За то, что он передал самую последнюю и не подлежащую исправлению версию пользовательской документации по планете Земля одному конкретному арабу, которого звали Мухаммед. Люди убивали и умирали за утверждение о том, что Бога нет.

Католическая церковь твердо придерживалась утверждения, что Солнце вращается вокруг Земли, ибо противное противоречило текстам Псалмов (*Псал. 103: 5*), Стиху из Экклезиаста (*Экк. 1.5*), а также книге Иисуса Навина (*Нав. 10:12*). Во имя этого утверждения были запрещены труды Галилея. Но никто никогда под страхом смерти не запрещал утверждать, что Земля вращается вокруг Солнца.

Бесчисленные количества протестантов, католиков или анабаптистов были готовы убить и умереть за свою пользовательскую версию Бога. Но Галилей не стал умирать за утверждение о том, что Земля вертится вокруг Солнца. Он предпочел отречься.

Люди умирают и убивают за ложь. Люди не убивают и не умирают за правду.

Ложь создает вокруг себя группы интересов

Одна из причин устойчивости лжи заключается в том, что ложь *всегда* создает вокруг себя группу людей, для которых ложь гораздо выгодней правды. Это касается и тех случаев, когда речь идет о правящей

группе интересов, и тех случаев, когда речь идет о маргинальной группе интересов.

Католическому духовенству было жизненно важно утверждать, что только они владеют истиной о Боге. В противном случае им бы перестали платить десятину. Большевистским комиссарам было жизненно важно утверждать, что они строят коммунизм. В противном случае их действия превратились бы в простые грабежи и убийства.

Сторонникам теории глобального потепления жизненно важно утверждать, что оно существует: иначе они лишатся статуса и грантов. Для О'Джей Симпсона, американского футболиста, обвиненного в убийстве своей жены, жизненно важно было доказать, что он невиновен. Для него это был вопрос жизни и смерти, а для всех остальных это был куда более абстрактный вопрос правосудия.

Группа интересов выигрывает от лжи, и очень много. Человечество в целом проигрывает от лжи, но каждый человек проигрывает по чуть-чуть. Поэтому правда объединяет людей абстрактно: сидит себе большинство и молчит. А ложь объединяет людей конкретно: в свиной клин, на все готовы ради победы.

Лучшее средство против лжи — другая ложь

Именно поэтому правда редко напрямую схватывается с ложью. С ложью чаще всего схватывается другая ложь.

Общеизвестно, что самыми ожесточенными борцами против режима Сталина были не демократы и

не либералы. Ими были бандеровцы, представлявшие собой, по сути, фашистскую партию. А в сталинских лагерях лучше всего сопротивлялись режиму сектанты или православные верующие.

Кортес запретил ацтекам человеческие жертвоприношения не из общегуманных соображений, а как христианин. При этом он не видел ничего странного в том, что в его родной Испании люди, называющие себя христианами, приносят в жертву людей на кострах. Англичане запретили в Индии самосожжение вдов не из общегуманных, а из христианских соображений.

Когда американцы из общегуманных соображений вторглись в Ирак и Афганистан, они проиграли. Ложь может умереть от старости, но победить ее с помощью правды невозможно. Ложь побеждает другая ложь.

*Указывая на оленя, говорить, что это лошадь,
или Credo quod absurdum est*

Самая бросающаяся черта в любой лжи — это ее абсурдность. Этот принцип сформулировал Геббельс: ложь должна быть большой.

«Это поляки напали на нас», — заявил Гитлер, напав на Польшу. «Это Финляндия напала на мирный СССР», — заявил Сталин, напав на Финляндию. А когда в 1939 году СССР уличили в том, что тот сбрасывает бомбы на Хельсинки, нарком иностранных дел Молотов заявил, что СССР сбрасывает не бомбы, а продовольствие.

Тотальная ложь — это не столько набор утверждений о действительности, сколько тест «свой—чу-

жой». Если человек говорит: «Белофинны напали на СССР» — значит, он «свой». Если человек говорит: «Вино во время причастия пресуществляется в кровь Христа» — значит, «свой».

Во времена второго императора династии Цинь, Эрши, могущественный евнух Чжао Гао повелел привести во дворец оленя и сказал, что это лошадь. Всех, кто возразил «это олень», Чжао Гао приказал казнить, как людей, недостаточно верных ему. Он приказал называть оленя лошадью не для того, чтобы все в это поверили. А потому, что ему нужно было отличить своих от чужих.

«Мы — религия мира и всепрощения», — утверждают испанские инквизиторы, сжигая евреев, морисков и еретиков. Ребята, если вы такие мирные, отчего тогда столько трупов? «Ислам — единственная надежда всего человечества», — утверждают фундаменталисты в европейских мечетях. Ребята, если ислам — единственная надежда погрязшей в грехах Европы, то почему же это из исламских стран в Европу бегут беженцы, а не наоборот? «Запад нам вредит», — объясняют нашистам на озере Селигер. Ребята, но если Запад нам вредит, почему вы держите деньги на Западе, покупаете виллы на Западе и сыновей посылаете учиться на Запад?

Подобные вопросы приверженцами любого вида тоталитаризма не поощряются. Сама попытка их задать воспринимается как кощунство.

Тотальность — это то, что отличает ложь от науки. Левенгук всего лишь скромно открыл микроскоп, — но граф Калиостро претендовал на то, что открыл философский камень.

Уотсон и Крик всего лишь скромно открыли ДНК, — а вот Григорий Грабовой претендует на то, что может воскрешать мертвых. Любимец «Единой России» и лично бывшего спикера Грызлова академик Петрик не претендует на мелкие технические усовершенствования. Он претендует на изобретение вечного двигателя и лучей, продлевающих жизнь до 140 лет.

Левенгук или Уотсон и Крик просто скромно увеличили общее количество человеческого знания. Калиостро и Петрик не увеличили ничего, зато попытались распределить то, что есть, в свою пользу. По странному совпадению, те, кто претендует на открытие вечной жизни и изобретение вечного двигателя, всегда хотят получить за это и деньги, и статус спасителя человечества — и каждый, кто не хочет быть ими обманутым, рискует быть ими раздавленным.

Тотальная ложь намеренно абсурдна. Именно поэтому при выборе между разными степенями вранья тотальная ложь всегда выбирает то, которое наименее правдоподобно. Удивительно, но это правило действует и тогда, когда речь идет о господствующей лжи, имеющей в своем распоряжении средства государственного насилия, и о мошеннике, который только претендует на то, чтобы выпотрошить умы и кошельки граждан.

Тотальная ложь всегда выбирает наименее правдоподобный вариант вранья, потому что главная ее цель — действовать как механизм распознавания «свой—чужой».

Поэтому в тех случаях, когда та или иная система лжи не может одержать победу, она действует как фильтр, отфильтровывающий от среднестатистической публики группу маргиналов, готовых верить любому

слову лидера. («Грабовой — наш спаситель». «Петрик — гений»). В тех случаях, когда группа маргиналов навязала свое мнение всему обществу, маргинальная ложь становится тоталитарной идеологией.

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ЛЖИ

Когда для вас главное не факты, а сторонники, то в разное время и на разные вопросы вы будете давать разные ответы.

Когда 1 сентября 1939 года Гитлер напал на Польшу, то Сталин объявил виновниками Второй мировой войны Англию и Францию, которые «напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну». После 22 июня 1941 г. виновником войны оказалась Германия.

До 8 августа 2008 года глава Южной Осетии Эдуард Кокойты объявил всеобщую эвакуацию, вывез из Цхинвали мирное население и завез туда военных и журналистов, которым он во всеуслышание объяснял, что, если грузины ударят, он в ответ дойдет до Гори. Подконтрольные Кокойты ресурсы еще утром 8 августа объявили, что «война началась», и потребовали «дальше сверхплановое заполнение трупам морга Гори». А вечером, после грузинской бомбардировки, Эдуард Кокойты объявил, что грузины напали на «мирно спящий Цхинвали».

Лидеры экстремистских сект никогда не заявляют, что они передумали. Они всегда отрицают, что говорили что-то другое. Например, лидер кавказских фундаменталистов Хаттаб дважды брал на себя ответствен-

ность за взрывы домов в Москве. 2 сентября 1999 г., за два дня до первого взрыва, он заявил, что если русские не отступят от Карамахи, то он «будет взрывать дома по всей России». Он подтвердил свою угрозу после 9 сентября. А после 14 сентября Хаттаб не только стал отрицать свою причастность ко взрывам, но и утверждал, что он никогда не говорил иного.

Летом 2010 года глава виртуального «Имарата Кавказ» Доку Умаров объявил о том, что он уходит со своего поста и передает его Асланбеку Вадалову. Спустя несколько дней Умаров изменил мнение. Но он не заявил, что передумал: он заявил, что пленка, на которой он объявляет об отставке — фальшивка. Точно так же Доку Умаров сначала отверг свою ответственность за взрыв смертниц в московском метро летом 2010 года, а через неделю взял ответственность на себя. При этом он не заявил, что передумал. Он объявил предыдущую пленку фальшивкой.

Более того: последователю лжи часто приходится верить в две совершенно противоположные версии не одну за другой, а одновременно. Джордж Оруэлл удачно назвал это «двоемыслием».

К примеру, с точки зрения исламских фундаменталистов, бен Ладен не взрывал Башен-Близнецов. Их взорвали сами проклятые американцы, чтобы иметь предлог для агрессии против исламской республики Афганистан. Но это не мешает тем же фундаменталистам почитать «великолепные девятнадцать», которые взорвали Башни-Близнецы.

С точки зрения российских сталинистов, репрессий при Сталине, во-первых, не было, а во-вторых, они

были необходимы. С точки зрения ХАМАС, во-первых, дозволено убить каждого израильтянина, во-вторых, террористами являются сами израильтяне.

Чем абсурднее ложь — тем лучше она действует как механизм распознавания «свой — чужой». А что может быть абсурдней, нежели два утверждения, полностью противоречащих друг другу?

КТО НЕ СВОЙ — ТОТ ДЬЯВОЛ

Каждая система лжи рано или поздно встает перед необходимостью объяснить мотивы тех, кто с ложью не согласен.

В тоталитарных религиях это объяснение было очень простым: раз ты не согласен с тем, что бог един в трех лицах, — значит, это внушил тебе Дьявол. Тебя надо сжечь. В тоталитарных государствах это объяснение тоже было очень простым. Если ты не согласен с тем, что белофинны напали на СССР, значит, ты враг народа. Тебя надо расстрелять.

Когда речь касается противника, любая система лжи всегда переходит на личности. Она не опровергает взгляды противника. Она стремится дискредитировать его самого.

О'Джей Симпсон не убивал свою жену, — утверждают его адвокаты. Хорошо, но тогда почему же полицейские обнаружили его ДНК на месте убийства? Ответ адвоката: полицейские сфабриковали улики против Симпсона из ненависти к черным.

Глобальное потепление существует, — уверяют его адепты. Хорошо, но тогда почему же множество ученых

выступают с критикой этого тезиса? Ответ: потому что они куплены нефтяными компаниями.

Механизмы, которые ложь, не имеющая административной власти, применяет для дискредитации своих противников, неожиданно вскрылись после опубликования электронной переписки сторонников теории «глобального потепления».

Значительную часть этой переписки занимает следующий фрагмент. В научном журнале *Climate Research* была опубликована статья астрофизиков Суна и Ба-лиунас, в которой теория «глобального потепления» ставилась под сомнение.

Реакция на эту статью была очень острой: во внутренней переписке десятки писем Манна, Джонса, Уигли и других сторонников глобального потепления были посвящены статье. При этом содержание статьи даже не обсуждали. Обсуждали только одно: как дискредитировать лично ученых и как наказать журнал за публикацию. «Perhaps we could start referring to them as astrologers» (может быть, мы сможем окрестить их астрологами), — пишет Том Уигли 13 августа 2003 г. «We have to stop considering Climate Research as a legitimate peer reviewed journal¹», — вторит ему Манн.

Это сразу переносит предмет спора, — вместо сути спора вы обсуждаете личность спорящего. Вот Андрей Илларионов утверждает, что глобального потепления нет. Так он работает в *Cato Institute*, который полностью финансируется *Exxon Mobil*! — бесстрашно объясняет в российской печати эколог Андрей Коко-

¹ Надо прекратить считать *Climate Research* научным журналом, чьи статьи проходят цензуру научного рецензирования (англ.).

рин. Нет, он дружок Путина, *it is his job to safeguard Russia's oil and gas-dependent economy*¹, — с таким же бесстрашием сообщает уже в английской печати Уилл Хэвен.

На первый взгляд, эти обвинения абсурдны и легко опровергаемы. Легко доказать, что *Cato Institute* не получил ни копейки ни от *Exxon*, ни от любой другой нефтяной компании за время, пока там работал Илларионов. Еще легче доказать, что Андрей Илларионов не является «нефтяным дружком Путина», а является одним из самых последовательных критиков режима.

Но на самом деле положение человека, подвергшегося подобным обвинениям, оказывается довольно безвыходным. Ввязываться с ними в полемику — уже победа для лжи. Вы обсуждаете то, что не существует, и самым фактом обсуждения придаете несуществующему статус предмета спора. Не ввязываться в полемику — значит оставить поле боя за мародерами.

Противники теории глобального потепления прибегают к подобным методам дискредитации своих противников совершенно систематическим образом. Возьмем пример Фреда Сингера — одного из самых уважаемых астрофизиков США, одного из столпов НАСА, противника глобального потепления. Среди сотен статей, написанных Сингером, одна была написана после того, как пролетающий «Маринер» по результатам ошибочного зондирования указал, что Фобос и Деймос — полые. Такую же идею высказывал и выдаю-

¹ Это его работа охранять нефтяную и газово-зависимую экономику России (англ.).

щийся советский астрофизик Шкловский, опираясь на неточные данные по периодам обращения этих спутников (он считал, что они слишком быстро для каменных тел их размеров тормозятся атмосферой Марса).

В итоге Сингер (как и Шкловский) написал статью о том, что Фобос и Деймос, если они полые, должны иметь искусственное происхождение. С тех пор каждый климатический алармист называет выдающегося астрофизика не иначе как «тот идиот, который считал, что Фобос полый». Это все равно что называть Ньютона «тем идиотом, который увлекался кабалистикой» или Эйнштейна «тем идиотом, который не признавал квантовой механики».

Как видите, предложение «заклеймить их как астрологов» прозвучало далеко не случайно. Это систематический метод работы с оппонентами: найдите случай, когда ваш оппонент ошибся или выдвинул сомнительную гипотезу, и вспоминайте только об этом.

ПРАВИЛА ЛЖИ

Есть правила логики. («Если зимой холодно, а декабрь — зима, то в декабре холодно».) Точно так же есть приемы лжи. Удивительно, но количество правил лжи, как и правил логики, довольно ограничено.

Один из таких приемов — ложь умолчанием. Вам говорят правду, но вам говорят не всю правду. Вам указывают на хобот слона и говорят, что слон — это змея.

«Уровень океана поднимается», — сообщают нам сторонники теории глобального потепления. Это сущая правда; они просто забывают добавить, что уровень

океана поднимается последние 18 тыс. лет. «Последние тридцать лет Арктика тает», — сообщает третий отчет *IPCC*. Сушая правда. Авторы отчета просто забывают добавить, что пока Арктика таяла, Антарктика замерзала: они колеблются в противофазе с периодом как раз в тридцать лет.

«Мы сжигаем CO_2 и выбрасываем его в атмосферу». Сушая правда. Нам только забывают напомнить маленький пустячок: что весь CO_2 , который мы выбрасываем в атмосферу, сжигая полезные ископаемые, ***попал в полезные ископаемые из той же самой атмосферы***, и в ордовике и кембрии количество CO_2 в воздухе было больше в 7–12 раз, чем сейчас, и ничего с миром тогда не случилось: наоборот, биосфера генетически приспособлена для куда больших концентраций CO_2 , чем сейчас.

Человек, зашедший на сайт сторонников «теории заговора» 11 сентября, никогда не встретит там фетвы бен Ладена, объявляющей джихад США.

Человек, зашедший на сайт о том, как «ФСБ взрывает Россию», никогда не узнает о том, что Ачимез Гочияев был ваххабитским имамом, который проповедовал джихад против России. И уж точно ему забудут сообщить, как незначительную подробность, что ученик Гочияева, Анзор Ижаев взорвался 6 февраля 2003 года возле «Автозаводской», а другой его ученик, Николай Кипкеев — 31 августа 2004 года взорвался на «Рижской». При этом Кипкеев находился в розыске с 2001 года за серию терактов, устроенных Гочияевым на Ставрополье. Зато он узнает, что Гочияев написал письмо о том, что он с 1997 года занимался в Москве бизнесом и что его подставили.

Ложь умолчанием — один из самых страшных видов лжи. Человек, который берется читать ту или иную книгу, инстинктивно предполагает, что написавший ее специалист изложит ему объективную точку зрения. Фразу «уровень моря в XX веке вырос» человек воспринимает, как утверждение о том, что XX век отличается от предыдущих. Фразу «Гочияев утверждает, что его подставили» человек воспринимает как единственное, что известно об Ачимезе Гочияеве.

Синдром вырванных ногтей, или Как увидеть в двойной сплошной одиночную прерывистую

Жил-был на Дальнем Востоке бандит Виталий Бунтов. Он был приговорен к 25 годам заключения за копейное убийство с целью ограбления. Он с товарищем грабил квартиру знакомой, а когда девушка вернулась, выпустил в нее семь пуль и сорвал с нее сережки. Дома у него нашли ношенные вещи покойницы. При задержании Бунтов стрелял в мента, но менту повезло — пуля попала в металлическую пряжку.

Бунтов оказался не только отмороженным убийцей, но и психопатом. При рассмотрении своего дела он засыпал суд бессмысленными жалобами, а уже попав в тюрьму, поссорился там с дальневосточными ворами. Из-за угрозы жизни его перевели под Тулу. Приехав в колонию, он первым делом отправился к ее начальнику и попросил положительную характеристику, чтобы освободиться поскорее.

Когда ему отказали, Бунтов заявил: «Ну я вам покажу».

Дальше произошло следующее. От цинги или красного лишая у Бунтова выпали все ногти (что, конечно, ужасно характеризует наши тюрьмы). Эти ногти Бунтов собрал и передал в коробочке правозащитникам, написав, что их выдернули ему в тульской тюрьме, когда он отказался становиться киллером для созданной в тюрьме фашистской организации. Еще Бунтов написал в своей жалобе, что в тульской тюрьме ставят опыты на людях и что у врача там есть лекарство, которое способно превратить человека в дебила, а есть другое, рассасывающее гематомы и продлевающее жизнь.

И правозащитники стали проводить пикеты в поддержку невинного мученика, пострадавшего от фашистов, — *потому что у них были наглядные доказательства в виде ногтей.*

Эта маленькая история — замечательная иллюстрация к тому, какую роль играет *наглядное доказательство* или *убедительная деталь* в структуре лжи. Нормальный человек, наверное, первым делом усомнился бы, как это человеку после пытки удалось собрать свои ногти. Но у *параноидальной логики* свои правила — раз ногти есть, значит, и все остальное правда.

Параноидальная логика всегда нуждается в деталях. Гвоздь, которым был распят Господь, верующему фанатику так же необходим, как верующему правозащитнику — ногти Виталия Бунтова.

Известная поговорка гласит, что дьявол сидит в деталях. Так вот — я с ней не соглашусь. Самое главное в анализе события — это уметь отличить существенную деталь от несущественной. Всякая деталь что-то харак-

теризует. Но вот что именно: само событие или того, кто о нем сообщает — вот в чем вопрос.

Правила лжи позволяют строить из конкретной детали — феерические обобщения.

«Капиталисты платят рабочим гроши» — значит, собственность должна быть государственной. «От самолета, врезавшегося в Пентагон, остались только мелкие обломки» — значит, он в Пентагон не врезался. «Сразу после взрыва «Невского экспресса» по телевизору показали кадры первого взрыва» — значит, второго взрыва не было. «Евреи богаче немцев» — значит, их нужно перерезать. «Парламент — просто говорильня» — значит, нацией должен управлять фюрер.

Обращаться к чувствам, не к разуму

Но самое главное правило лжи очень просто — если логика апеллирует к вашему разуму, то ложь апеллирует к вашим эмоциям. Она всегда пробуждает чувство сопричастности; чувство стада. «Все люди доброй воли знают», «Вместе мы победим», «Они у нас получают».

Из всех чувств чаще всего ложь апеллирует к чувству собственной неполноценности. «Мы, мусульмане, отстали от Запада? Наша отсталость и есть наше величие!» — вот месседж исламского фундаментализма. «Мы, русские, живем хуже, чем в США? Наша отсталость и есть наше величие» — вот месседж «наших» на озере Селигер. «Мы, африканцы, отстали от белых? Наша отсталость и есть наше величие, нам надо приносить человеческие жертвы и тем мы станем выше белых» — вот месседж вудуис-

тов, конголезских полевых командиров или кенийской секты «Мунгики».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На Земле живет свыше 6 млрд. человек, но даже сейчас, в XXI веке, немногим больше миллиарда не подвержены насильственно тому или иному виду лжи. В Северной Корее исповедуют чучхе; в Палестине семилетние мальчики маршируют с автоматами и смотрят мультики, которые прославляют путь шахида; в Иране корпус стражей иранской революции чутко следит за отклонениями от линии великого аятоллы. В десятках стран мира — правящие клептократии, чтобы объяснить гражданам их нищету, заявляют, что «Все Нас не Любят».

Миллионы африканцев рекрутируются в сумасшедшие христианские движения типа угандийской «Армии сопротивления Господня», специализирующейся на массовом похищении детей, из мужской части которых вербуют смертников, а из женской — девочек для гарема вождя; или, наоборот, в антихристианские группировки, возрождающие традиционные культы, чьи вожди едят человечину и ходят по воде. Тысячи людей в Ираке и Афганистане становятся жертвами фундаменталистских фанатиков, которые взрывают мечети, рынки и свадьбы.

И самое удивительное, что каждый раз, когда открытый мир сталкивается с этой ложью впрямую, он проигрывает. Открытый мир, в общем-то, бессилён объяснить члену «Мунгики», или мусульманскому

фанатику, или нацисту с озера Селигер, что такое открытое общество, по одной простой причине: и члену «Аль-Каиды», и нацисту в этом открытом обществе нечего делать. Они принадлежат к группе интересов, которая имеет статус, деньги и влияние только в отсутствие открытого общества.

Кортес отмыл и переделал ацтекских жрецов, чьи волосы слиплись от крови, и приказал им приносить жертвы христианскому богу. Они и на это-то пошли с трудом. А если вы отмоете вудуиста или нациста и предложите ему идти в университет — он точно будет несогласен с вашими гнусными попытками покуситься на суверенные традиции его народа, — а точнее, на его, члена секты, статус.

Когда открытое общество имеет возможность делать свое дело мирно, тогда оно непобедимо. Но каждый раз, когда открытое общество сталкивается с насилием и ложью на их территории, насилие и ложь побеждают. Исламские фундаменталисты не могут соревноваться с США в производстве микросхем. Но они побеждают США в Афганистане или Ираке. Они побеждают США в производстве насилия и лжи.

Это происходит потому, что, вопреки представлениям идеалистов, люди не объединяются в борьбе за правду. Люди объединяются в борьбе за ложь. Правда далеко не всегда имеет за собой группу интересов. Ложь всегда имеет за собой группу интересов, чье жизненное благо зависит от сохранения лжи.

Есть только одна сила в человеческом обществе, которая имеет почти абсолютный иммунитет против лжи. Эта сила называется наука и техника. Вы ни-

когда не сможете долго утверждать, что $E=mc^3$, если $E=mc^2$. Даже заклинания о том, что это ясно всем людям доброй воли, что тот, кто утверждает иначе, отрывается от коллектива и служит дьяволу, и что сокровенное, настоящее, доступное только избранным знание гласит, что $E=mc^3$, не исправит надолго положение. Как писал герой романа Оруэлла, $2 \times 2 = 4$. Из этого все следует.

Именно поэтому прогресс человечества есть в конечном счете прогресс науки и техники.

ЗАЩИТА ПРАВ ЛЮДОЕДА, ИЛИ ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ

Волкодав — прав. Людоед — нет.

Новая идеология господствует в мире, и имя этой идеологии — либеральный фундаментализм. Либеральный фундаментализм отрицает за государством право вести войны и арестовывать людей, зато считает, что государство должно обеспечить всех деньгами, жильем и образованием. Либеральный фундаментализм называет любое западное государство — диктатурой, а любого террориста — жертвой западного государства.

Либеральный фундаментализм отрицает право на насилие за Израилем и признает его за палестинцами. Либеральный фундаменталист громко обличает США, убивающее мирное население в Ираке, но если ты напомнишь ему, что в Ираке мирное население убивают прежде всего боевики, он посмотрит на тебя так, словно ты сделал что-то неприличное или пукнул.

Либеральный фундаменталист не верит ни одному слову государства и верит любому слову террориста. Либеральный фундаменталист

именует себя защитником прав человека — но когда права человека включали в себя потворство людоедам?

Как получилось, что монополию на «западные ценности» присвоили себе те, кто ненавидят открытое общество и потворствуют террористам? Как получилось, что под «европейскими ценностями» стало подразумеваться нечто, что показалось бы Европе в XVIII—XIX вв. глупостью и демагогией? И чем это кончится — для открытого общества?

Лори Беренсон

В 1998 г. *Amnesty International* признала некую Лори Беренсон политической заключенной.

Лори Беренсон была американской левой активисткой, которая в 1995 году приехала в Перу и там стала ходить в парламент и брать у депутатов интервью. Интервью эти, по странному совпадению, нигде так и не появились.

В парламент Лори Беренсон ходила вместе с фотографом Нэнси Гильвонио, которая, опять-таки по странному совпадению, была женой Нестора Карпы — второго по старшинству лидера террористической группировки «Движение имени Тупака Амару».

Вместе с Нэнси она и была арестована. Дом американки оказался штаб-квартирой террористов, готовивших захват парламента. В нем нашли планы парламента, полицейскую форму и целый арсенал оружия, в том числе 3 тыс. брусков динамита. При штурме было

убито трое террористов, а четырнадцать было захвачено живьем.

Когда Беренсон предъявили публике, она громко закричала, сжав кулаки: «“Тупак Амару” не террористы — они революционеры».

Судил Лори Беренсон судья в капюшоне, потому что у движения Тупака Амару в это время была привычка расстреливать судей, которые выносят им обвинительные приговоры. На суде Лори Беренсон заявила, что она ничего не знала. Как, ее фотограф — жена Карпы? Да она понятия не имела! Как, ее дом — штаб-квартира террористов? Что вы говорите, она не в курсе! А где же ее репортажи? Так она их готовила-готовила, но кровавый перуанский режим украл все ее заметки.

Уверения Лори Беренсон не показались убедительными ни перуанскому суду, ни американскому Конгрессу, который не стал вступаться за соотечественницу. Однако они показались, видимо, убедительными *Amnesty International*. Борцов за права человека не остановило даже то, что когда в декабре 1996-го представители «Движения им. Тупака Амару» захватили японское посольство, то в списке членов движения, освобождения которых требовали террористы, имя Лори Беренсон стояло на третьем месте.

Моаззам Бегг

Моаззам Бегг, англичанин пакистанского происхождения, член «Аль-Каиды», переехал в Афганистан в 2001 году. Как писал сам Бегг, «я хотел жить в исламском государстве, свободном от коррупции и деспо-

тизма». Афганистан под властью талибов показался Беггу именно таким, истинно свободным и прекрасным местом.

До своего переезда в Афганистан Бегг, по его собственному признанию, прошел подготовку по крайней мере в трех террористических лагерях. Он также побывал в Боснии и содержал в Лондоне книжный магазин, где продавались книжки о джихаде. Самой популярной книжкой в магазине была «Защита исламской земли», написанная одним из основателей «Аль-Каиды» Абдуллой Аззамом.

После того как американцы вошли в Афганистан, Бегг скрылся вместе с бен Ладеном в Торо-Боро, а затем переехал в Пакистан. Арестовали его потому, что в тренировочном лагере «Аль-Каиды» в Дерунте был найден банковский перевод на имя Моаззама Бегга.

Бегг провел несколько лет в Гуантанамо и в 2005-м вышел на свободу. После этого он стал одной из суперзвезд *Amnesty International*. На деньги *Amnesty* он ездил по Европе с лекциями о том, как его пытали кровавые американские палачи.

Amnesty International не смутило то, что одновременно с правозащитной деятельностью Бегг продолжал заниматься прямой пропагандой терроризма. В качестве президента «Исламского общества» (все предыдущие президенты которого сели за терроризм) он организовывал в Великобритании лекции Анвара аль-Авлаки (по видеотрансляции, естественно, ибо в случае физического появления на территории Соединенного Королевства аль-Авлаки был бы арестован).

Amnesty International не смутило и то, что рассказы Бегга о невыносимых пытках в Гуантанамо в точнос-

ти совпадают с инструкциями т.н. *Manchester Manual* «Аль-Каиды» и отвечают практике «таккийи», то есть умышленной лжи неверным, к которой исламский фундаменталист не может, а обязан прибегать.

Не смутило *Amnesty* и то, что рассказы эти противоречат здравому смыслу. Если бы человека с биографией Бегга действительно подвергали бы пыткам, то он наговорил бы на три пожизненных срока.

Зато когда сотрудница *Amnesty International* Гита Сахгал публично напомнила, что вообще-то Бегг — член «Аль-Каиды», она была уволена. Правозащитное сообщество объявило Гиту Сахгал персоной нон грата, и, в отличие от Моаззама Бегга, она не смогла найти поддержку ни у одного адвоката, защищающего права человека.

КОЛУМБИЯ

В 2002 году президентом Колумбии был избран Альваро Урибе.

К этому времени Колумбия представляла из себя *failed state*. Не меньше 10 % страны контролировались левыми повстанцами, за которыми стояли десятилетия институционализированного насилия. Пабло Эскобар, будущий основатель Медельинского картеля, в 7-летнем возрасте чуть не стал жертвой повстанцев, вырезавших его родной город Титирибу.

Именно левые повстанцы, *Chusmeros*, завели привычку под названием «колумбийский галстук», — это когда у человека разрезали шею и через горло вытаскивали язык. Еще было популярно *Corte Florero*, или

Цветочная Ваза, — это когда отрубленные руки-ноги человека втыкали обратно в его разрезанный живот. В 50-х годах *Chusmeros* убили 300 тыс. чел.

Ответом на левый террор при бессилии правительства стал террор правый; в разных провинциях люди объединялись в полуавтономные отряды самообороны. К началу XXI века в *Autodefencas Unidas de Columbia* состояло более 20 тыс. бойцов. Левые финансировались из наркотрафика. Правые — тоже. Когда Пабло Эскобару понадобилось уничтожить свои судебные дела, хранившиеся в Верховном Суде, он просто заплатил повстанцам из М-19, и те в 1985-м захватили, а потом сожгли здание суда с 300 заложниками.

Еще были наркокартели. Еще были похитители людей, которые крали самых богатых, в т.ч. прежде всего — наркоторговцев. Колумбия была единственной страной в мире, где закон *запрещал* ездить на мотоцикле в шлеме, потому что это был любимый способ расстрела министров и полицейских.

Харизматический трудоголик и аскет, работавший по 24 часа в сутки, Урибе сделал невозможное: он воскресил разрушенное государство. За два года, с 2002-го по 2004-й, количество террористических актов и похищений людей в Колумбии упало вдвое, количество убийств — на 27 %.

К началу президентства Урибе в Колумбии действовало 1300 гуманитарных и некоммерческих организаций. Многие из них оказывали помощь левым повстанцам; в 2003 году президент Урибе впервые позволил себе назвать кошку кошкой, и призвал «защитников терроризма» «перестать трусливо прятать свои идеи за правами человека».

Что тут началось! *Amnesty International* и *Human Rights Watch* засыпали США и Европу петициями, которые требовали бойкотировать Колумбию и ее «policies that risk exacerbation human rights crisis in the country», («Политику, которая ведет к углублению кризиса с правами человека в стране», *Amnesty International*), а также «refrain from backing legislation that would allow the military to carry out the warrantless arrests and searches» («воздержаться от поддержки законодательства, которое позволит военным проводить незаконные аресты и обыски», *HRW*).

Ни в одной из этих петиций ни единым словом не упоминался ни террор, ни наркотрафик. Читатель их мог подумать, что главной причиной «кризиса с правами человека» в Колумбии является президент Урибе.

В мае 2004 года президент Урибе конкретно обвинил иностранных правозащитников из *Peace Brigades International* и *Fellowship Of Reconciliation*, поддерживавших «Мирную коммуну» в Сан Жозе де Апартадо в пособничестве наркотеррористам из *FARC*.

Визг правозащитных организаций по этому поводу побил все рекорды; когда спустя месяц та же *FARC* вырезала 34 крестьянина в Ла Габарра, *Amnesty International* скромно промолчала.

Прошло шесть лет; второй по старшинству террорист из *FARC*, Даниэл Сьерра Мартинез по кличке Самир, перешел на сторону правительства и рассказал Мэри О'Греди из *Wall Street Journal*, какую неоценимую услугу оказывали наркотеррористам «мирная коммуна» в Сан Жозе де Апартадо, вкупе с *Peace Brigades International* и *Fellowship Of Reconciliation*.

По словам Мартинеса, дело с пропагандой в «Мирной Коммуне» было поставлено так же хорошо, как у ХАМАС: под предлогом «мирности» коммуна отказывалась допускать на свою территорию правительственные войска, но всегда предоставляла убежище *FARC*, в случае, если террориста убивали, его всегда выставляли мирным жителем.

Президент Урибе куда больше способствовал приходу в Колумбию мира, чем 1300 *NGO*. При этом правозащитники сделали все, чтобы помешать президенту Урибе.

«Мунгики»

В 2009-м основатель *Wikileaks*, эксцентричный австралийский компьютерный гений Джулиан Ассанж получил премию *Amnesty International* за свое участие в расследовании внесудебных расправ в Кении: в 2008-м «эскадроны смерти» убили там около 500 чел.

Получая премию, Ассанж назвал доклад об этих расправах «признаком силы и роста кенийского гражданского общества». «Разоблачение этих убийств, — сказал Ассанж, — стало возможно благодаря грандиозной работе таких организаций, как *Oscar Foundation*».

К сожалению, г-н Ассанж забыл упомянуть об одной важной детали. Убитые были членами «Мунгики». Это сатанистская секта, к которой могут принадлежать только представители племени кикуйю.

Секта отрицает христианство и требует возврата к традиционным африканским ценностям. Во что именно верят члены секты, сказать сложно, потому что наказа-

ние за разглашение тайны — смерть. Во всяком случае известно, что они пьют человеческую кровь и приносят в жертву двухлетних детей. «Мунгики» занималась беспощадным рэкетом и сплошным террором: только в июне 2007-го в рамках своей кампании террора секта убила свыше 100 человек.

Джулиан Ассанж провел в Кении несколько лет и не мог не знать, что власти Кении прямо обвиняли *Oscar Foundation* в том, что она является ширмой для «Мунгики».

Что все это значит?

Как все это понять? Может быть, в *Amnesty International* на самом деле сидят скрытые сторонники «Мунгики» и по ночам приносят в жертву двухлетних детей?

Вряд ли. Во-первых, в «Мунгики» состоять могут только кикуйю. Во-вторых, члены сатанистского культа не могут быть одновременно членами «Аль-Каиды». С точки зрения исламских фундаменталистов, принесение в жертву двухлетних детей есть язычество, так же, как выборы президента США.

Может быть, *Amnesty International* и другие правозащитные организации — это просто блаженные, которые не могут перенести даже малейшего насилия? Вряд ли. Потому что хотя правозащитники активно критикуют тех, кто истребляет людоедов и террористов, они не торопятся прийти в тренировочный лагерь «Аль-Каиды» и проповедовать ненасилие там.

Откуда берется эта интеллектуальная трусость, необыкновенная неспособность к нравственной арифме-

тике? Почему современные правозащитные организации всегда готовы осудить Одиссея за внесудебную расправу над Полифемом и готовы предоставить Полифему рассказать о том, как его ни с того ни с сего обидели?

HRW

Франциск Ассизский дал обет вечной нищеты и проповедовал птичкам. Но уже при его преемнике францисканский орден стал одним из богатейших и вовсе не бескорыстных институтов Европы. С правозащитным движением в конце XX века произошло то же, что с францисканским орденом.

Старейшая и известнейшая из правозащитных организаций, *Human Rights Watches*, была создана Робертом Бернштейном в 1978-м, чтобы следить за тем, как СССР выполняет Хельсинкские соглашения. Но в 1992 году СССР развалился, а *HRW* осталась жива. Более того — она только выросла; бюджет ее составляет десятки миллионов долларов, представительства находятся в 90 странах.

А 19 октября 2009-го произошел грандиозный скандал: восьмидесятилетний основатель *HRW* выступил в *The New York Times* со статьей, в которой упрекал *HRW* в измене принципам и последовательной поддержке ХАМАСа и Хезболлы, при постоянно пристрастном и несправедливом отношении к Израилю.

Два приема, которые *HRW* использует для постоянной критики Израиля, очень просты. Первый — это отказ от изучения причин конфликта. «Мы не

изучаем причины конфликта, — говорит *HRW*, — мы изучаем, как стороны конфликта соблюдают права человека».

Здорово! Представьте себе, что вы — женщина, на которую в лесу напал маньяк, а вы сумели его застрелить. С точки зрения правозащитников из *HRW*, вы и будете виноваты. «Как, — скажете вы, — но это же маньяк, на нем семьдесят трупов, он живет тем, что режет женщин, он вырезает у них печеньку и ест живьем!» — «Ничего не знаем. Мы не изучаем причину конфликта. Мы только знаем, что вы застрелили человека без суда и следствия».

Позиция «мы не изучаем причину» заведомо ставит агрессора-террориста, располагающего меньшими ресурсами, в выгодное положение по сравнению с государством, которое отвечает на террор.

Второй прием еще проще — это передергивание, умолчание и ложь. Так, в отчете 2007 года *HRW* заявила, что у Хезболлы нет привычки «использовать население как живой щит», и одновременно заявила, что у нее есть свидетельства о том, что израильская армия «намеренно делала своей мишенью мирное население». Когда в 2002-м эпидемия взрывов палестинских смертников достигла пика, *HRW* публиковала пресс-релизы о нарушениях прав человека Израилем. *HRW* понадобилось еще 5 месяцев, чтобы выпустить отчет по террористам-смертникам, и 5 лет, чтобы выпустить отчет о обстрелах Израиля с территории Газы.

В 2009 году *HRW* отправилась в Саудовскую Аравию, где собирала деньги на антиизраильские отчеты. Дело с правами человека в Саудовской Аравии обстоит несколько хуже, чем в Израиле. К тому же Саудовская

Аравия является крупнейшим спонсором терроризма. Но *HRW* это не смутило.

Точно такую же позицию занимает *HRW* на Шри-Ланке, где правительственные войска борются против «Тигров освобождения Тамил-илама», жесточайшей террористической организации, убившей десятки тысяч людей и использующей тамиллов в качестве живого щита. При любой попытке наступления правительственных войск *HRW* немедленно заявляет о том, что правительственные войска наносят удары по мирным жителям.

В конечном итоге такая позиция парадоксальным образом ухудшает положение мирного населения. Террористы, раньше просто его игнорировавшие, начинают использовать его в качестве «живого щита», чтобы при любом наступлении пожаловаться правозащитникам, а в ряде случаев, как в Палестине, тактика террористов меняется: их целью становится уже не максимизация жертв со стороны Израиля, а максимизация собственных жертв с целью пиара.

Amnesty International

Вторая старейшая и известнейшая правозащитная организация — это *Amnesty International*. Ее основал в 1961 г. адвокат Петер Бененсон; причиной основания послужила статья о двух португальских студентах, которых бросили в тюрьму на семь лет за то, что они «выпили тост за свободу». *Amnesty* следила за тем, чтобы узники совести в Европе были освобождены, а политические заключенные получали справедливый суд.

Но в начале 90-х узники совести в Европе перевелись, а между тем размеры *Amnesty* (как и францисканского ордена) только возросли: 2,2 млн. членов в 150 странах. Возник вопрос: где взять узников совести, права которых надо защищать? Конечно, *Amnesty* вела кампании и за права женщин, и против глобального потепления, но все-таки, согласитесь, это не то: главный спрос у людей совестливых всегда будет на узников совести, причем желательно в Европе или в Америке: в Конго это как-то далеко и неинтересно.

И *Amnesty* отыскивала своих узников совести: в Гуантанамо. Уже с 1986 по 2000 год страной, которой было посвящено наибольшее количество отчетов *Amnesty*, являлась США — 136 отчетов, на втором месте был Израиль. Такие милые государства, как Уганда или Конго, вовсе не входили в десятку самых главных нарушителей прав человека.

А после того, как США объявили «войну террору», *Amnesty* тоже объявила свою кампанию: *counter terror with justice*¹. И, как вы понимаете, главным злодеем в этой кампании оказались не террористы. А те, кто с терроризмом борется. Кто больше борется — тот и больший злодей.

Из двадцати новостей этого раздела (по состоянию на 20 декабря 2010 г.), одна касается Турции, одна — Ливии, одна — Йемена (*Amnesty* требует от Йемена *stop sacrificing human rights as they confront Al-Qa'ida*²), еще одна — Пакистана (*Amnesty* возмущена тем, что

¹ Борись с террором правосудием (англ.).

² Перестать жертвовать правами человека в их борьбе с «Аль-Каидой» (англ.).

пакистанские власти не защищают права человека в районах, занятых талибами, хотя очень трудно понять, как они могут это сделать. Ведь если пакистанские военные поведут наступление на талибов, то от них потребуют *stop sacrificing human rights as they confront Al-Qa'ida*). Еще две посвящены Великобритании, а остальные 14 — Гуантанаму, ЦРУ и США.

Трудно бороться против террора. Для этого надо ползать на брюхе по горам, прыгать с парашютом, рисковать жизнью. Хорошо и просто бороться за справедливость для террористов: для этого достаточно рассылать пресс-релизы о том, что в Гуантанаму творится «Daily injustice, immeasurable damage»¹ и что «President Obama's administration has failed to match its words with concrete action when it comes to accountability and remedy for human rights violations committed in the name of «countering terrorism»².

Amnesty объясняет свою политику так: мы, мол, чаще пишем о развитых государствах, потому что положение дел в них является ориентиром для всего человечества. Боюсь, что реальное объяснение тут другое. Критиковать США куда безопасней, чем критиковать настоящих людоедов. Да и спонсоров для критики США найти гораздо легче.

Есть простая человеческая логика: волкодав прав, людоед нет. Есть логика правозащитников: волкодав

¹ Ежедневная несправедливость, неизмеримый ущерб (*англ.*).

² Администрации президента Обамы не удалось подкрепить своих слов конкретными делами в том, что касается привлечения к ответственности и возмещения ущерба от нарушений прав человека, причиненных во имя борьбы с терроризмом (*англ.*).

не прав, потому что он нарушил права людоеда. А с людоеда мы спрашивать не будем.

Идеология международной бюрократии

Такое критическое отношение к собственной цивилизации в истории Запада существовало не всегда. В XVII—XIX вв. Европа завоевывала мир и вовсе не страдала о нарушенных ею правах народов. Когда Кортес увидел кровавые жертвоприношения ацтеков, он вовсе не впал в умиление по поводу «уникальных местных обычаев», которые надо сохранить. Когда англичане отменили в Индии обычай сожжения вдов, им не пришло в голову, что они нарушают права этих вдов, желающих последовать за мужьями.

Время, когда это отношение появилось, и, более того, стало почти общепринятым дискурсом для интеллектуальной элиты Запада, можно назвать совершенно точно: это 30-е годы, время, когда Сталин финансировал Коминтерн и строил планы о завоевании всего мира.

Вот тогда-то в большом количестве на Западе появились «полезные идиоты» (по выражению Ленина), которые обладали одним странным качеством: усердно критикуя «кровавый буржуазный режим», они почему-то в упор не замечали ГУЛАГа.

Это странное интеллектуальное поветрие продолжилось и дальше, например, во время войны во Вьетнаме. Левая элита из всех сил обличала «зверства американской военщины». Тот мелкий факт, что войну начали не американцы, а коммунисты, и что для вьет-

конговцев кровавый сплошной террор был просто тактическим приемом — левыми как-то не замечался.

Классическим примером тому может служить знаменитая фотография, сделанная фотографом Эдди Адамсом. На ней вьетнамский генерал Нгуен Нгок Лон пускает пулю в связанного вьетконговца Нгуен Ван Лема. Фотография облетела весь мир как символ жестокости империалистов. Правда, Эдди Адамс потом рассказал, что вьетконговца убили, вытащив из дома, где он буквально за минуты перед этим вырезал целую семью, — но это для левых было неважно.

Современное правозащитное движение на Западе идеологически выросло из крайних левых. Из тех, кто различал все недостатки буржуазной демократии, и в упор не видел ГУЛАГа. Из тех, кто обличал зверства американцев во Вьетнаме, и в упор не видел практики тотального террора, принятой вьетконговцами и обеспечившей им победу.

И если исторически крайние левые были пешками в руках тоталитарных режимов, то теперь либеральный фундаментализм стал пешкой в руках террористов и людоедов.

Идеалы *FARC*, «Аль-Каиды» или африканских каннибалов очень отличаются друг от друга. Одни хотят построить коммунизм, другие — царство Аллаха, третьи хотят вернуться к традиционным ценностям в виде колдовства и каннибализма. У них есть только одно общее: ненависть к нормальному западному государству. Эту ненависть значительная часть либеральных фундаменталистов разделяет с террористами.

Так, собственно, чего беспокоиться? — спросите вы. Если «борцы за мир» и «полезные идиоты» не смогли

одолеть Запад, когда за их спиной стояли могучие тоталитарные спецслужбы, под силу ли им это сейчас?

Проблема заключается в том, что еще полвека назад «борцы за мир» были в основном идеалистами, которых по мере надобности использовали тоталитарные режимы. Сейчас «борьба за права человека» превратилась в философию целого класса — класса международной бюрократии.

«Нефть в обмен на продовольствие»

Вот — знакомьтесь, знатный борец за права человека Денис Холидей, глава гуманитарной миссии ООН в Ираке, а потом — участник «флотилии Свободы», пытавшейся прорвать израильскую блокаду сектора Газа. После того, как ООН отменило программу «Нефть в обмен на продовольствие», г-н Холидей сложил с себя полномочия, публично заявив, что ООН и Джордж Буш занимаются геноцидом против «невинного населения Ирака».

После этого г-н Холидей снял фильм о 500 тыс. иракских детей, которые умерли из-за нациста Буша. Когда журналист Дэвид Эдвардс спросил борца за права человека Дэниса Холидея, а не воровали ли лекарства иракские чиновники, Холидей даже возмутился: «There's no basis for that assertion at all»¹.

Когда журналист Дэвид Эдвардс спросил, почему в то время, когда иракские дети умирают без лекарств, на курируемых Холидеем складах ООН скопились

¹ Для этого утверждения нет никакого основания (англ.).

десятки тысяч тонн нерозданных лекарств, Холидей, не моргнув глазом, ответил, что эти лекарства надо давать в комплексе: «The warehouses have stores that cannot be used because they are waiting for other components that are blocked by the Sanctions Committee¹».

Холидей был не единственный бюрократ в ООН, недовольный отменой программы «Нефть в обмен на продовольствие». Его преемник, Ханс фон Спронек, тоже ушел в отставку, публично воскликнув: «Как долго еще гражданское население Ирака будет подвергаться наказанию за нечто, чего они не совершали?» Через два дня после отставки фон Спронек его примеру последовала глава *World Food Programme in Iran*.

Странное дело. С точки зрения здравого смысла, ответственность за насилие и нищету несут те, кто является причиной насилия и нищеты. В Ираке это был Саддам Хусейн. Но гуманитарные бюрократы из ООН поступали другим образом: ответственность за происходящее в Ираке они возлагали на весь мир, а не на кровавого диктатора, а сами в это время вместе с кровавым диктатором пилили деньги в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие».

И тут такая маленькая проблема: чтобы деньги можно было пилить, народ должен страдать.

¹ На складах хранятся запасы лекарств, которые не могут быть использованы, поскольку их надо принимать только в сочетании с другими лекарствами, которые подпали под санкции (англ.).

Голод в Эфиопии

Голод в Эфиопии в середине 80-х вызвал необыкновенную активность гуманитарных организаций. Только в 1985 году концерт *Live Aid*, в котором участвовали Боб Дилан, Мадонна, *Queen*, *Led Zeppelin*, собрал на помощь голодающей Эфиопии 249 млн. дол. Концерт был организован Бобом Гелдофом, бывшим рок-певцом, ставшим еще более известным антрепренером, специализирующимся на помощи голодающей Африке. Еще сотни миллионов собрала организация *Christian Aid*.

Ничего миллионы не помогли: от голода умерло свыше миллиона человек. А в марте 2010 года разразился скандал: бывший эфиопский мятежник Арегави Берхе, поссорившись с бывшим главой мятежников, а ныне главой Эфиопии Мелесом Зенави, заявил *BBC*, что 95 % гуманитарной помощи пошло на закупку оружия.

Его заявление вызвало бурю возмущения. Боб Гелдоф заявил, что в словах Берхе «нет ни грана правды». Макс Пеберди, представитель *Christian Aid*, заявил, что помощь никак не могла быть украдена, и даже в красках живописал, как он за наличные покупал зерно у торговцев.

В ответ один из боевиков, продававших у Пеберди зерно, рассказал, как он притворялся мусульманским торговцем. Звали боевика Гебремедин Арайя. По словам Арайи, под мешками с зерном лежали мешки с песком, и наличные, которые Арайя получил за зерно, тут же были переданы на закупку оружия.

Проблема голода в Эфиопии заключалась не только в том, что от него умерло свыше миллиона человек. Но в том, что и правительство, и мятежники намеренно переселяли людей, чтобы под предлогом их страданий выжать больше денег из НКО. *Получение денег от НКО было не следствием, а целью этого намеренно устроенного голода.* Трудно себе представить, чтобы при таком масштабе злоупотреблений представители *Christian Aid* и других гуманитарных организаций ничего о них не знали.

То же самое происходит и в секторе Газа. ХАМАС (а до него ООП) держат население в нищете, чтобы, пользуясь этой нищетой как моральным рычагом, выбивать деньги у гуманитарных и бюрократических организаций. В результате ХАМАС и НКО становятся тем насосом, которым накачивают деньги из мира в сектор Газа, а нищета ее населения — атмосферным давлением, благодаря которому насос работает. И ХАМАС, и НКО оказываются заинтересованы не в том, чтобы ликвидировать нищету, а в том, чтобы бесконечно ее продолжать.

Понятно, что при таком положении дел *HRW* и другие НКО будут всегда на стороне ХАМАС.

Ведь если господин Холидей и К. предложат гуманитарную помощь народу Израиля, то их услуги не примут. Защиту народа Израиля обеспечивает государство Израиль, а не борцы за права человека. А государство Израиль не заинтересовано в том, чтобы превратить свой народ в бомжей, с помощью несчастий которых политическая элита будет вымогать и пилить деньги.

Часть истеблишмента

Вот это, пожалуй, самое опасное. Либеральные фундаменталисты, — точно так же, как климатические алармисты, — позиционируют себя как противники истеблишмента. На самом деле они давно являются интегрированной частью истеблишмента, при этом самой злокачественной его части — международной бюрократии.

Мы часто ругаем государство и бюрократию. Но государство, какое ни есть, заинтересовано в защите своих граждан и решении их проблем. Международная бюрократия не несет ответственности ни перед кем. Она заинтересована только в одном — в бесконечном продлении предлога для деятельности. И если предлогом является голод и насилие, то международная бюрократия заинтересована в том, чтобы голод и насилие длились вечно.

Нам говорят, что гуманитарные организации помогают там, где есть голод и насилие. Но на практике происходит ровно обратное: там, куда приходят гуманитарные организации, голод и насилие длятся вечно. Уж если в стране начался голод, и ей стала помогать международная бюрократия, то можно гарантировать — голод будет всегда. Уж если в регионе начался конфликт, и международная бюрократия вмешалась в это дело, то можно гарантировать — конфликт никогда не кончится.

Поэтому правительства, пытающиеся справиться с террористами, как в Колумбии, неизменно оказываются главным объектом критики защитников прав человека.

И, наоборот, союзниками НКО становятся самые страшные режимы — такие, как в секторе Газа или в Эфиопии — не способные организовать в своей стране экономику, но способные на организацию насилия и голода с целью получения денег от международного сообщества.

Борьба за права человека привела к появлению нового вида терроризма: это террористы, которые, как ХАМАС, не столько стремятся уничтожить чужих детей, сколько стремятся сделать так, чтобы ответный израильский удар уничтожил гораздо больше палестинских детей. Борьба за права человека привела к новому виду псевдогосударства: это жуткие анклавов, управляемые чудовищными режимами, которые не выжили бы в нормальном мире и были бы завоеваны или уничтожены. Но деньги от НКО и запрет на войну против таких анклавов позволяют держать их население в нечеловеческих условиях, а их элите — пользоваться абсолютной властью.

Заключение

Основной тезис *human rights movement*¹ очень прост. Надо защищать права человека, кем бы он ни был.

Я должна сказать, что этот тезис порочен по своей сути. Он противоречит основной аксиоме человеческого поведения: зло должно быть наказано. Человек должен делать выбор.

Он противоречит всему, чему нас учат о Герое, Добре и Зле мифы и литература. С точки зрения прав че-

¹ движение за права человека (англ.).

ловека, Геракл не герой, а военный преступник. Он не соблюдал права Лернейской Гидры и права царя Диомеда, скармливавшего людей своим лошадям.

С точки зрения прав человека, Одиссей — военный преступник; без суда убил Полифема, причем вторгшись на его, Полифема, территорию. Тезей, Персей, Зигфрид, Есицуне — все они преступники, Гильгамеша надо судить в Гааге, а принца Гамлета, убившего без суда своего отца — внести в черные списки *Amnesty International*.

А «Властелин колец»? Без суда, без следствия, без адвоката какие-то хоббиты и какие-то гномы нарушают там права властелина Мордора! А Гарри Поттер? Не помните, как он отвечает профессору Дамблдору?

«I'd want him finished. And I'd want to do it¹».

Безобразия! Детей учат быть военными преступниками! Надо срочно исправить на «I'd want him brought to court²».

Всех, кого человечество называет героями, правозащитники должны считать военными преступниками. Вместо идеи личной ответственности и личного выбора защита прав человека руководствуется идеей личной трусости. «Да, мы не убили Полифема или лорда Вольдеморта, как эти преступники Одиссей и Гарри Поттер, мы храбро защищали его права».

Защита прав человека ставит крест на самом понятии войны, ибо война — это когда убивают без суда. Это, конечно, хорошо, отказаться от войны, — но что делать, если от нее не отказывается ваш противник?

¹ Я хочу, чтобы с ним было покончено. И я хочу это сделать сам (англ.).

² Я хочу, чтобы он предстал перед судом (англ.).

Если мне не изменяет память, это не американские шахиды на арабских «Боингах» врезались в Каабу, дело было немного наоборот.

Если бы во времена Второй мировой существовал *CNN*, то союзники никогда бы не выиграли у Гитлера. «После дрезденских бомбардировок с экранов не сходил бы Геббельс с трупами дрезденских детей на руках», — как заметил мне ехидно Гарри Каспаров в частном разговоре.

Если всякую войну признавать нарушением прав человека, это приводит к удивительному следствию: виноватой становится защищаемая сторона. Ведь, согласитесь, это логично: если не отвечать на нападение, то и войны не будет. Значит, виноваты не те, кто напал, а те, кто вздумал защищаться.

У либеральных фундаменталистов благие намерения. Но благими намерениями вымощена дорога в ад. Мы 70 лет жили в стране, у которой тоже были благие намерения. Эта страна строила коммунизм и обещала всем бесплатное образование и бесплатную медицину. Но в реальности бесплатная медицина оборачивалась хлевом вместо больницы. Некоторые замечательные принципы в реальности оборачиваются своей противоположностью. Принцип «надо защищать права каждого человека» — один из них.

Но этого мало. Очевидно, что если суда над тем или иным человеком не было, или нам кажется, что права его были не соблюдены должным образом, то в отношении этого человека мы должны руководствоваться здравым смыслом.

Не тут-то было. Защита прав человека на деле превращается в защиту прав террориста. Правоза-

щитники не руководствуются ни здравым смыслом, ни реальностью. С их точки зрения, все, что говорит террорист — это заведомая правда, а все, что говорит государство, — это ложь.

В результате террористы создают целые подразделения для вранья правозащитникам. Более того — они меняют тактику. Если раньше целью палестинских террористов было уничтожить как можно больше евреев — женщин, детей, без разбору, то теперь целью ХАМАС, размещающих свои ракеты на крышах школ и многоквартирных домов, является сделать так, чтобы израильтяне ответным ударом по огневой точке уничтожили как можно больше гражданских жертв.

Если раньше террористы использовали собственных женщин и детей в качестве живого щита, то теперь они намеренно вызывают на них огонь.

Почему правозащитные НКО верят любому утверждению террориста? Почему они верят члену «Аль-Каиды» Моаззаму Беггу, хотя он заведомо врет?

Потому что правозащитное движение стало идеологией международной бюрократии. В секторе Газа пятилетние дети учатся маршировать с автоматами; им показывают мультфильмы о том, как надо убивать евреев. ХАМАС держит население сектора в полной зависимости; любой бизнес обложен данью в пользу ХАМАС, во время операции «Литой свинец» члены ХАМАС не подбили ни одного израильского танка, не сбили ни одного вертолета, но они использовали это время для того, чтобы арестовать и казнить свыше ста членов ФАТХ. Они нашли время для того, чтобы пытаться этих людей в своей штаб-квартире, устроенной в госпитале в Рафахе, откуда выгнали больных и раненых.

ХАМАС требует уничтожения государства Израиль и всех евреев и говорит, что если Израиль не согласен, это означает, что он не склонен к компромиссам. Почему же защитники прав человека обыкновенно стоят на стороне ХАМАС, а не на стороне Израиля?

Потому что они вместе с ХАМАСом осваивают деньги.

Граждане государства Израиль не нуждаются в помощи и защите со стороны НКО. Их защищает и им помогает само государство Израиль.

Защита прав человека, став всеобщепотребительным дискурсом, вошла в удивительное противоречие со здравым смыслом. Книжки и фильмы учат нас одному, новости — другому. В новостях нам сообщают, что «Гарри Поттер убил лорда Вольдеморта без суда и следствия» и что «в ходе войны Поттера с Вольдемортом погибли тысячи людей и произошли десятки самоубийств и катастроф». Не считая нужным упомянуть, что за катастрофы-то отвечает Вольдеморт. Нам показывают по *CNN* племянников, сыновей и родителей Лернейской Гидры, которые все, всхлипывая, рассказывают, какой она была замечательной и как в детстве играла в кубики.

Терроризм — это новая разновидность варварства. Варвар уважает только силу, поэтому цивилизация должна быть сильнее варвара. Если она будет просто богаче или безопасней — это ничего не значит. Цивилизация должна быть сильней.

Нам говорят: «Мы должны защищать права любого человека, потому что если сегодня правительство нарушит права Анвара аль-Авлаки, то завтра оно нарушит ваши права».

Но, господа! Это демагогия. «Сегодня он танцует джаз, а завтра родину продаст». Если Гарри Поттер уничтожил без судебного процесса лорда Вольдеморта, это не значит, что завтра он испепелит без суда и следствия Гермиону Грейнджер.

Нам говорят: «Каждый человек, даже очень плохой, имеет право на суд». Но в ситуации, когда суд невозможен, это оборачивается безнаказанностью террористов.

Горе миру, в котором вместо героев, борющихся со злом, останутся одни правозащитники, борющиеся с героями.

«Компромисс по отношению ко злу есть преступление», — сказал Томас Манн по поводу фашизма. Добавлю: защита прав лорда Вольдеморта есть нонсенс.

Волкодав — прав. Людоед — нет.

КЛИМАТОКРАТИЯ¹

Консенсус — первое прибежище негодяев. Это способ избежать обсуждения, заявив, что вопрос уже решен

Майкл Крайтон

Перед климатическим саммитом в Копенгагене Глава ИРПС (Международной комиссии по изменению климата при ООН), железнодорожный инженер Раджендра Пачаури заявил, что в целях спасения человечества от потепления надо регулировать количество личных автомобилей, электричества, используемого постояльцами в гостиницах и даже холодной воды, подаваемой в ресторанах. Г-н Пачаури собрался регулировать личную жизнь и мировую экономику в масштабах, сравнимых с «Городом Солнца».

В 2007 году бывший вице-президент США Альберт Гор, дом которого потребляет в 20 раз больше электроэнергии, чем дом среднестатистического американца, получил Нобелевскую премию мира за борьбу против Глобального Потепления. Альтернативным кандидатом была Ирена Сендлер, спасшая 2500 еврейских детей из варшавского гетто.

На саммите в Копенгагене африканские страны потребовали от Запада 67 млрд. дол. компенсаций за изменение климата.

¹ Все таблицы, используемые в статье, из архива автора

Каким образом г-н Пачаури планирует захватить власть, которой не обладал даже Гитлер и Сталин? Почему идея, истинность которой доказывают ревущие толпы с плакатами, называется «научной»? Почему люди, которые распределяют миллиарды долларов и принадлежат к элите элит, как Альберт Гор, считаются «борцами против истеблишмента»? Что это — глобальная бюрократия или глобальная демократия?

*О загрязнении окружающей среды
углекислым газом*

Как только я стала критиковать Учение Глобального Потепления, мне посыпались возмущенные письма. «Разве вы не видите, — спрашивали меня, — что, борясь против CO_2 , мы боремся за чистую планету?»

«Даже если глобального потепления нет, — сказал мне Владимир Рыжков, — все равно против него надо бороться. Хоть воздух станет чище».

Многие и в самом деле убеждены, что борьба за уменьшение CO_2 есть борьба против загрязнения окружающей среды. Нам постоянно внушают, что CO_2 — это «важнейший по величине антропогенный загрязнитель окружающей среды». Киотский протокол регулирует исключительно содержание в выбросах CO_2 и других парниковых газов, не отвлекаясь на такие мелочи, как формальдегид или свинец.

Так вот, господа, я хочу, чтобы все твердо понимали, что **CO_2 не является загрязнителем.**

Вода, например, может быть загрязнена самыми разными веществами. В ней могут быть кислоты и щелочи,

диоксины и тяжелые металлы, пестициды и нефтепродукты, радиокативные вещества и кишечная палочка. Есть только одно вещество, которое совершенно точно не может загрязнить воду. Это CO_2 — диоксид углерода.

Каждый раз, когда вы пьете газировку, вы пьете воду с CO_2 . Газировку специально делают с помощью CO_2 , потому что он абсолютно безопасен. «Сухой лед», который лежит в лотке с мороженым, потому там и лежит, что он совершенно безопасен. CO_2 является частью природного цикла, выдыхается людьми, поглощается растениями, и мы пьем газировку и храним мороженое в «сухом льду» по той же причине, по которой не падаем в обморок от собственного дыхания

То же самое — воздух. Всякое загрязнение воздуха — локально. Норильск выбрасывает 2 млн. тонн диоксида серы, 2 млн. тонн оксида меди, 19 млн. тонн закиси азота и 44 тыс. тонн свинца. Кислотные дожди, идущие над Норильском, проедают асфальт, как губку. БрАЗ и КраЗ отравляют воздух фтором. Астраханский ГПЗ — сероводородом. Химические предприятия Дзержинска выбрасывают в воздух весь список боевых отравляющих веществ. Где-то травят хлором, где-то аммиаком.

Есть только один газ, выбрасываемый всеми этими заводами, который совершенно безвреден, не имеет ни цвета, ни вкуса, ни запаха, не представляет опасности для человека и является интегральной частью биосферы. Это — углекислый газ, CO_2 .

Когда вам показывают дымящиеся трубы и говорят, что это CO_2 и что надо ограничить эти выбросы, чтобы сдержать глобальное потепление, вам врут дважды. Во-первых, CO_2 — прозрачен и бесцветен. Что бы ни стояло хвостом над трубой — это не CO_2 , потому что

CO₂ невидим. Во-вторых, если из этой трубы выбрасывают диоксид серы (как в Норильске или Медногорске), то эти выбросы *охлаждают атмосферу*, потому что диоксид серы, прореагировав с водяным паром, образует сульфатные аэрозоли, которые отражают солнечные лучи. Если наша главная беда — потепление, то выбросы в Норильске надо увеличивать. Так, чтобы асфальт проедало не на полметра, а на метр.

Еще раз подчеркну: любое загрязнение локально. На одной помойке ртуть, на другой — диоксин. Поэтому и бороться с загрязнением надо на локальном уровне. Но в том-то и дело, что локальная борьба — это не задача для глобальной бюрократии. Мы способны убрать мусор во дворе без помощи ООН. Поэтому глобальная бюрократия придумала регулировать что-то глобальное. То, что есть везде. Поэтому Киотский протокол регулирует выбросы CO₂, а не свинца.

Но в том-то и дело, что химическое соединение, которое есть везде, не может быть ядовитым. Оно встроено в биосферу Земли. CO₂ — основа жизни на земле. Мы состоим из CO₂, переработанного растениями или теми, кто эти растения съел.

Наш нос не может унюхать CO₂ не потому, что тот не пахнет вообще. Очень возможно, что если бы мы дышали фтором, то чуждый для нас CO₂ мы могли бы унюхать. У нас нет рецепторов для распознавания CO₂ именно потому, что он не является маркером.

Поэтому если вы слышите, как CO₂ — газ, которым питаются растения и который мы выдыхаем, газ, которым газируют минералку и в котором в супермаркетах держат продукты, называют «антропогенным загрязнителем», вы можете смело рассмеяться и уйти.

Этот «антропогенный загрязнитель» вместе с сероводородом, метаном и аммиаком составлял атмосферу Земли за 4,5 млрд. лет до появления на ней человека и до сих пор составляет одну из основ жизни.

Об изменении окружающей среды

Человек отличается от животных тем, что он изменяет окружающую среду.

Люди, которые считают, что человек жил в гармонии с природой до изобретения двигателя внутреннего сгорания, путают человека с макакой. Человек рыл каналы, выжигал леса, пас стада, занимался подсечно-огневым земледелием и своей деятельностью всегда нарушал существовавшую до него экосистему, создавая на ее месте свою, ему удобную.

Иногда это приводило к катастрофам. Это вполне понятно. Возможность мыслить — это и возможность ошибаться. А возможность изменять окружающую среду — это и возможность ее уничтожить. В XIII в. войска Чингисхана уничтожили сложную оросительную систему Афганистана, основанную на использовании подземных каналов — кяризов, — и превратили страну цветущих долин и богатых городов, которую до Чингисхана завоевывал каждый, в страну бесплодных пустынь и пустынных гор, которую после Чингисхана завоевать не мог никто. В XX в. жители плодородного Гаити, не имея электричества, вырубали на дрова все леса, и любой ливень приводит к оползням, в которых гибнут тысячи людей.

Очень важно понять несколько вещей.

Во-первых, **катастрофическое воздействие человека на природу всегда было локально**. От того, что монголы уничтожили экологию Афганистана, в Квебеке ничего не переменилось.

Во-вторых, **это катастрофическое воздействие никак не связано с уровнем цивилизации**. Гаитяне устроили экологическую катастрофу не из-за высокого уровня развития, а из-за отсутствия такового. Вероятность экологической катастрофы куда вероятней в неразвитом обществе, чем в развитом, и ГПЗ в Астрахани засоряет небо куда больше, чем химический комплекс в Людвигсхаффене.

Пустыни Ближнего Востока и леса Латинской Америки скрывают руины культур, погибших из-за экологических катастроф, и мысль о том, что в прежние века был экологический рай на Земле, а мы вот в XX в. развели ад — это опасная иллюзия. Человечество никогда не вдыхало столько канцерогенов, как с дымом примитивного очага; римляне пили воду из свинцового водопровода, барышни XIX в. белились свинцовыми белилами, а викторианская Англия умудрилась обклеивать дома обоями, крашеными красками с настолько высоким содержанием мышьяка, что нередко лежащие больные поправлялись просто оттого, что их выносили на свежий воздух.

И еще, вы будете смеяться — **по мере развития цивилизации мы сжигаем все меньше и меньше углерода на единицу энергии**. На протяжении тысячелетий основным источником тепла для человечества служило дерево, в котором на десять атомов углерода приходится один атом водорода. Когда мы сжигаем природный газ, мы сжигаем топливо, в котором на один атом углерода приходится четыре атома водорода.

Майкл Крайтон, автор *The State of Fear*, ставшей Библией климатических скептиков, в одной из своих речей ехидно заметил, что этот тренд декарбонизации действует с начала XIX в., и что здесь, как и в других аналогичных случаях, авторы искусственно создаваемой панической идеологии пытаются представить давно существующую тенденцию как свою заслугу. Если человечество захочет вернуться к путям своих предков, сохраняя существующий уровень энергопотребления, оно не только вырубит все леса, но и выпустит в атмосферу куда больше CO₂, чем сейчас.

Для того чтобы бороться с загрязнением окружающей среды — надо бороться с фенолами и сточными водами, диоксидом серы и тяжелыми металлами. Не надо бороться против CO₂, который мы пьем с газировкой.

Это как с правами рабочих: для того чтобы бороться за 8-часовой рабочий день, надо бороться за 8-часовой рабочий день. Не надо бороться за диктатуру пролетариата. Как показывает опыт, борьба за диктатуру пролетариата не приводит к улучшению жизни трудящихся. Она приводит к необъятной власти тех, кто возглавил борьбу. Это и есть первый признак тоталитарной идеологии — когда вам врут, причем нагло, о том, против чего вы боретесь.

Как менялся климат Земли

Очевидно, что любая научная теория, чтобы предсказывать, что будет в будущем, должна объяснять, что было в прошлом. Если вам завтра предложат отказать от электричества, потому что в случае про-

должения использования электричества Луна упадет на Землю, спросите, какие именно силы влияли на движение Луны в прошлом. Если вам не ответят, не спешите выдергивать шнур из розетки. Гоните алармиста в шею.

Одна из самых удивительных особенностей теории Глобального Потепления заключается в том, что она совершенно не описывает, а что же, собственно, происходило с климатом за все время существования Земли. Постараемся восполнить этот пробел — а потом и поговорим о том, почему климатические алармисты обходят этот, казалось бы, элементарный вопрос стороной.

Земля существует 4,5 млрд. лет.

3,8 млрд. лет назад на ней появилась жизнь. 2,3 млрд. лет назад существование жизни привело к величайшему изменению в биосфере Земли — так называемой Кислородной Катастрофе. Атмосфера планеты, до того состоявшая из метана, аммиака и диоксида углерода, благодаря свободному кислороду, выделяемому живыми организмами, как бы вывернулась наизнанку, и анаэробные организмы, для которых кислород был ядом, постепенно стали уступать место кислорододоыщающим.

Задолго до возникновения человека как биологического вида Земля испытала гигантские колебания климата.

В криогении (850—635 млн. лет назад) Земля была покрыта льдом целиком (т. н. гипотеза *Snowball Earth*), а в меловом периоде на полюсе помидоры можно было выращивать, как остроумно заметил океанограф Тэд Мэрти. Разница средних температур между холодными и теплыми периодами достигала 20 градусов. (Напом-

ню, что за XX в. средняя температура Земли поднялась, по утверждению *IPCC*, на 0,7 градусов), при этом большую часть фанерозоя средняя температура была выше современной на 7 градусов.

Задолго до возникновения человека массово вымирали виды: 250 млн. лет назад пермско-триасовое вымирание видов чуть не покончило с жизнью на Земле; 60 млн. лет назад вымерли динозавры.

Последние 3 млн. лет колебания климата имеют куда меньший размах, зато весьма регулярны: ледниковые периоды средней продолжительностью 90 тыс. лет стали сменяться короткими, средней продолжительностью 15 тыс. лет, периодами межледниковья.

Предыдущее межледниковье, или ээмский период, продолжался с 130 по 115 тыс. лет до н.э. В это время человек уже полностью сформировался как биологический вид.

В это время мир был значительно теплей нынешнего, уровень моря был выше на 4—6 метров, на Северном полюсе летом не было льда; Скандинавия была островом, на Рейне и Темзе водились гиппопотамы.

114 тыс. лет назад началось новое оледенение. Уровень океана опустился на 120 метров. Человечество посуху пришло в Австралию (точнее, людям нигде не пришлось переплывать пролив шириной более 40 миль). В конце плейстоцена ледники отступили, однако в раннем дриасе, около 12 900 лет до н.э., на Землю обрушилось внезапное похолодание, продолжавшееся около 1500 лет.

Интересно, что именно время этого похолодания совпадает со временем неолитической революции: перехода от собирательства к земледелию.

С 9 до 5 тыс. лет до н.э. наступает период, известный как климатический оптимум голоцена. В мире было снова теплей, чем сейчас. Летние температуры Сибири были на 2—9 градусов выше.

Рост тепла был прерван в 6200 г. до н.э. каким-то событием, приведшим к резкому похолоданию, однако спустя 400 лет температура снова начала расти; около 5600 г. до н.э. соленая вода поднимающегося океана ворвалась через Гибралтарский пролив в бывшее до того озером Средиземное море.

Дальше наступают уже почти исторические времена: отныне мы можем судить о колебаниях климата не только по годовым кольцам деревьев, но и по историческим хроникам. Новое похолодание началось около 2200 лет до н.э., оно совпало с крушением империи Саргона Аккадского и Среднего Царства в Египте. Продолжалось оно около 600 лет, потом в мире снова стало тепло.

Следующий 600-летний период холодов отражен уже не только в иероглифах и клинописи. Эти холода формировали уже ту геополитическую ситуацию, в которой мы живем. Они ударили с 60 г. до н.э. до 600 г. н.э. — и это был период крушения Римской империи и китайской династии Хань под натиском варваров, согнанных с насиженных мест голодом, холодом и засухой. Темные Века были также Холодными Веками. Римская империя была Римским Потеплением.

К 1000 году в мире снова воцарился Средневековый климатический оптимум. В это время в Англии рос виноград, а Эйрик Рыжий, открыв в 982 году Гренландию, назвал ее Зеленой Страной, потому что она была зеленой.

В XIV веке климатический оптимум сменился Малым ледниковым периодом. Голод 1315—1317 года и последовавшая за ним чума 1348-го превратили Европу в кладбище. Но еще страшной гуманитарной катастрофы была катастрофа социальная: отчаяние и религиозный фанатизм, «охота на ведьм» и массовые преследования евреев, объявленных виноватыми в смертях.

К 1600 году потеплело, а с 1645 по 1715 год мир замерз опять. 1640-ые — это годы, хорошо знакомые историкам.

Начало 1640-х — это когда по всей Европе: — в Англии, в Каталонии, в Португалии, в Неаполе, плюс Фронда во Франции — случилось одновременно шесть революций и мятежей. 1644 год — это год, когда маньчжуры захватили Пекин. Народное восстание, которое этому предшествовало, Рейн Крюгер описывает так: «На северо-западе суровая зима, последовавшая за сильной засухой, стала причиной неурожая и голода... в охваченных голодом областях даже отмечались случаи каннибализма».

К середине XVIII века мир потеплел: ледовый край между Шпицбергенем и землей Франца-Иосифа в августе отступал к 82,5 градусам северной широты, — то есть на градус выше, чем в теплом конце XX века.

С 1790 по 1830 годы морозы вернулись снова; армия Наполеона замерзла в России, а 1816 год, «год без лета», обернулся катастрофой по всему миру: в Европе от майских заморозков вымерз урожай, на Тайване шел снег. От голода умерли как минимум 100 тыс. ирландцев. Именно после «года без лета», когда вокруг Манхэттена катались на коньках, а овес вырос в цене в 8 раз, американцы двинулись на Запад.

С 1830-х температура стала расти и росла до 1860-х. Потом она снова пошла вниз. Затем она снова начала расти — с 1910-х и до 1940-го. Гитлеру, напавшему на СССР, не повезло, как и Наполеону: немецкие солдаты замерзли в суровую зиму 1941—1942-го, летнее топливо в танках разлагалось на фракции. Температура падала до 1970-х; ученые боялись нового ледникового периода. В середине 70-х телерепортеры объясняли тайфуны и ураганы глобальным похолоданием. Но тут температура пошла на поправку, и выяснилось, что вместо глобального похолодания у нас — глобальное потепление.

Понятно, что все перечисленное выше — кратко, неполно и поверхностно, но если вы заглянете в тексты климатических алармистов и доклады *IPCC*, вас ждет шок: в них и того нет.

Не то чтобы вам прямо лгут, что климат Земли никогда не менялся (это тоже бывает, но редко), а просто ни о каких других изменениях климата, кроме как под действием злобной деятельности коварных индустриалистов — не упоминают. И у читателя этих текстов складывается впечатление, что климат меняется только оттого, что в атмосфере становится больше CO_2 .

Подытожим: и в докембрии, и в фанерозое, на всем протяжении 3,8 млрд. лет существования жизни средняя температура Земли менялась на 20 градусов.

Последние несколько миллионов лет она меняется с куда меньшим размахом, но все-таки температурные изменения, связанные с чередованием оледенений и межледниковий, значительно превышают любые современные изменения.

В предпоследнее межледниковье (ээмский период) температуры были выше нынешней. 9—5 тыс. лет назад (климатический оптимум голоцена) температуры были выше нынешней. 1000 лет назад температуры были такие, или примерно такие, как нынче. «Вероятно, сейчас так же тепло, как тысячу лет назад» — это не моя фраза. Это фраза одного из столпов теории Глобального Потепления, палеоклиматолога Кейт Бриффа. Правда, взята она не из его официальных статей, в которых он утверждал обратное. А из его личной переписки, вскрытой «Климатгейтом».

И уж конечно, эти колебания не имели никакого отношения к антропогенному CO₂.

У климата нет нормы

Из вышесказанного очевидны три вещи. Первое — у климата нет нормы. Единственной нормой климата является изменение. Нынешний уровень моря не является нормой — он является промежутком между изменениями. С точки зрения какой-нибудь ракушки ээмского периода, море сейчас находится на 6 метров ниже нормы.

Второе — биологически катастрофой для человечества является именно похолодание, а не потепление. Как объяснить ста тысячам ирландцев, умерших из-за «года без лета, что потепление — зло?

Однако самым важным, как мы видим, является тот ответ, который та или иная культура дает на изменения климата. Реакцией средневековой Европы на голод

1315 года была паника, фанатизм, еврейские погромы и охота на ведьм. Реакцией Америки на «год без лета» была колонизация Запада.

Ответом Англии на похолодание 1640-х была буржуазная революция. Ответом Китая стало кровавое народное восстание, уничтожившее династию Мин и отдавшее Поднебесную во власть жестоких и безграмотных кочевников.

Единственное место, где на протяжении сотен тысяч лет климат не менялся, была экваториальная Африка. Именно там человечество не эволюционировало.

Ну и, разумеется: изменения климата за 4,5 млрд. лет существования Земли совершенно точно обусловлены не антропогенным CO_2 .

Почему климат менялся в прошлом

Очевидно, что если мы хотим знать, как изменяется климат сейчас, мы должны знать, как и почему он изменялся в прошлом. Узнать: а вот тот фактор, что превратил Землю в *Snowball Earth*, действует ли он сейчас или нет? А тот, что растопил полярные льды в середине XVIII века — действует или нет, и если действует, то в каком направлении и как сильно? Вычтя все, в сухом остатке мы и получим антропогенный фактор, потепление из-за CO_2 . Не зная всех сил, которые действуют на климат, мы не сможем вычленить какую-то одну.

Отчего же менялся в прошлом климат?

Из-за целого ряда сложносочиненных факторов. Во-первых, солнце сейчас светит на 25 % сильнее,

чем 4,5 млрд. лет назад. «Ну вот оно и потепление», — обрадуетесь вы. Не спешите: за последние сто солнце стало теплее на пять десятиллионных процента.

Во-вторых, из-за кислородной катастрофы: понятно, что атмосфера Земли без и со свободным кислородом — это две разные атмосферы.

В-третьих, из-за расположения континентов. Если бы на Южной Полюсе не было Антарктиды, современный климат был бы куда теплей. Если бы на Северном Полюсе была суша, мир бы замерз весь.

Четвертый фактор — вулканы. С большой вероятностью пермско-триасовое вымирание видов было вызвано трапповыми извержениями в Восточной Сибири. Тогда на поверхность Земли было выброшено 12 млн. кубических километров лавы. Для сравнения: причиной «года без лета» в 1816-м было извержение вулкана Тамборо; тогда было выброшено 8 кубических километров лавы — то есть в миллион с лишним раз меньше.

Пятый фактор — метеориты. Если бы грохнувшийся возле Мексиканского залива 60 млн. лет назад метеорит не снес с лица Земли динозавров, мы бы вряд ли сейчас пили кока-колу.

Шестой фактор — это океанские течения. Около 7 млн. лет назад из воды поднялся Панамский перешеек. Это событие совершенно изменило циркуляцию воды в мировом океане и, возможно, привело к появлению человека как биологического вида.

Дело в том, что наши предки обитали на деревьях. Перепрыгивая с ветки на ветку, они и обрели важнейших особенности будущего *homo*: расположение паль-

цев, позволявших удобно обхватывать ветку, привычку висеть вертикально, и, наконец, гигантский мозг, позволявший обрабатывать очень большие объемы информации, связанные с положением их кувыркающегося в трех измерениях тела.

Панамский перешеек изменил циркуляцию воды в океане; леса, где обитали наши предки, высохли и превратились в саванну. Обезьяна не слезала с дерева: это дерево убежало из-под обезьяны, и примату, оставшемуся стоять посередине травянистой равнины, чтобы выжить, пришлось стать разумным.

В-седьмых, последние 3 миллиона лет — ничтожный в геологическом отношении промежуток, когда материки не менялись и метеориты не падали, степень оледенения Земли зависит от циклов Миланковича, то есть от количества солнечного тепла, получаемого Землей именно при таком расположении материков.

Величина эта колеблется из-за трех периодических процессов: прецессии земной оси (периодом около 26 тыс. лет, нутации земной оси (то есть колебания угла наклона оси к плоскости орбиты, периодом ок. 41 тыс. лет), и изменения эксцентриситета земной орбиты (период ок. 93 тыс. лет). Когда циклы усиливают друг друга, возникает оледенение.

Циклы Миланковича охватывают целые геологические эпохи — оледенения в среднем продолжаются 90 тыс. лет, а межледниковья — 15 тыс.

Но что мы можем сказать о полуторатысячелетнем похолодании в раннем дриасе или кратковременном — на 200—400 лет — похолодании в 7 тысячелетии до н. э.?

Считается, что похолодание в раннем дриасе было тоже вызвано падением метеорита; а вот причиной менее сильного и более кратковременного похолодания 6200 лет назад, стало как раз потепление: гигантские ледниковые озера в Северной Америке тогда растаяли и опростались в океан, опустив средние температуры мира на 1–5 градусов.

Небольшие колебания

Циклы Миланковича регулируют среднюю температуру Земли последние 3 млн. лет и ответственны за нынешний межледниковый период в целом. Но что мы можем сказать о небольших колебаниях температуры, например, о похолодании, вызвавшем гибель Римский империи, или о Малом Ледниковом Периоде, пик которого пришелся на период с 1645 по 1715 год?

О периоде с I по VI в. — ничего, потому что тогда еще не было телескопов, а вот временной промежуток с 1645 по 1715 год имеет еще одно название, хорошо известное астрономам. Это название — **минимум Маундера**. Минимум Маундера — это время, когда астрономы Земли почти не наблюдали пятен на солнце. Минимум Маундера — это не самоназвание. Так его назвал астроном **Джон Эдди** в блестящей работе, опубликованной в *Science* в 1976 году. Там же Джон Эдди описал **минимум Сперера** (1420–1570) и **минимум Дальтона** — период с 1790 по 1830 год. Все эти три периода совпадают с максимальными холодами Малого Ледникового периода.

400 лет наблюдений за солнечными пятнами. Обратите внимание на похолодание в 1640-х. Это время шести европейских революций и восстания, положившего конец китайской династии Мин. Обратите внимание на то, что новое похолодание предшествует Великой Французской Революции 1789 г.

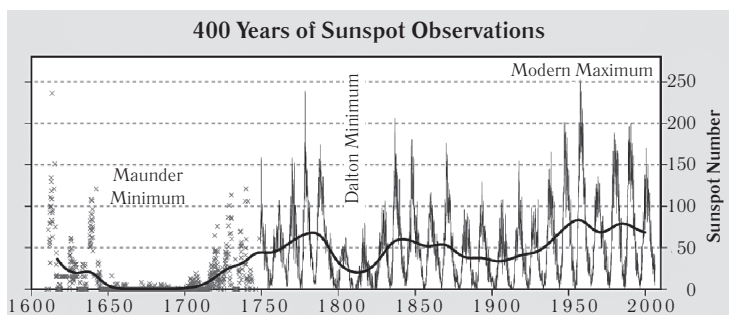

График температуры в XX веке неплохо коррелирует с графиком солнечной активности. Расхождения начались с созданием ИРСС

Джон Эдди описал статистическую закономерность, однако в 1991 году *Science* опубликовал статью двух датчан: *д-ра Эйгила Фрис-Кристенсена*, директора Датского космического центра, и его коллеги *Хенрика Свенсмарка*.

Д-р Фрис-Кристенсен попытался понять, почему снижение солнечной активности приводит к похолоданию, а повышение — к потеплению. Дело в том, что активное солнце не выделяет сколько-нибудь больше тепла. Единственное, что растет — это магнитная активность и «солнечный ветер» — достигающие Земли выбросы заряженных частиц.

Д-р Фрис-Кристенсен построил модель взаимодействия между атмосферой Земли, солнечным ветром и космическими лучами — излучении, постоянно идущим от далеких звезд. Когда солнце спокойно, космические лучи проникает глубоко в атмосферу. Ионизируя капельки воды, они способствуют образованию облаков в нижних слоях атмосферы: облака отражают солнечный свет, и Земля становится чуть холодней. При активном солнце заряженные потоки частиц отклоняют космические лучи; облаков становится меньше, тепла — больше.

Солнечная активность

Как я уже сказала, если мы хотим вычислить, как человек влияет на климат, то мы должны перечислить все причины изменений климата и вычесть их из данных наблюдений.

Мы выяснили, что Солнце сейчас светит на 25 % мощнее, чем в начале жизни Земли, что в меловом периоде было тепло, потому что на полюсах не было суши, а нынешнему межледниковью мы обязаны счастливым положением земной оси. Все эти факторы за столетие климат не меняют; метеориты в XX веке, слава богу, не падали, и ледниковые щиты размером в пол-Антарктики в океан не сходили.

Но вот солнечная активность явно оказывает влияние на краткосрочные 30-летние колебания климата. Очевидно, что для того, чтобы оценить влияние на климат именно антропогенных выбросов CO_2 , солнечную активность надо вычесть или прибавить.

IPCC утверждает, что за последние 100 лет средняя температура по Земле поднялась на 0,7 градусов. Так это ж без учета солнечной активности! А вдруг она на самом деле несколько меньше? Или, наоборот, больше, и мы бы все уже тут сварились, как на Венере, если бы не спокойное солнце?

И тут нас ждет первый сюрприз: в докладах *IPCC* о солнечной активности практически ничего не говорится. Во втором и третьем отчете *IPCC* даже нет упоминания о циклах Миланковича! У читателя создается впечатление, что перемены климата зависят от одного — от CO_2 .

Причина этого умолчания, как я покажу ниже, очень проста: если вычесть солнечную активность из потепления, то потепления-то и не останется.

«С 1750-го года»

«Деятельность человечества способствует глобальному потеплению с 1750 г», — утверждается в 4-м докладе *IPCC*.

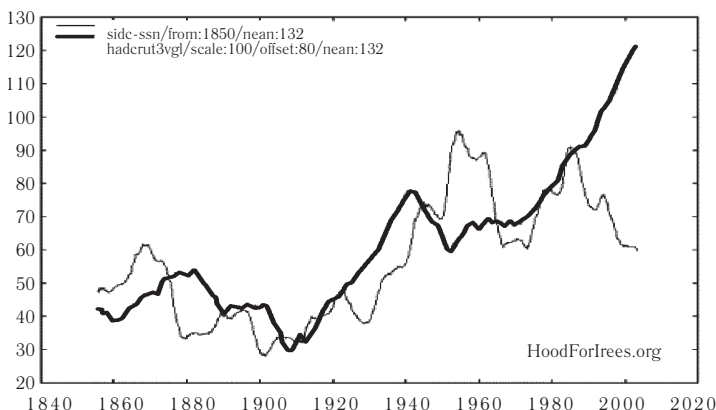
Посмотрим, так ли это. С 1750 года кривая выбросов CO_2 ползет только вверх. А температура? Она колеблется. Потепление 1750-х сменяется в 1790-м «минимумом Дальтона». С 1830-х температура растет до 1860-х. Потом она снова пошла вниз. Температура растет с 1910-х и до 1940-го, падает до 1970-х, потом снова теплеет, и с 1998 года Земля практически не теплеет.

Иначе говоря, график колебаний температуры Земли совершенно не совпадает с графиком роста

выбросов CO_2 . Зато он полностью коррелирует с графиком солнечной активности — вплоть до начала 90-х.

Солнечная активность и температура вместе падают с 1870-х до 1910-х, а потом опять вместе растут до 1940 х. Солнечная активность и температура растут с начала 1970-х. Но вдруг, начиная с 90-го года, солнечная активность начинает падать, а температура — расти.

«Так вот же оно — глобальное потепление», — воскликнете вы.

Подумайте внимательно, и вы поймете, что график не может быть верным. Почему?

Да потому, что из графика следует две вещи:

а) человечество стало влиять на климат, едва изобретя аэроплан, но с 1940-го по 1970-й, то есть во время войны, когда воюющие страны поднимали в воздух тысячи самолетов, и после войны, когда индустриализация стала глобальной, оно влиять перестало.

б) Солнечная активность перестала влиять на климат с момента образования *IPCC* — Международной комиссии по изучению климатических изменений при ООН.

Но постойте, так не бывает! Обычно вы сначала изучаете природу, потом констатируете некий природный феномен, а потом уже создаете комиссию для борьбы с ним или изучения его. Здесь же наоборот: сначала Комиссия по Климату пришла к выводу, что изменения климата связаны с человеческой деятельностью, — и только после этого наблюдаемые данные стали подтверждать тезисы Комиссии по Климату.

Еще раз: посмотрите внимательно на график, на котором ясно читается стремительный рост температуры после 1998-го. График составлен на основе базы данных *CRU UEA* (*Climate Research Unit University of East Anglia*) — главного центра всех подобных расчетов. А теперь — цитата из взломанной электронной почты Фила Джонса, главы *CRU UEA*, от 5 июля 2005-го. «Ученое сообщество бесприменно обрушится на меня, если я скажу, что с 1998 года мир холодает. Ну да, это так, но речь идет лишь о 7 годах наблюдений, и статистически это — ничтожность».

Интересно. Фил Джонс знает, что потепление приостановилось. Но на графике это его знание никак не отражено.

И, разумеется, сравнительных графиков солнечной активности и изменений температуры с 1750 г. в работах климатических алармистов вы не найдете. Только утверждение: «человек влияет на климат с 1750 г.».

CO₂

Вопрос: почему сторонники Глобального Потепления никогда забывают сделать совершенно очевидную вещь: перечислить все факторы, которые влияют на климат, и вычесть (или прибавить) те, которые действуют в настоящую минуту, из общей наблюдаемой картины изменений?

Отвечая на этот вопрос, внезапно сталкиваешься с рядом проблем, причем все эти проблемы лежат вне научной плоскости.

Первая из этих проблем очень проста. Трудно представить себе демонстрации с лозунгами: «Нет циклам Миланковича!» или «Долой минимум Маундера!» Если кто-то не согласен с Милутином Миланковичем или Джоном Эдди, он пишет статью. Он не выходит на площадь. Но правота сторонников теории глобального потепления доказывается так же, как правота коммунистов — и причем зачастую теми же лицами, которые после падения Берлинской стены протестуют уже не против Проклятых Капиталистов, а против Проклятых Загрязнителей.

Вторая проблема заключается в том, что теория глобального потепления означает власть, влияние и деньги. Климатолог, изучающий циклы Миланковича, — это просто кабинетный ученый. Климатолог, берущийся регулировать CO₂, берется командовать экономикой всего мира. Он получает то, о чем мечтали Чингисхан, Сталин и Гитлер. Согласитесь, это не очень чистый научный эксперимент, когда от ответа на научный вопрос зависит, кто ты — никто или хозяин мира.

Тем более, что вопрос задают не конкретному ученому. Его задают всем. Те, кто ответит «да», будут вершить судьбы мира. Те, кто ответит «нет», окажутся «климатологическими преступниками».

IPCC

Кто открыл глобальное потепление? Циклы Миланковича открыл Миланкович; минимум Маундера открыл Джон Эдди; теорию относительности придумал Эйнштейн. А кто тот ученый, который открыл Теорию Глобального Потепления — теорию, из-за которой издают законы и делят миллиарды?

Ответ заключается в том, что теорию эту открыл ученый под названием *Intergovernmental Panel for Climate Change* при ООН, а основополагающие труды так и называются: Первый, Второй, Третий и Четвертый отчет IPCC. Для удобства тех, кому лень читать весь отчет, есть маленькое резюме, которое так и называется: *Summary for Policymakers* (Резюме для Политиков).

На эти отчеты, как на основополагающие источники, ссылаются все, — в том числе и сами Комиссия по Климату. Открыв, к примеру, Третий Отчет IPCC (*AR3 IPCC*), мы узнаем из первых строк, что данный отчет: «анализирует огромный массив данных», «углубляет наше понимание», «производит детальное исследование» и «короче говоря, станет опять главным научным маяком для всех тех, кто озабочен проблемами перемены климата».

Это, если подумать, удивительно. Трудно себе представить, что в качестве главного текста по теории струн

фигурировал бы доклад Комиссии при ООН. Есть понимание, что ООН вряд ли бы создала Комиссию по теории струн, а если бы создала, вряд ли туда бы приехали лучшие физики. Глобальное потепление — это первая в мире теория, открытая глобальной бюрократией.

Второе самое удивительное в Учении Глобального Потепления — не то, сколько нам лгут, а то, как нагло это делают. Нам говорят, «моря поднимутся на 6 метров». Успокойтесь, даже если это произойдет — то через 6 тыс. лет. Нам говорят, «к 2035 году растают Гималайские ледники». Неправда, не растают. Нам говорят, что «Арктика таяла последние 30 лет». Это правда, но Антарктика при этом замерзала. Нам говорят, что «люди будут умирать от жары» — это неправда, статистически наибольшая смертность приходится на холода. Нам говорят, что из-за глобального потепления Землю накрывают ураганы и тайфуны. Это неправда — статистика не регистрирует увеличения ураганов и тайфунов. Нам говорят, что CO_2 — это загрязнитель, неправда, это не загрязнитель.

Как же произошло, что такое количество безграмотных и откровенно лживых утверждений ложится в основу международных законов и международных демонстраций?

Ответ заключается в том, что вся эта ложь прямо вытекает из докладов *IPCC*. Эти доклады, как я постараюсь показать, представляют собой уникальный семиотический эксперимент по построению тоталитарного дискурса внутри свободного общества. Доклады *IPCC* не только не являются «научным маяком» или

научными исследованиями — их главной задачей является генерация лжи.

Бюрократы из ООН могли получить право регулировать воздух только в одном случае. Если будет доказано, что а) глобальное потепление есть, б) что оно вредоносно, в) что его можно регулировать.

При несоблюдении хотя бы одного из этих условий регулировать было нечего. Как ни удивительно, бюрократы доказали, что а) глобальное потепление есть, б) что оно вредоносно, в) что его можно регулировать.

Каким же образом они это сделали?

Гималайские ледники растают к 2035 году

Возьмем, к примеру, утверждение о том, что Гималайские ледники растают к 2035 году, ставшее, благодаря *The Sunday Times*, предметом скандала. Это утверждение опиралось на интервью, данное доктором Саидом Хаснайном индийскому журналу *Down to Earth*; интервью увидел журналист *New Scientist* Фред Пирс и поговорил с доктором Хаснайном по телефону: это-то телефонное интервью и легло в основу доклада *IPCC*.

IPCC утверждает, что она цитирует только работы, прошедшие строгую процедуру научного рецензирования. В данном случае, как мы видим, реальность оказывается обратной. Именно факт цитирования в *AR4 IPCC* превратил абсурдное утверждение профессора Хаснайна в «научный факт». При этом глава *IPCC* Раджендра Пачаури получил около 4 млн. дол. в грантах на исследование

проблемы таяния ледников и немедленно назначил руководителем одного из проектов д-ра Саида Хаснайна.

40 % лесов Амазонки исчезнет

С дождевыми лесами Амазонки вышла история еще хуже. *AR4 IPCC* утверждает, что «до 40 % амазонских лесов могут резко среагировать даже на малое изменение количества осадков» и в результате в течение короткого времени могут быть заменены «экосистемами, которые более устойчивы к множественным нагрузкам, вызванным ростом температуры, засухами и пожарами, например — саванной».

В качестве источника этого «научного» утверждения фигурирует не прошедший процедуру научного рецензирования отчет *WWF* (Фонда дикой природы), составленный двумя авторами, один из которых является специалистом в области *GR*, а другой — журналистом и зеленым активистом. Но самое поразительно, что даже в этом докладе нет ни слова о возможном исчезновении «40 % амазонских лесов», а другие доклады *WWF* — «зеленой» и весьма пристрастной организации подчеркивают, что «одной из экологических загадок лесов Амазонки является их способность переносить сильные сезонные засухи без видимых последствий».

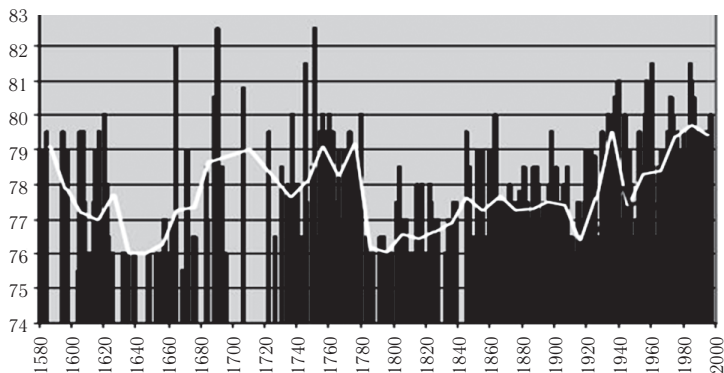
Вопреки утверждениям *IPCC*, что она цитирует только «научные» работы, реальность оказывается иной. То, что она цитирует, и становится «наукой». Все остальное провозглашается «псевдонаучными изысканиями, оплаченными нефтяными компаниями».

Арктика тает

В третьем докладе *IPCC* изрядная часть *Summary for Policymakers* посвящена утверждению о том, что последние 30 лет «Арктика тает». Это формально правда. Однако авторы резюме, забыли упомянуть, что, пока Арктика таяла, Антарктика замерзала, в течение 30 лет до 2007 года площадь льдов в Антарктике увеличивалась в среднем на 25 тыс. кв. км ежегодно.

Очевидно, что читатель доклада *IPCC* подсознательно ожидает научного подхода к изложению вопроса. Научный подход, который демонстрирует, к примеру, Андрей Илларионов, глава ИЭА, в своих неоднократных докладах, посвященных глобальному потеплению, заключается в том, чтобы привести все имеющиеся данные по Арктике и Антарктике. Из этих данных на сегодняшний день мы можем заключить две вещи: а) Арктика и Антарктика колеблются с 30-летним периодом в противофазе, когда одна тает, другая замерзает. б) Человечество плавает в северных водах чуть больше 400 лет, и все это время датские и норвежские моряки вели подробные судовые журналы, так что мы имеем почти непрерывный за 420 лет период наблюдений за льдами Арктики. Из этих наблюдений следует, что были периоды (например, минимум Маундера или минимум Дальтона), когда граница августовского ледового края опускалась до 76 градуса с.ш. (то есть на три градуса ниже границы 2000 года), а бывали периоды, (напр, 1760-й), когда она поднималась до 82 градуса с.ш.

Граница распространения льдов в XX веке мало чем отличается от ситуации в XVIII веке. Расположение августовского ледового края между Шпицбергенем и Землей Франца Иосифа, 1580–1998 гг.¹

Когда мы читаем в «Резюме для политиков», что «Арктика тает», это не научное утверждение — это грубое вранье. Оно не отвечает даваемой в суде клятве «говорить всю правду, только правду и ничего, кроме правды».

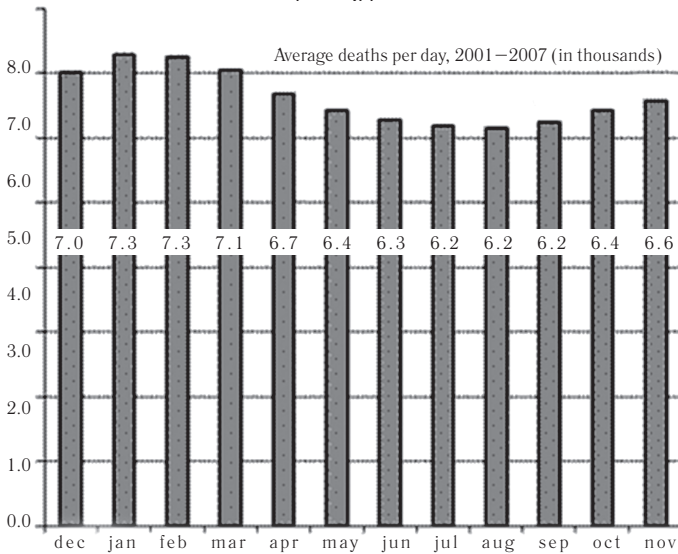
Люди мрут от жары

Четвертый доклад *IPCC* утверждает, что рост тепла приведет к росту «связанной с жарой смертности в Европе». Точно так. Рост жары приведет к росту смертности от жары, точно так же как рост потребле-

¹ *Источник:* ACIA International Symposium on Climate Change in the Arctic, Reykjavik, Iceland, 9–12 November 2004.

ния персиков приведет к росту смертей от обжорства персиками. Вопрос в том, являются ли персики опасными? Вопрос в том, что является более опасным для человека — холод или жара. На этот вопрос статистика дает однозначный ответ: в любой стране смертность возрастает в холодное время года.

Сезонные отклонения смертности и температуры в США

Это не наука — это пропаганда. *IPCC* намеренно играет на том, что термин «связанная с жарой смертность» имеет разные значения для ученых и простых обывателей. Для ученых эта фраза является банальностью: рост жары, понятное дело, приводит к росту смертей, связанных с жарой, а рост холода приводит к

росту смертей, связанных с холодом. А вот обыватель воспринимает ее так, будто тепло для человека опасней холода.

Уровень моря возрастет на 6 метров

А вот другое заявление Четвертого доклада *IPCC*. «Частичное таяние льда на полюсах может на метры повысить уровень моря. Подобные перемены могут занять тысячелетия, но не исключен и более быстрый подъем уровня моря в течении столетия». Совершенно понятно, подо что это написано: под цитату. Авторы *IPCC* знали, что журналисты будут цитировать про море, уровень которого повысится «на метры», забывая прибавить, что даже по собственным расчетам *IPCC* это произойдет за 6 тысяч лет.

Но и это еще не все. Утверждение «моря поднимаются» так же бессмысленно, как утверждение «люди мрут от жары». Очевидно, что для того, чтобы оценить связь роста CO_2 с ростом уровня океана, надо объяснить, что происходило с океаном в прошлом. Так вот: со времени пика последнего оледенения, пришедшегося на 18 тыс. лет назад, моря поднялись на 120 метров, и эта кривая постоянно и неуклонно идет только вверх. Судя по всему, неуклонный подъем уровня океана связан с таянием ледников на западе Антарктиды, в связи с вулканической активностью: он не зависит от климатических изменений и составляет около 18 см за столетие вне зависимости от того, холодает или теплеет.

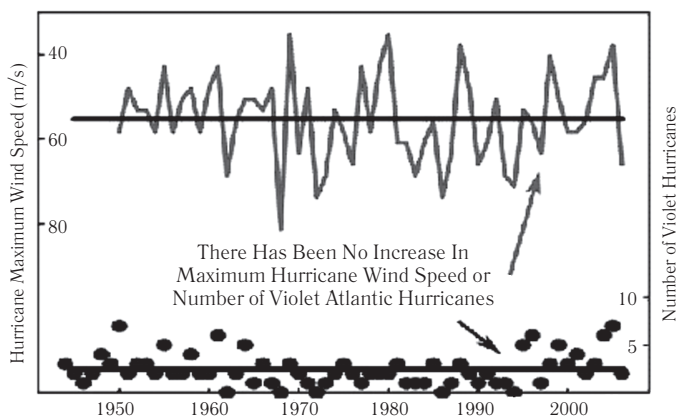
Как говорил Шурик: «И церковь тоже я?»

Тайфуны и ураганы

На протяжении последнего десятилетия климатические алармисты пытаются доказать, что в мире увеличивается количество засух, тайфунов и наводнений.

У этого есть два препятствия. Во-первых, эта идея не имеет никаких научных обоснований. Уж если мы что и знаем о тайфунах и ураганах, так это то, что они возникают из-за разницы температур в высоких и низких широтах, а потепление эту разницу уменьшит.

Во-вторых, она не имеет никаких статистических подтверждений.

Это признает и *IPCC*. Основной текст Четвертого доклада *IPCC* сообщает, что исследования по паводкам не выявили «никаких явных трендов», а «общее количество тропических циклонов мало изменилось за последние четыре года».

Однако, кроме основного текста, есть еще и «резюме для политиков». И вот там *IPCC* говорит о «весьма

вероятном росте» природных катастроф в будущем. И это очень хороший пример того, почему доклад *IPCC* разделен на «резюме» и основную часть. Это не только не «научный» способ построения текста, это намеренный прием лжи. Расчет строится на том, что читатель резюме не обратит внимание, что фраза звучит в будущем времени, и не полезет в сам доклад, который признает, что в настоящем «вариации малы» и «трендов не прослеживается».

Да и как ему обратить на это внимание, если сам глава *IPCC* Раджендра Пачаури выражается на эту тему так: «Это происходит сейчас — наводнения, засухи, растущая нехватка воды в разных частях мира... Как человек, как личность, я просто не могу молчать перед лицом неоспоримых доказательств».

Страховые возмещения

Однако, кроме самих природных катастроф, есть еще и рост страховых возмещений при катастрофах. Он растет по мере роста движимого и недвижимого имущества в мире. Понятное дело, климатическим алармистам важно доказать, что рост страховых выплат обгоняет рост страхуемого имущества: разницу ведь можно отнести на счет катастроф, вызванных глобальным потеплением.

Изо всего огромного многообразия текстов на эту тему *IPCC* обнаружила один-единственный — это работа Роберта Мюир-Вуда, представленная в 2006-м на семинаре Колорадского университета по проблемам страхования и не прошедшая в это вре-

мя процедуру научного рецензирования. С работой Мюир-Вуда, впрочем, случился тот же грех, что и с докладом про амазонские леса: Роберт Мюир-Вуд утверждал в своей работе, что *с 1950-го по 2005-й, зависимости потерь от роста температуры не наблюдается*.

Однако в работе Мюир-Вуда содержался абзац, с которым сам автор и все участники семинара были не согласны: Мюир-Вуд заметил, что если ограничиться периодом с 1970-го по 2005-й, то 2 %-ный некомпенсированный рост можно натянуть. Именно на этот абзац и сослалась бестрепетно *IPCC*, заявив, что «одно исследование выявило» возрастающий тренд.

Утверждение о «росте числа природных катастроф» стало одним из основных положений теории Глобального Потепления. Нам объясняют Глобальным Потеплением то, что в средневековые попы объясняли Концом Света.

И вот оказывается, что эта страшилка, благодаря которой Судан требует с развитого мира 67 млрд. дол., а г-н Пачаури «не может молчать» и предлагает нам регулировать холодную воду в ресторанах и потребление мяса, — опирается на один абзац работы, зачитанной на семинаре и не прошедшей процедуру научного рецензирования, причем автор работы и участники семинара с этим абзацем не согласны.

Доклады *IPCC* не только не являются «главным научным маяком», наоборот — они работают как «черный ящик», возводящий более чем сомнительные положения в статус «неоспоримых доказательств» и «научного консенсуса».

А откуда взялся CO₂ в нефти?

Возможно, все вышесказанное правда, — скажете вы. Нас пугают «исчезающими лесами», «тающими ледниками», «ростом катастроф», и это все чушь. Температура Земли зависела в прошлом от Солнца, как то показывают Миланкович и Эдди.

Но ведь глобальные изменения климата Земли происходят не только из-за солнечной активности. К глобальным изменениям уже в период существования человека приводили: падение метеорита, внезапное сползание ледников в океан, извержение вулкана.

Нормой для климата является изменение — но в любом изменении скрывается возможность катастрофы. 2,3 млрд. лет назад на Земле произошла кислородная катастрофа — свободный кислород, вырабатываемый органической жизнью, впервые оказался в несвязанном состоянии в атмосфере Земли, и это было смертным приговором для большинства существовавших тогда форм жизни. А вдруг деятельность человека в XX веке приведет к новому аналогу «кислородной катастрофы»? Неужели человеку не под силу то, что когда-то учинили бактерии?

Для ответа на этот вопрос прежде всего спросим очень простую вещь: хорошо, мы сжигаем нефть и газ и выбрасываем CO₂ в воздух. Но откуда CO₂ взялся в нефти и угле?

Он когда-то был усвоен организмами, которые потом превратились в нефть и уголь. Содержание CO₂ в кембрии в воздухе было в 12 раз выше нынешнего, в ордовике — в 7 раз, и ничего, никто не сварился.

Что такое залежи углеводородов? Это некая гигантская свалка природных отходов, остаток глобальной природной катастрофы, когда биосфера не смогла переработать все, и в результате огромная часть строительного материала, составлявшая основу ранней роскошной флоры Земли, была омертвлена. Сейчас мы возвращаем этот строительный материал в биосферу, генетически запрограммированную на содержание в воздухе гораздо большего количества CO_2 , чем сейчас.

Фальсификации

Вернемся, однако, к официальным графикам *CRU UEA*, которые показывают резкий рост температуры, расходящийся с начала 90-х с графиком солнечной активности, и к словам руководителя *CRU UEA* Фила Джонса, сказанным им в частной переписке, о том, что «мир с 1998 года холодает». Как этот график и эти слова сочетаются друг с другом?

Очень просто. Не исключено, что ***температурные данные начиная с 1990-х годов прошлого века просто-напросто сфальсифицированы.***

Все три научных института, публикующих данные о глобальной температуре — *CRU UEA*, *NOAA National Climatic Data Center* и *NASA Goddard Institute for Space Studies* — зависят от данных, предоставляемых *NOAA (National Oceanic and Atmospheric Administration)*.

В январе 2010 года два метеоролога — Джозеф д'Алео и Энтони Уоттс опубликовали доклад «Темпе-

ратура Земли: политически мотивированная фальсификация» (*Surface temperature records: Policy driven deception*)

Данные доклада были убийственны. В 1960—1980-х годах *NOAA* опиралась в своих расчетах на данные 6 тыс. метеостанций, разбросанных по всему миру. По всем законам здравого смысла с ростом климатического алармизма количество таких метеостанций к началу XXI века должно было вырасти вдвое или втрое. А оно вместо это уменьшилось в четыре раза. При этом *NOAA* систематически и неуклонно, страна за страной, исключали станции, находящиеся на более высоких широтах, на больших высотах и в сельских районах, — то есть все станции, которые показывали более низкую температуру.

Среди анекдотических случаев — метеостанция, расположенная рядом с мусоросжигательной печью или метеостанция в Римском аэропорту, которая частенько ловит температуру реактивной струи самолетов на рулежке. В Канаде, например, есть сто станций, расположенных за полярным кругом. *NOAA* учитывает данные только с одной станции Юрека, более известной как «Сад Артики».

Следует отметить, что доклад Джозефа д'Алео и Энтони Уоттса последовал за другим, наделавшим немало шума: докладом Андрея Илларионова и Натальи Пивоваровой из Института Экономического Анализа.

Проанализировав российский сегмент базы данных *CRU UEA*, Андрей Илларионов показал, что из него намеренно удалены метеостанции, расположенные вне городов и в высоких широтах. Он также продемонстрировал, что рекордная цифра потепле-

ния — 1,29 градуса — которую дает для России Росгидромет, *чуть меньше* цифры потепления для городов с населением свыше 250 тыс. чел. (1,25 градуса). То есть то, что нам выдают за потепление России, является цифрой потепления ее крупных населенных пунктов.

Но самый вопиющий случай — это Китай.

В 1990-м профессор университета Олбани Вей Чунь Ван опубликовал работу, посвященную «эффекту городского тепла» в Китае. Работа анализировала данные 84 «хорошо документированных» китайских метеостанций с 1954 по 1983 г.

В 2007-м скептик Дуглас Киннан публично обвинил профессора Вей Чунь Вана в намеренной фальсификации: как ехидно заметил Киннан, в Китае в это время не могли посчитать, сколько десятков миллионов людей умерло от голода, и «китайские метеостанции» времен Культурной революции — это примерно то же, что древнеримские компьютеры.

Однако именно работа профессора Вей Чунь Вана дала *IPCC* возможность оценить вклад городов в потепление как ничтожный. Интересно, что именно в разгар скандала профессор Вей Чунь Ван получил 1,3 млн. дол. грант на исследование глобального потепления.

ХОККЕЙНАЯ КЛЮШКА

Закат «хоккейной клюшки»

А вот еще один, — самый вопиющий, — случай фальсификации.

В 1998 году в журнале *Nature* М. Манн, Р. Брэдли и М. Хьюз опубликовали график «реконструированной» температуры с 1400 по 1998 год. График имел вид «хоккейной клюшки» — небольшие колебания за пять веков и резкий рост с середины XX века. График побил все рекорды популярности по части цитирования адептами УГП и уже в расширенном виде, с 1000-го по 2000-й, стал гвоздем программы в Третьем докладе ИРСС в 2001 г. (Собственно, резюме Третьего доклада состоит из «хоккейной клюшки» и утверждения, что «Арктика тает»).

В противовес всем прошлым данным (график полностью противоречил всему, что было известно до этого о Средневековом климатическом оптимуме и Малом Ледниковом периоде) из «хоккейной клюшки» неопровержимо вытекало, что температура Земли за прошедшие 1000 лет до XX века была стабильна.

Маленькая проблема заключалась в том, что за 1000 и 1500 года спутниковых данных у Манна, Брэдли и Хьюза, понятное дело, не было. То есть была осуществлена «прививка» — косвенные данные о температурах до XX века, рассчитанные с помощью метода математической статистики, известного как *principle component analysis* (метод главных компонент), были «привиты» к современным наблюдениям.

Скандал грянул, когда С. Макинтайр и Р. Маккитрик попробовали повторить процедуры, проведенные Манном, Брэдли и Хьюзом, и обнаружили, что по какой-то досадной случайности алгоритм, примененный Манном, генерирует «хоккейную клюшку» даже при введении в модель случайных чисел.

Поскольку я являюсь физиком и желающие легко могут отыскать подробные математические обоснования в Интернете, изложу суть проблемы как лирик.

Представьте себе, что вы четыре часа стоите на берегу пруда и кидаете туда камни с целью определить, могут ли они вызвать цунами. Если вы усредните вашу серию по последним десяти минутам и придадите незаконченным сериям дополнительный вес (ведь у вас обязательно будут колебания, которые не успели затухнуть), то у вас выйдет математическое доказательство, что в последние десять минут кидания камней в пруд всегда появляется цунами.

Или: если вы рассчитываете данные за 1000 лет методом главных компонент и усредняете их не по всему периоду наблюдений, а по периоду с 1904 по 1984 год, то при наличии в системе красного шума (белый шум — это случайные числа, а красный шум — это то, что получается из белого шума, если к предыдущему случайному числу вы прибавляете другое случайное число) у вас всегда будет «хоккейная клюшка».

Макинтайра долго отказывались печатать, г-н Манн рассылал повсюду возмущенные письма, («Мои исследования, — писал Майкл Манн в письме сенатору Бартону от 15 июля 2005 года, — отражают подавляющий научный консенсус»), — но в конце концов *National Academy of Science* признала, что Макинтайр прав. Из следующего доклада *IPCC* «хоккейную клюшку» от греха подальше убрали.

Этим скандал, однако, не ограничился, потому что возник вопрос: насколько достоверны те выбор-

ки, которым алгоритм Манна приписывал наибольший вес?

Таких выборок оказалось три. Одна — из группы сосен-долгожителей (*bristlecone pine*) на Аляске, которых, вероятно, просто подкормили в XX веке; вторая выборка состояла из одного-единственного кедра из Квебека, третьей была так называемая ямальская серия — *Yamal series*. Скептики потребовали от Манна предоставить точные данные по выборке; предчувствуя беду, тот уперся. В конце концов данные представить пришлось — и выяснилось, что из выборки в 32 дерева в дело пошли только 10 стволов.

Людам свойственно ошибаться, а математическая статистика тонкая штука. Как доказать, ошибались ли Манн с коллегами или намеренно лгали?

Ответ на этот вопрос дает «Климатгейт» — переписка, содержащаяся на сервере *CRU* (*Climate research unit*) Университета Восточной Англии, и вскрытая неизвестным хакером. Среди прочих писем есть и письмо главы *CRU* и эксперта *IPCC* Филиппа Джонса, адресованное Манну, Брэдли и Хьюзу. «Я только что проделал трюк Майкла, чтобы **скрыть спад**», — радостно сообщал он авторам «хоккейной клюшки».

Письмо это относится к сентябрю 1999-го, когда Манн и его коллеги готовили свою «хоккейную клюшку» для *IPCC*. Одним из их коллег был дендроклиматолог Кейт Бриффа, график которого они очень хотели использовать, но была некая трудность: по Бриффа выходило, что в X веке температура была та же, что в XX. Бриффа и сам это прекрасно знал: «Я думаю, что сейчас так же тепло, как примерно тысячу лет назад», — эту его фразу я уже цитировала.

На Бриффа стали давить. Нет-нет, никто не писал: «Подделай данные». Напротив, все участники переписки выражали свою полную веру в глобальное потепление и сожаление, что данные Бриффа могут *dilute the message* («снизить накал») и скептики *will have a field day* («ухватятся на это»). «Я бы не хотел предоставлять им почвы», — писал Манн.

В конце концов Бриффа сдался: он попросту занизил значения температуры по всему графику. Но тут случилась другая беда: голову вытащили, а хвост увяз. Потому что понятно, что если вы волевым решением занизили температуру, вычисленную вами по косвенным данным, то в тот момент, когда косвенные данные должны стыковаться с прямыми данными наблюдений, — они не состыкуются. Данные Бриффа за Х век отныне стыковались с желаемым, но вот данные Бриффа за XX век отныне не стыковались с действительным.

Вот тут-то и понадобился «трюк». График Бриффа был попросту обрезан, чтобы «скрыть спад» — то есть кривую, построенную на косвенных данных, «обрезали» в тот момент, когда она пересеклась с противоречащими ей кривыми, построенными на данных наблюдаемых.

Если это — наука, то что же тогда лысенковщина?

ПОРОГ ВРАНЬЯ

Знаете ли, господа, есть такая вещь, как порог вранья.

Разумеется, можно предположить, что тезис о Гималайских ледниках, которые растают к 2035 году, попал

в доклад *IPCC* совершенно случайно; что *IPCC* чисто нечаянно забыла о возражении д-ра Фазера, который редактировал главу о ледниках и это утверждение отметил как ахинею; и что д-р Пачаури чисто случайно получил под Гималайские ледники миллионные гранты. Но если к «тающим ледникам» присоединяются «поднимающиеся моря», «исчезающие леса», «рост смертности из-за жары», «таяние Арктики», если оказывается, что весь текст состоит из тающих ледников и поднимающихся морей, то порог вранья оказывается перейден. Нет и не может быть научного обязательства по поводу исследования навозной кучи в поисках жемчужного зерна.

СО₂ является парниковым газом, и повышение его концентрации несомненно воздействует на атмосферу. Как именно — лучше всего сказано в Третьем докладе *IPCC*: «Мы имеем дело с нелинейной сложной системой, и поэтому долгосрочное предсказание климата невозможно».

Любое изменение имеет свои минусы. Однако именно технический прогресс и развитие экономики несут человечеству избавление от холода, голода и ранней смерти. Ограничения выбросов СО₂ сдерживают этот рост, обещая взамен предотвратить что-то, что может случиться или не случиться через сотню лет.

Соблюдение Киотского протокола обходится в сотни миллиардов долларов. При этом одно хорошее извержение вулкана перечеркнет весь Киотский протокол.

Эти миллиарды долларов не все пропадают бесследно: значительная их доля уходит бюрократам, экспертам и институтам, занимающимся «возобновляемой энергетикой».

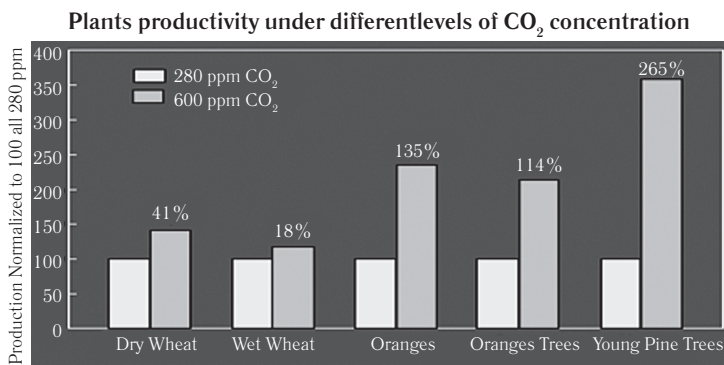
Разброс «сценариев будущего» в моделях *IPCC* составляет 400 %. 400 % — это, мягко говоря, слишком много. «Если бы вы хотели построить дом, и девелопер сказал, что это вам будет стоить где-то от полутора миллионов до шести, вы бы продолжили строительство?» — иронизирует Майкл Крайтон в одном из своих выступлений.

Мы должны твердо себе представлять, о каких количествах тепла и CO_2 идет речь. Основным фактором, который влияет на температуру Земли, является Солнце. Он настолько важен, что одно только изменение земной оси — прецессия или нутация — означает разницу между межледниковьем и ледниковым периодом; даже небольшое изменение солнечной активности означает разницу между виноградом, растущим в Англии, и Темзой, на которой устраивают зимние ярмарки.

Важно также понимать, как соотносится количество «естественного» и «антропогенного» CO_2 . Согласно *IPCC*, человечество выбрасывает в воздух 26,4 млрд. тонн CO_2 (скептики оценивают эту цифру в 7,5 млрд. тонн). Животные и процессы гниения выбрасывают в атмосферу 220 млрд. тонн CO_2 , дыхание растений — еще 220 млрд. тонн CO_2 , наземные растения поглощают при фотосинтезе 440 млрд. тонн CO_2 , а океан поглощает и отдает 330 млрд. тонн CO_2 . Вулканы выбрасывают в воздух, по оценкам климатических алармистов, 0,3 млрд. тонн CO_2 в год, по оценкам скептиков — столько же, сколько человек.

Выбрасываемый человечеством CO_2 — не инертный газ, он не накапливается в атмосфере. Половина эмиссии поглощается океаном, еще часть — благотворно влияет на зеленую массу растений.

Все наоборот. Более высокая концентрация CO_2 увеличивает урожайность растений, в том числе сельскохозяйственных, и тем самым спасает миллионы людей от голода.¹

Как я уже сказала, биосфера генетически запрограммирована на более высокое содержание CO_2 в воздухе, чем сейчас. Чем больше CO_2 в воздухе — тем лучше растения набирают массу, тем лучше они переносят засуху. Спутниковые снимки *NASA* показывают, что с 1981 года растительность в северных широтах стала гуще и зеленей. Что тут приходится на потепление, а что на CO_2 — неизвестно, но совершенно точно, что спутники не наблюдают никаких «засух» и «катастроф».

Итак, 26 млрд. тонн (а тем более 7,5) против 770 млрд. тонн. Климатические алармисты утверждают, что это немного, но это то ключевое воздействие, которое сдвинет камень с горы, разбалансирует ат-

¹ *Источник:* Environmental Effect of Increased Atmospheric Carbon Dioxide, Arthur B. Robinson, Sallie L. Baliunas, Willie Soon, and Zachary W. Robinson, 1998; <http://www.oism.org> © ИЭА

мосферу и — согласно наиболее мрачным прогнозам, превратит Землю во вторую Венеру, где, благодаря парниковому эффекту, температура на поверхности составляет 500 градусов, а давление — 100 атмосфер.

Это абсурд. И в кембрии, и в меловом периоде, когда CO_2 в атмосфере было намного больше, а суши на полюсах не было (главный «утепляющий» фактор) средняя температура земли была на 7 градусов выше, чем сейчас, но в Венеру Земля не превратилась.

На рубеже пермского и триасового периода, 250 млн. лет назад, гигантские трапповые извержения в будущей Сибири выбросили на поверхность 12 млн. куб. км базальтовой лавы и соответствующее количество CO_2 . Эта катастрофа привела к самому массовому в истории Земли вымиранию видов и освободила путь для динозавров; однако Землю в Венеру она опять же не превратила.

Так стоит ли на основании этого передавать власть над миром климатократии и позволить г-ну Пачаури перейти от освоения миллионных грантов к руководству всеми мировыми экономиками?

Единственно верное учение

Довольно странно, но почти никто из критиков УГП не сравнил Учение Глобального Потепления с еще одним учением, единственно верным и, разумеется, единственно научным, — я имею в виду научный коммунизм.

Ученые никогда не ссылаются в качестве доказательства на «существующий консенсус». Вы можете себе представить, чтобы Ньютон написал, что

его теория верна, поскольку «опирается на научный консенсус»? Сторонники же глобального потепления не только утверждают это постоянно, но и проводят опросы общественного мнения среди климатологов с целью доказать истинность своего учения. Что все равно что проводить опрос на тему «а превращается ли вино в кровь Христову?» среди католических священников.

Ученые никогда не подменяют научную полемику обвинениями в том, что их противник является «врагом народа». Вы можете себе представить, чтобы Эйнштейн, не признававший квантовой механики, вместо того, чтобы возражать Вернеру фон Гейзенбергу, говорил бы, что тот — «фашистский шпион»? Между тем сторонники глобального потепления неизменно начинают любую полемику словами: «он наймит нефтяных компаний», на чем, собственно, полемика и заканчивается. Когда Андрей Илларионов выступил против глобального потепления, то наши доморощенные экологи объявили его «агентом *Еххон*», а западные, одновременно, «нефтяным другом Путина».

Науку делают ученые. Науку не делает толпа. Однако в случае глобального потепления, как и в случае коммунизма, с лозунгами ходит именно толпа.

Наука — это искусство убедить противника. Идеология — это искусство заткнуть противнику рот. «Климатгейт» наглядно продемонстрировал нам, как именно затыкали рот и как именно формировали «общий консенсус» сторонники теории глобального потепления. Когда в печати появлялась не устраивающая их статья, они даже во внутренней переписке не обсуждали, в чем

не прав автор. Они обсуждали, как наказать напечатавший статью журнал и как организовать получше травлю авторов.

Наука — это либо изобретения, либо открытия. Либо техника, либо чистая наука. В первом случае вам говорят, как надо сконструировать ракетный движок, чтобы через полгода, в крайнем случае три года, полететь к Марсу. Во втором случае наука не имеет непосредственных приложений. Однако марксизм-ленинизм не был ни тем, ни другим: он говорил вам, как надо себя вести, чтобы через сотню лет на земле был рай. Сотня лет — это слишком долго для технического эксперимента и слишком мало для чистой науки. Это в самый раз для того, чтобы манипулировать людьми.

Можно выделить четыре социальные группы, которые борются против Глобального Потепления, и, как ни странно, это те же социальные группы, которые боролись против Всемирного Капитализма.

Первой из этих социальных групп являются всяческого рода левые, зеленые, люди, по какой-то причине глубоко ненавидящие современное западное общество; люди, которые до 1991 года ходили с плакатами «Да здравствует СССР», а после 1991 года остались без объекта любви. И вместо того, чтобы бороться против капиталистов, стали бороться против потепления.

Второй из этих социальных групп является глобальная бюрократия. Как и КПСС, глобальная бюрократия хочет не отвечать ни за что, а регулировать — все. КПСС, отовариваясь черной икрой, провозглашала себя борцом «за счастье трудящихся». Точно так же глобальная бюрократия, отовариваясь многомиллион-

ными грантами и Нобелевскими премиями, провозглашает себя борцом против истеблишмента.

Третьей группой являются отсталые страны. Те же самые африканские людоеды, которые в 60-е годы под чутким руководством КПСС боролись против колониального ига, сейчас под чутким руководством *IPCC* обнаружили, что в их бедах виноват чужой экономический рост. Власти Судана, запросившие с развитого мира аж 67 млрд. дол. компенсаций за свои моральные и материальные страдания в связи с глобальным потеплением — это те самые власти, которые до 1996-го давали приют бен Ладену и устроили геноцид в Дарфуре.

Четвертой из этих групп является специфический вид ученых: не те, кто хочет в тиши исследовать природу, а те, кто с помощью науки хочет повысить свой социальный статус. Те, кому нужны не ученики, а партия. Карлы Марксы, а не Адамы Смиты. Ведь это две разных истории — описывать законы рынка или сообщать пролетариату строго научную теорию о том, что ему нечего терять, кроме своих цепей.

Один из самых интересных моментов в УГП — это то обстоятельство, что нам постоянно говорят о CO_2 и никогда не говорят о собственно тепле.

Строго говоря, когда вы сжигаете топливо, вы получаете тепло. Так как закон сохранения энергии никто не отменял, то человечество, сжигая топливо, очевидным образом вносит вклад в потепление атмосферы. В городах разница с окружающей сельской местностью иногда может достигать 7 градусов. Различные исследования оценивают вклад промышленного тепла в разогрев атмосферы до 0.25 градусов, однако, согласно

IPCC, (основывающейся, напомним, на «данных китайских метеостанций» времен Культурной революции) этот эффект не превышает шести сотых градусах.

Вопрос: почему *IPCC* так скромно оценивает этот эффект? Ответ очевиден. Если вы предложите людям себя в качестве регулятора далекого, но ужасного CO_2 , люди согласятся. А если вы предложите им в целях спасения от Глобального Потепления замерзнуть в квартирах, они пошлют вас на хрен. Эксперименты по спасению России от глобального потепления путем отключения тепла регулярно проводятся российским ЖКХ и неизменно вызывают у населения горячий протест.

Глобальная бюрократия

Вполне возможно, что человечество в будущем изобретет что-то, что окажется для него тем, что и Кислородная катастрофа — для анаэробных бактерий. Но CO_2 , выбрасываемый заводами, попросту не тянет на эту роль: это все равно, что пытаться учитывать в расходе воды на Саяно-Шушенской ГЭС долю, выпитую курами.

Сторонники Глобального Потепления фальсифицируют данные, называют эти фальсифицированные данные «всеобщим консенсусом» и эксплуатируют древнейшие страхи человечества, от страха Всемирного Потопа до страха Ящика Пандоры, из которого кто-то рано или поздно что-то может достать.

Глобального потепления нет, но есть глобальная бюрократия. Глобальная бюрократия сильно отличается даже от национальных бюрократий. Любая нацио-

нальная бюрократия отвечает перед избирателями или конкурентами. Если она неэффективна при демократии, народ голосует против нее. Если она неэффективна при диктатуре, она проигрывает соседним странам. Глобальная бюрократия не отвечает ни перед кем.

До конца XX века, до повсеместного внедрения компьютеров, возможности любой бюрократии были относительно скромны. Просто в силу ограниченности ресурсов страны и инструментов контроля большинство бюрократий ограничивалось регулированием законов, мер, весов и денежных знаков. Цифровое общество создало возможности безграничного регулирования всего и вся, которое не снилось даже средневековым монархам, издававшим предписания о том, какое состояние какие платья должно носить.

До 1991 года глобальная бюрократия на Западе боялась хотя бы СССР. Она не могла позволить открытому миру стать слишком неэффективным. Теперь у нее нет преград.

Нет ни одной проблемы, которую глобальная бюрократия пыталась решить, — от прав человека до голода в Африке, — и которая при этом не становилась бы вечной. Если уж глобальная бюрократия возьмется помогать голодающей стране — страна будет голодать до скончания ООН. Если уж возьмется помогать палестинскому конфликту — конфликт станет вечным.

Теория глобального потепления является идеальным инструментом для глобальной бюрократии. Она позволяет регулировать все и не нести ответственности ни за что. Она создает наднациональное правительство, которое получило власть, которую не удалось получить ни Гитлеру, ни Чингисхану, ни Сталину.

Опыт построения тоталитарного дискурса в открытом обществе оказался не очень удачным: авторитет *IPCC* тает гораздо быстрее, чем ледники в Гималаях.

Однако сам факт того, что столь небольшое число людей, занимающихся очевидным враньем, смогло получить столько власти, не прибегая ни к ГУЛАГу, ни к НКВД, просто с помощью создания атмосферы сопричастности и травли оппонентов, говорит о том, что сверкающее здание мировой демократии является не столь уж сверкающим.

ПАРТИЯ ТРЕХ ОБОЛОВ

Ничто в мире не верно само по себе, но все — смотря по обстоятельствам.

Никколо Макиавелли

У каждой эпохи и каждой культуры есть свое представление о том, каким должно быть правильно устроенное государство. Эти представления обыкновенно являются представлениями правящего сословия.

В современном мире наиболее могущественными и процветающими государствами являются демократии, и по этой уважительной причине демократия считается наилучшим видом правления. Согласитесь, странно бы выглядел Сильвио Берлускони или Герхард Шредер, если бы они заявили, что избиратели могут выбрать совершенного болвана. Точно так же в XIX в. наиболее могущественны были монархии, и по этой уважительной причине священное право монархов на трон считалось незыблемым.

По умолчанию любым либералом, гуманистом, защитником прав человека и просто европейским парламентарием подразумевается, что если правит народ — это хорошо, что любая проблема любой страны может быть решена, если ввести всеобщее голосование, а если какая-нибудь страна, например, Китай, при всех своих выдающихся экономических успехах не дает гражданам голосовать, то этого достаточно, что-

бы любой уважающий себя гуманист заклеил Китай позором.

Тот факт, что есть демократии, которые не процветают, и есть процветающие страны, которые не являются демократиями, никого не смущает. Политик, как физик до Галилея, не утруждает себя наблюдениями, опытом и статистикой: демократия — это решение всех проблем, и все тут.

Тем более, что противники демократии, как правило, не внушают уважения — большею частью это штатные сутенеры, обслуживающие ту или иную диктатуру, с пеной у рта доказывающие, что: а) проклятая западная демократия устарела; б) их страна и является самой демократической демократией.

Ниже я постараюсь показать, что народоправство, как форма правления, существует почти пять тысяч лет; что в истории есть как чрезвычайно удачные, так и чрезвычайно неудачные тому примеры; что человеческое общество не бывает неизменным, и что единственной нормой человеческого общества является изменение. Что демократия далеко не всегда была способна обеспечить защиту собственности и рыночную экономику, что в тех случаях, когда большинство общества составляют нищие, дело почти неизменно кончается переделом собственности, регулированием экономики и в конечном итоге — приходом тирана. Что даже в тех случаях, когда речь идет о благополучных странах с высоким уровнем жизни, государство, всегда склонное к ожирению, способно создать на ровном месте группы зависящих от него иждивенцев и превратить формальную демократию в бюрократическую диктатуру.

И что если развивающееся государство выбирает между властью народа и неприкосновенностью частной собственности, оно всегда должно выбрать последнее, потому что рынок и открытая экономика рано или поздно приводят к демократии; а вот демократия в нищей стране почти никогда не ведет к рынку.

МЕЖДУРЕЧЬЕ

Самое первое народное собрание, о котором нам доподлинно известно, что оно состоялось и что на нем обсуждали вопрос мира и войны, было почти пять тысяч лет назад, а именно — за 2800 лет до н.э. Собрание это было двухпалатным; верхняя палата состояла из «совета старейшин», а нижняя — из всех мужчин города, способных носить оружие.

Состоялось это собрание не в Афинах и не в Риме: оно состоялось в городе Уруке, в Шумере, в Междуречье, в Азии, которую потом греческие историки назовут континентом рабства, в противовес свободной Европе. В то время, о котором идет речь, Шумер состоял из городов-государств, где царская власть зачастую была ограничена «собраниями старцев» и «мужами города», и на вышеупомянутом собрании, описанном в шумерской поэме из 115 строк, царь города Урука Гильгамеш просил у своих подданных разрешения на то, чтобы защищаться от царя города Киш, пошедшего на Урук войной.

В вышеупомянутой поэме мнения палат разошлись: сенат считал, что лучше подчиниться Кишу, а «мужи города» решили идти в бой.

То, что в самом первом тексте человечества, который описывает народное собрание, это собрание обсуждает вопрос войны, далеко не случайно: войне свойственно единоначалие, и война была ключевым фактором, уничтожавшим в древности народное правление.

Не совсем понятно, чем кончилось дело у Гильгамеша в Уруке, но обыкновенно война кончалась либо победой завоевателя, либо тем, что удачно оборонивший свой город полководец не спешил расставаться с властью. Народовластие становилось жертвой или успешного завоевания, или успешной обороны.

В конечном итоге процветающие города-государства Шумера были завоеваны ассирийцами, и не только память об их самоуправлении была истреблена завоевателями, но и столица Ассирии, Ниневия, отнюдь не случайно, была возведена на новом месте, ничуть не напомиавшем о том, что некогда правители Шумера должны были обсуждать свои дела с «собранием старцев» и «мужами города», и что если «мужам города» не нравилось поведение правителя, то они могли, как в Лагаше, свергнуть старого правителя и вручить власть новому, Урукагинне, который искоренил непомерные налоги, возложенные на граждан прежним правителем, и «признал свободу». (Да-да, первая революция в истории тоже произошла в Шумере, в 24 в. до н.э.)

К моменту расцвета классической Греции всякая память о городах-государствах Шумера исчезла, и Азия воспринималась греками как вотчина «деспотизма», в противовес «свободной» Европе.

Однако прошло совсем немного времени, и греческое народовластие дословно повторило путь шумерс-

кого. Греческие города-государства, неспособные долго противостоять протяженным царствам, сделались добычей отчасти персидских, затем македонских, а потом римских завоевателей. Не прошло и шести сотен лет, как «свободная Греция» превратилась в «раблепную Византию».

ГРЕЦИЯ

Демократия в Греции приключалась довольно часто уже потому, что Афины внедряли ее в союзных или завоеванных городах без всякого снисхождения к правам человека. Если бы в V в. до н.э. историки и философы водились где-либо, кроме как в Афинах, то Афинам за их насаждение демократии несомненно бы досталось много больше, чем США — за Ирак и Афганистан; впрочем, надо сказать, что и у афинских историков и философов демократия не пользовалась большим почтением, ибо почти всякое внедрение оной где-либо, кроме Афин, кончалось **переделом земель** и **прощением долгов**, обыкновенно — с убийством должников и последующим приходом к власти тирана.

«В течение семи дней, пока Евримедонт после своего прибытия с 60 кораблями оставался на острове, демократы продолжали избивание тех сограждан, которых они считали врагами, обвиняя их в покушении на демократию, в действительности же некоторые были убиты из-за личной вражды, а иные — из-за денег, данных ими в долг», — пишет Фукидид об одном из первых опытов внедрения Афинами демократии во время Пе-

лопонесской войны, и согласитесь — у США в Ираке дело обстояло куда лучше.

Вообще каждый политический переворот в Греции сопровождался радикальным изменением имущественных отношений. В Аргосе в 368 г. победившая демократия казнила аж 1200 «заговорщиков», в Тегее после победы демократов из города сбежало 800 человек, и везде, как писал Полибий, там, где «масса приучена демагогами пользоваться чужим добром и где она возлагает все свои упования на жизнь за чужой счет, при демократическом строе дело легко доходит до убийств, изгнаний и раздела земель, коль скоро масса находит... вожака».

Под «демократами», понятно, имеется в виду партия, которая предоставляет право голоса всем гражданам, под партией «лучших людей» (которая обыкновенно тяготела к Спарте) — та, которая предоставляет право голоса лишь немногим. Не было ничего удивительного в том, что и ту, и другую партию возглавляли представители знати, — и если в Афинах партию аристократов представляли люди из дома Фиваидов, то партию «демократов» представляли люди из дома Алкмеонидов.

Тираны опять-таки редко происходили из нищих, но всегда на них опирались. В Коринфе богатч Тимонфан, задумав переворот, опирался на самые нищие слои населения, «привлекая к себе бедняков, снабжая их полным вооружением, и держа при себе самых подлых людей» (Диодор). Филомел, правивший десять лет, с 356 по 346 г. до н.э., был одним из самых богатых людей Фокиды, что не помещало ему именно богатых разорять налогами, а бедняков привлекать на

свою сторону, тиран Эвфрон в Сикионе получил власть через поддержку народа и разорял знатных, чтобы понравиться бедным.

Поэтому-то афинские философы не любили демократию (это бывает: мыслители, живущие при деспотии, обыкновенно хвалят деспота, но мыслители, живущие при демократии, обыкновенно поносят демократию), и Платон в качестве идеального правителя видел тирана, но такого, который соединит «величайшее могущество с разумом и рассудительностью».

Но и у самой афинской демократии, не скатившейся до переделов земли, был большой минус, очень большой минус: она давала свободу духу и уму, но она крайне стесняла экономическую свободу. Афины изобрели математику, физику, геометрию, и идею науки вообще, но с точки зрения *laisse-faire* Афины выглядели неважно. Причем, самое удивительное, что греческие философы, крайне равнодушные к таким вещам, как внутренний валовой продукт или свобода предпринимательства, этого недостатка даже не отмечали. Даже само слово «экономика», хоть и заимствовано из греческого, означало в те времена всего лишь домашнее хозяйство, которому, у философа, не надлежало быть расточительным. Представления античных мыслителей об экономике обыкновенно сводились к тому, что идеальный правитель должен запретить людям носить пурпур и есть с золота, и вообще обогащение есть позорное дело, подобающее лишь тем, кто не думает о славе.

Разбогатеть в Афинах было небезопасно и куда трудней, чем впоследствии в Риме.

В Афинах полноправные граждане не платили налоги; их платили только вольноотпущенники и рабы. Од-

нако полноправные граждане несли литургии — добровольные обязанности, выражавшиеся в посильной помощи на снаряжение военных кораблей (триерархия, самая разорительная и тяжелая обязанность), устройство пиров, представлений, снаряжение посольств и т.д. В результате вкладывать в бизнес деньги было невыгодно, выгодно было вкладывать их в любовь народную. Тот, кто богател, не жертвуя, легко мог быть подвергнут остракизму или стать жертвой суда.

Суд присяжных в Афинах состоял из нескольких сот (до тысячи) соприсяжников. Соприсяжники получали по два, а потом по три обولا за участие в процессе, а выплачивались эти деньги из конфискованного имущества. В результате перед Афинским судом было «опаснее быть богатым, чем виновным», как саркастически заметил Лисий.

Цены в Афинах отнюдь не были свободные: специальные чиновники, ситофилаки, следили за «правильной» ценой привозимой в город пшеницы, и результаты судебных процессов показывают нам, что толпа нередко обвиняла в повышении цен торговцев зерном и чиновников, но никогда — свои собственные методы регулирования.

В момент расцвета Афин от государства получали средства к жизни около 20 тыс. афинских граждан, и эти «граждане из фратрии трех оболов» (Аристофан) имели своим лозунгом «залезайте в карманы, в которых что-то имеется» (Аристотель).

Экономика Афин была зарегулирована куда больше, чем при иных тиранах, гражданское равенство то и дело оборачивалось экономическим распределением, средства от Лаврионских серебряных рудников делились

между гражданами, как между норвежцами — средства от нефти (как-то поделили 180 талантов, причем на каждого гражданина пришлось 50 драхм). Полиграф Полиграфыч Шариков, попав в Афины, был бы несомненно доволен: его мечта «все поделить» исполнялась там пару раз в год.

В результате в Афинах были Аристотель и Платон, но не было — и не могло быть — Билла Гейтса.

В любом учебнике политологии можно прочитать, что, дескать, в Греции демократия была «прямая», а в современном мире — «представительская», как будто между мотивами народа, непосредственно собравшегося на площадь и народа, выбирающего депутата, есть какая-то гигантская разница.

На самом деле история греческих полисов поражает сходством с историями современных демократий. Почти всегда победа бедняков кончается прощением долгов, переделом земель и приходом к власти тирана. Почти всегда тиран «конфисковывает добро богачей, что позволяет ему увеличить плату своим наемникам и раздать беднякам их часть богатства», — как пишет Полибий об Аполлодоре из Кассандреи, и даже Афины, эта Америка античности, превращается в бесконечный велфер, которым управляют «граждане из фратрии трех оболов».

Но, конечно, окончательным фактором нестабильности для античной демократии была война. Античная демократия была военной демократией. Гражданами города-государства были те, кто носил оружие, и обыкновенно городу не хватало ни единоначалия, ни войска, чтобы победить в войне с протяженным царством.

Если же город одерживал одну победу за другой, владения и войско его расширялись. Его многочисленные солдаты переставали быть гражданами и становились подданными. Такова была судьба Рима, историки и мыслители которого — в отличие от своих греческих учителей, — заметим, никогда не хаяли свой строй и, наоборот, считали *res publica* наилучшей формой правления. Именно поэтому они продолжали именовать Рим «республикой» даже в V в. н.э. Довольно забавно читать где-нибудь у Требеллия Поллиона, как сенат просит императора Валериана: «Возьми на себя должность цензора, которую возложила на тебя Римская *res publica*».

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Средневековые коммуны кардинально отличались от греческих полисов: их гражданами были не воины, а торговцы. Они возникли в вакууме власти, который образовался в средневековой Европе в результате борьбы папы и императора, — двух сил, война которых, по выражению Грегоровиуса, спасла свободу Европы. Ни Пиза, ни Гент, ни Марсель, ни Флоренция, казалось бы, ничем не напоминали Афины или Фивы, — однако после того, как эти города изгнали свою знать или уменьшили ее влияние, самым типичным конфликтом внутри этих городов стал конфликт между зажиточными цехами и цехами бедными, между белой костью и чернью, между *popolo grasso* и *popolo minuto*.

Подобно тому, как греческие тираны, отменявшие долги и делившие земли, вовсе не всегда происходи-

ли из бедных слоев, а только пытались заручиться их поддержкой, во Флоренции в жоках *popolo minuto* перебивали Джованни делла Белла, Вальтер де Бриенн, герцог Афинский и самый богатый итальянский банкир Козимо Медичи.

Фигура герцога Афинского из этого списка особо примечательна тем, что его пригласили в город «высшие гильдии», *arti maggiori*, испуганные напором простолудинов. Его официальной миссией была война с Пизой, а неофициальной — усмирение черни. Но герцог Афинский вовсе не хотел поддерживать слабых олигархов, единодушных в своем недоверии к тиранам. Он не читал будущих историков и не знал, что его интересы, интересы знатного человека, требуют поддержки олигархии. Простим ему невольное невежество!

Зато он видел на примере своих современников, как легко добиться абсолютной власти, опираясь на поддержку народа, и понимал, что над десятью тысячами простолудинов тиранию установить легче, чем над недоверчивыми к тиранам *arti maggiori*.

Он даровал доселе бесправным *sottoposti* право собраться в гильдию, гильдию чернорабочих, промышляющих всякой неквалифицированной работой, как-то: ткачеством, грабежом и революцией, заявил, что должности должны быть «comuni d'ogni ragione, perche si chiamava Comune», и 8 сентября 1342 года *parlamento*, всеобщее народное собрание Флоренции, созданное де Бриенном, провозгласило француза-чужака пожизненным владыкой Флоренции.

Правда, герцога Афинского турнули из Флоренции через год, но в 1378-м восстание чомпи, гильдии чesальщиков, требовавших себе все тех же привилегий,

что и старшие гильдии, вспыхнуло опять, и требования этих добрых людей были с обезоруживающей простотой изложены одним из них некоему Андеа Сали, во время встречи в Болонье: «Мы убьем и ограбим всех тех жирных, которые изгнали нас из наших домов, и мы сами получим эту землю, и будем управлять ей как мы хотим, и сами будем богаты».

В X—XIII вв. по городам Италии, Южной Франции и Фландрии прокатилась волна коммунальных революций — повсюду правление знати заменялось правлением торговцев и промышленников. Через век последовала новая волна возмущений — возмущений наемных рабочих против правящих цехов.

Сами флорентийские историки, от Виллани до Макьявелли, описывали события в терминах конфликта сначала между знатью и пополами, а потом между «жирным народом» и «тощим народом», а либеральные историки XIX в., как Мишле, проводили полную аналогию между волной забастовок и бунтов, прокатившихся в X—XIV вв. по городам Италии, Южной Франции и Фландрии, и буржуазными революциями XVIII—XIX вв., за которым начинались восстания пролетариата.

Как я писала выше, в античности распри между «лучшими людьми» и простым народом редко уничтожали сам полис; они обычно ослабляли его, делая легкой добычей для тирана или завоевания. «Страна, разделенная между собой, не может стоять», — сказал президент Линкольн. Так СПИД не всегда убивает человека, а просто ослабляет его иммунитет, делая легкой добычей любой заразы. Точно так же в средневековой Европе XI—XIV вв. распри между зажиточными

гильдиями и чернорабочими — что в Париже, что в Ген-те, что во Флоренции — не столько уничтожали город, сколько ослабляли его иммунитет и привели: в Италии — к тому, что власть над городскими коммуна-ми стали захватывать наемники-кондотьеры, а в Испании и Франции — к тому, что городское самоуправление не пережило укрепления королевской власти.

При этом, вопреки многим популярным представ-лениям, короли начали зажимать свободу вовсе не с городов. Напротив, часто они сначала пользовались городами, чтобы приструнить знать. В Испании аб-солютная королевская власть опиралась на *Santa Hermandada*, городское ополчение, чтобы ограничить власть феодальных вельмож, которые дерзко заклю-чали с королем договоры, в которых обещали повино-ваться королю в том случае, «если он сумеет к этому принудить». Внутри же самих городов короли, как и тираны, нередко поддерживали чернь против зажи-точного люда и поддерживали популистские лозунги, чтобы сокрушить свободу зажиточной верхушки.

Одним из немногих городов, избегших подобной участи, была Венеция. Ее система сдержек и проти-вовесов была продумана настолько тщательно, что не позволила захватить власть над ней ни популистам, ни кондотьерам. Единственное, против чего оказалась бессильна государственная система, созданная вене-цианской олигархией — это против самой венециан-ской олигархии. Изначально правящий класс Вене-ции состоял из торговцев. Однако по мере того, как гранды укрепляли свою власть, они все чаще и чаще превращали свою собственность в привилегии и за-конодательно ограничивали конкуренцию со стороны

будущих выскочек. Бывшие динамичные торговцы превратились в застывшее правящее сословие. Они уничтожили конкуренцию внутри города, но не смогли уничтожить ее снаружи, и по мере экономического окостенения Венеции бывший торговый город сошел с мировой арены.

Несмотря на совершенно другие социальные условия, основная проблема средневековых коммун оставалась та же, что основная проблема античной демократии. Правление, при котором в качестве избирателей выступала зажиточная, отвечающая за свои поступки часть граждан, рождало неизбежную зависть «тощего народа». Приход «тощего народа» к власти кончался дележкой собственности и утратой свободы; в тех редких случаях, когда *popolo grasso*, как в Венеции, сумел сохранить власть и законодательно закрепить свое первенство, он утратил гибкость, динамичность и способность к лидерству.

СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Удивительно — но и в современном мире перед демократиями стоят все те же самые проблемы, что в античной Греции и средневековой Италии. Природа человеческая не меняется, и чем более богаты граждане, тем более их образ правления устойчив; чем больше нищих имеют право голоса, тем больше шанс передела собственности и прихода к власти диктатора.

Пожалуй, мало какое из утверждений является так очевидно, так наглядно ложным, как утверждение о «демократии, разрешающей все проблемы».

Не все и не везде.

Есть США, которые в современном мире являются тем же, чем Афины были для Греции — примером работающей демократии. Кстати, США — бывшая колония Великобритании. Есть работающая демократия в Индии. Кстати, Индия бывшая колония Англии. Есть работающая демократия в Австралии. Австралия тоже бывшая колония Англии. Есть работающая демократия в Канаде. Канада тоже бывшая колония Англии.

Однако если в бывших колониях Великобритании демократия работает очень неплохо, то о бывших колониях Испании этого не скажешь. Демократия в Латинской Америке развивается большей частью не лучше, чем в Кассандрее при тиране Аполлодоре или во Флоренции времен восстания чомпи.

Нищий народ Венесуэлы голосует за полубезумного Уго Чавеса, а нищий народ Боливии — за полубезумного же Эво Моралеса. В Латинской Америке наибольших успехов добивались те страны, которые — как, например, Чили под руководством Пиночета — от демократии на некоторое время отказывались.

Любого человека, пересекающего границу между Боливией и Чили, поразит контраст: с одной стороны — совершенно нищая Боливия, Ла Паз, состоящий из драных лачуг, прячущихся за мощными заборами, повсюду вместо коммерческой рекламы лозунги: «Pongamos Bolivia a trabahar», «Gas nunca mas privatizado»¹ Fuera USaid», отдельные кварталы

¹ В вольном переводе: «Слава труду!», «Газпром — национальное достояние» и «Вон оранжевую заразу!».

с частной охраной, предназначенные для чиновников и полиции, и огромная очередь на единственном бульваре в центре города, по которому не опасно ходить днем. Это очередь местных боливийских чомпи, приехавших, чтобы получить документы и иметь возможность проголосовать на новых выборах за доброго Эво Моралеса, который дает фактически каждому боливийцу 200 боливианов, — где-то 70 дол. С другой стороны — Сантьяго-де-Чили, один из самых красивых городов мира, похожий на Нью-Йорк, в котором новые сверкающие небоскребы разнесены друг от друга, и расстояние между ними заполнены зеленью и солнцем, и привратник в роскошном *Ritz*, который, качая головой, говорит: «Пиночет — это было плохо. Пиночет отнял у нас свободу».

Еще хуже обстоит дело в Африке — даже в бывших британских колониях. Выборы порой начинаются с ритуальных убийств (В Сьерра-Леоне и Габоне полиция не раз фиксировала случаи, когда кандидаты приносят человеческие жертвы, чтобы заручиться поддержкой духов), а кончаются приходом к власти людоедов. Когда Зимбабве была колонией Великобритании, ее ВВП был меньше британского в 7 раз; сейчас он меньше в 27 раз. Сложно ожидать от племен, не сложившихся еще в нации, что они будут более сознательными, нежели флорентийские *ciompi* или афинский охлос.

Наоборот, режимы Южной Кореи, Гонконга, Сингапура, а теперь и Китая показывают фантастические темпы роста. При этом китайский рост обеспечивается именно отсутствием демократии. Если ее ввести, то полмиллиарда нищих китайских крестьян проголосуют за нового Мао, и в Китае станет как в Габоне.

Такой же парадокс на Ближнем Востоке: наилучшие экономические результаты показывают не те страны, где в 60-х произошли народные революции, а те, в которых сохранились наследственные монархии. Дубай управляется эмиром Аль-Мактумом куда лучше, чем ливийская Джамахирия — полковником Каддафи.

ЕВРОПА

Образцом демократии, уважения к правам человека и общечеловеческим ценностям в настоящий момент является Европа.

При этом европейские политики, взирающие на все остальное человечество, включая США, с высоты своего неколебимого морального превосходства дают понять, что именно демократические ценности и сделали Европу первой в мире. Это, мягко говоря, удивительное утверждение. Когда Европа начала покорять мир, ей правил вовсе не Якоб де Артевельде и не Этьен Марсель. К началу великих географических открытий эра средневековой вольницы прошла, и в Европе воцарились абсолютные монархии. Это на какое такое демократическое государство работал Колумб?

В разгар триумфального шествия по миру Европа не отличалась ни гуманностью, ни мультикультурностью, ни терпимостью. Она насаждала христианские ценности огнем и мечом. Кортес запретил ацтекам человеческие жертвоприношения, хотя это едва не стоило ему жизни. Англичане запретили самосожжение вдов в Индии, хотя это привело к восстанию сипаев.

Современная европейская демократия весьма молода. Еще в конце XIX в. абсолютное большинство европейских стран были монархиями. К 1930 годам большинство их стало диктатурами. Мыслитель, который во времена Муссолини, Салазара, Франко и Гитлера вздумал бы рассуждать о «склонности Европы к демократии», выглядел бы странно. Конечно, схоласт мог бы спорить, что Французская республика восходит своими корнями к Этьену Марселю (купцу, Парижскому прево, в 1357 году фактически добившемуся учреждения конституционной, ограниченной монархии), — но с таким же успехом можно в поисках корней демократии в Ираке цитировать упомянутый мной выше клинописный текст о народном собрании в городе Урук.

Расцвет демократии в Европе начался после Второй мировой войны и совпал с двумя уникальными обстоятельствами. Во-первых — с тотальной разрухой при высокообразованном, мобильном населении. Такая разруха обуславливает взрывной рост экономики, и даже самый ленивый *sottoposti* не потребует от государства в таких условиях многого.

Во-вторых, с угрозой со стороны СССР. Опасность завоевания мобилизует защитные силы общества, и в этом, кстати, одно из самых больших отличий современности от прошлых эпох. Военная угроза была губительна для народовластия в античности и средневековье, но действует как виагра — сейчас. Завоевание погубило Афины, но угроза его способствует укреплению демократии в государстве Израиль.

Однако золотой век европейской демократии не продолжался и 50 лет. С распадом СССР ситуация начала меняться на глазах. Несмотря на высокий уровень

благосостояния, европейские избиратели стали требовать от государства все больших и больших социальных гарантий. Стройными рядами они стали вступать в «партию трех оболов», и политики всеми силами принялись способствовать росту этой партии — ведь вместе с ним росла их власть.

Европа стала превращаться в огромную социалистическую бюрократию, где регулируется все — от формы огурцов до веса яиц. Европейская бюрократия стала взращивать огромные иждивенческие слои населения, зорко следя за тем, чтобы человек, севший на социальное пособие, никогда не захотел с него слезть. Европейская бюрократия стала импортировать избирателей-иждивенцев из Африки и Ближнего Востока, опять-таки сажая их на иглу пособий и под предлогом «мультикультурности» и «сохранения национальных обычаев» строго следя, чтобы иммигрант не имел шансов адаптироваться в обществе и перейти к самостоятельной работе.

Такая политика — это схема Понци, которая неизбежно кончится крахом.

Вы можете забрать деньги у работающих граждан и отдавать их неработающей матери-одиночке с шестью детьми и в первом поколении, и во втором поколении. Но в третьем поколении, когда у вас все окажутся неработающими матерями-одиночками, пирамида кончится.

Европа сейчас напоминает Китай в описании Марко Поло. Когда Марко Поло приехал в Китай в XIII в., он был поражен богатством страны. В Европе того времени не было ничего подобного; однако Марко Поло описывал уже умирающий Китай — Китай, завоеванный монголами, Китай династии Юань.

Франция, бесспорно, сейчас — семизвездочная страна. Приезжайте в Ниццу, или Куршевель, или Лион — удивительный город с публичными садами и общественными велосипедами. Самые красивые в этом городе кварталы — это кварталы, в которых когда-то жили лионские ткачи. В XIX в. работали по 13—15 часов и поднимали восстание за восстанием (те самые восстания, которые Мишле сравнивал с восстаниями чомпи), чтобы добиться человеческих условий труда.

Они добились своего. Во Франции — 8-часовой рабочий день, 35-дневный оплачиваемый отпуск и пенсионный возраст с 62 лет. Права лионских ткачей надежно защищены. Вот только ткачей в Лионе больше нет. Они теперь в Китае.

К тому же то моральное превосходство, которое составляет главный капитал европейских политиков, на поверку оказывается весьма сомнительным. Огромные деньги, которые бюджеты европейских стран выделяют на международную помощь, приводят к тому, что заинтересованные в их выделении политики становятся горячими поклонниками страдающих палестинских, иракских или нигерийских детей и — соответственно — вернейшими союзниками диктаторов, людоедов и террористов, погрузивших этих детей в нищету.

Главным экономическим преимуществом Европы становятся гарантии, которые она может предоставить желающим инвестировать в европейскую экономику диктаторам. Если бы не их миллиарды, она бы показывала отрицательный рост. В этих условиях европейские политики, как правило, кричат о своей высокой нравственности только затем, чтобы подороже эту нравственность продать.

В результате канцлер Германии Герхард Шредер поступает на службу в «Газпром», а в тот самый день, когда в Израиле террористами была вырезана семья из пяти человек, включая четырехмесячную девочку, вице-президент Еврокомиссии Кэтрин Эштон призывает Израиль к переговорам с террористами во имя «подлинного мира».

Как это ни парадоксально, но Европа не избежала того проклятия, которое висело над демократиями в Греции и над коммунами в средневековой Италии. Тогда нищие избиратели голосовали за тех, кто все раздаст и поделит, и господство немногих приводило к господству толпы, а господство толпы — к диктатуре. Теперь все больше и больше склонный к иждивенчеству избиратель голосует за тех, кто обещает ему еще и еще больше. Что сделали германские избиратели после того, как Китай обогнал Германию по объему экспорта? Ответ — они подняли пенсии. Еще бы — ведь германские пенсионеры составляют 40 % населения.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Самые успешные и устойчивые демократии мира были построены в странах, бывших колониями Великобритании.

В этом смысле не совсем правильно говорить, что мир покорила Европа. Мир покорила именно Великобритания, — первая империя, над которой не заходило солнце, и которой не было примеров в истории человечества.

Ответ на вопрос о том, как небольшому государству удалось построить такую огромную империю, очень

прост: это была частная империя. Все британские победы, одержанные над Испанией, были частными победами. Война, которую Великобритания вела против Испании на море в XVI—XVIII вв., была частная война — ее вели частные корабли, предводимые и оплачиваемые частными гражданами. Даже флот, выставленный Англией против «Непобедимой Армады», большею частью состоял из этих самых *armed merchant ships*¹.

Ост-Индская компания была частной компаний. Даже в конце XIX в. Африку завоевывали частные компании, будь то *British South Africa Company* Сесила Родса, *National African Company* Джорджа Голди или *Imperial British East Africa Company* Фредерика Лугара. Это привело к необыкновенной экономии солдат и чиновников. Индией управляла тысяча чиновников, матабеле были завоеваны 700 наемниками.

Пожалуй, двумя лучшими примерами того, насколько эффективность частной инициативы в Англии превосходила эффективность государства, является история двух видов оружия: морской пушки карронады и пулемета «максим». Карронада — пушка, которая обеспечила триумфы английского флота в начале XIX в., производилась на частном заводе *Carron* и была впервые принята на вооружение частными английскими торговыми судами (адмиралтейство долго противилось ее введению).

Пулемет Хирама Максима, перевернувший представления о войне и обеспечивший английским частным компаниям завоевание Африки, был запущен в

¹ Военно-торговые корабли (англ.).

производство на деньги Ротшильда, компаньона Сесила Родса. До этого Максим безуспешно демонстрировал оружие высшим военным чинам американской, итальянской, австрийской и даже британской армии.

Вопрос: почему именно в Англии государство, которое обладает свойством поглощать все, делегировало частным компаниям даже право ведения войны и территориальную экспансию? Ответ очень прост: потому что в Англии было избирательное право, хотя это была монархия, а не демократия, и *избиратели были налогоплательщиками*.

И это принципиальная разница. Нищий избиратель голосует за то, чтобы государство дало ему побольше. Налогоплательщик голосует за то, чтобы платить меньше налогов.

Именно благодаря тому, что в Англии избиратели были налогоплательщиками, Англия построила крупнейшую империю в истории человечества. Как только избиратели перестали быть налогоплательщиками и стали халявщиками, Англия эту империю потеряла.

Отцы-основатели США также ограничили круг избирателей кругом налогоплательщиков. Несмотря на декларацию независимости, гласившую, что *all men are born equal*¹, они не предоставили права голоса ни женщинам, ни рабам, ни беднякам. Если бы они это сделали, то США ожидала бы судьба Гаити.

По мере подъема экономического благосостояния круг налогоплательщиков расширялся, и долгое время рост экономики обгонял рост количества избирателей. Это соотношение было впервые поколеблено во время

¹ Все люди рождены равными (англ.).

Нового Курса Рузвельта. Государство впервые расширило свои права, а в США впервые появилась значительная прослойка избирателей, заинтересованных не в минимизации, а в максимизации государства. Американская экономика продолжает оставаться экономикой номер один в мире. Однако размер «партии трех оболдов» в американском обществе все растет, и США угрожает та же участь, которая постигла Европу.

POPOLO GRASSO И POPOLO MINUTO

«Демократия — это худший способ правления, не считая всех прочих», — заметил Черчилль. По правде говоря, мне куда более справедливой кажется фраза Никколо Макиавелли: «Ничто в мире не верно само по себе, но все — смотря по обстоятельствам».

Демократия работает только в том случае, если ваш избиратель является налогоплательщиком. Лозунгом американской революции было «no taxation without representation»¹ — верно и обратное: никакого представительства не бывает без налогов.

Избиратель, являющийся налогоплательщиком, заинтересован в том, чтобы минимизировать государство. Избиратель, не являющийся налогоплательщиком, заинтересован в том, чтобы получать от государства как можно больше.

Позвольте мне проиллюстрировать все то, что я сказала, одним личным примером. Так получилось, что я живу в небольшом дачном поселке с узкими проселоч-

¹ Нет налогам без представительства (*англ.*).

ными дорожками. В этом поселке и летом-то машинам трудно разъехаться, зимой же, когда на дорожке всего одна обледеневшая колея, и вовсе невозможно.

Ездят по поселку разные машины, — и навороченные иномарки, и простые «жигули». И тем не менее разъезд никогда не представляет никакой сложности. Всегда одна из машин (а иногда и обе сразу) сворачивают в карман, уступая дорогу. Выбор, кому свернуть, никогда не зависит от статуса машины, а всегда зависит просто от того, кому свернуть удобней. Имущественное положение людей, едущих по дороге, очень разное, но их всех объединяет некий имущественный минимум, — наличие машины. И поэтому без всякой власти, без всяких знаков, шлагбаумов, без платоновского правителя, который соединяет «величайшее могущество с разумом и рассудительностью», и даже без прозаического гаишника, — люди прекрасно освоили процедуру саморегулирования и заключили на всей территории поселка неписанный общественный договор. Обычай: кому удобней, тот уступает.

Кроме дороги, в поселке есть лес. С давно протоптанными тропинками. И вот некоторое время назад я стала замечать, что эти тропинки кто-то специально перегораживает упавшими деревьями. Я оттаскивала эти деревья с дорожек, но кто-то клал их снова и снова. Причина, по которой люди в здравом уме и твердой памяти будут специально перегораживать тропу, мне была непонятна, и я обратилась к прохожим с вопросом: «Вы не знаете, кто это делает?»

Ответ меня сразил: «Ездют тут всякие, на «багги!» Портят дорожку! Вот чтобы эти жирные коты не ездили, мы и перегораживаем».

Иными словами — та часть прохожих, которая представляла из себя неимущую службу санатория, жителей пристанционных пятиэтажек, поваров из столовой и пр., — специально тратила массу усилий на то, чтобы перегородить лесную тропинку, по которой ездил «богач» на «багги».

Тот факт, что по тропинке ездят велосипеды и ходят мамы с колясками (да и самим неудобно ходить) — их не волновал. Более того — их ничуть не волновал трактор, на котором по этой дорожке пьяный лесник ездил в магазин за водкой! Поведение местного *popolo minuto* было вызвано обыкновенной и довольно глупой зависимостью: у меня нет «багги», так и ты ж не едзи.

На мой взгляд, эти две истории очень хорошо характеризуют устройство любого социума. Если вы имеете дело с ответственными собственниками, наделенными неким минимумом имущества, они легко выработают правила пользования дорогой даже без вмешательства власти. Если ваше общество разделено на владельцев «багги» и на санкюлотов, — то санкюлот, он же «чомпи», посвятит немалую часть своей энергии просто тому, чтобы испортить жизнь тем, у кого «багги» есть.

По странному совпадению, еще ни разу в истории не было зафиксировано, чтобы партия нищих требовала предоставить ей **возможность заработать**. Все, абсолютно все лозунги, которые они выдвигали, — со времен греческих полисов и кончая Октябрьской революцией, заключаются в том, что государство должно **предоставить им социальные блага**, перераспределив их — с помощью убийств или с помощью налогов — от тех, кто уже заработал.

Ни одно развивающееся общество, которое предоставило «партии трех оболдов» право голоса, не имеет шанса на успешные реформы.

Более того: даже развитое общество, которое даровало право голоса всем своим избирателям, всегда стоит перед серьезной опасностью со стороны «партии трех оболдов» и потворствующих ей политиков. Как сказал победитель империи зла президент Рональд Рейган: *Freedom is never more than one generation away from extinction.*

ГРУЗИЯ: ВОЙНА И РЕФОРМА

На 21 мая американский проповедник Гарольд Кемпинг назначил конец света, а грузинская оппозиция — начало революции против кровавого тирана Саакашвили.

Не знаю, как проповедник, а оппозиция подошли к делу серьезно: собрали организацию «присягнувших» из 70 с лишним отделений и 4 тысяч членов. (90 % отделений, полагаю, возглавляли агенты МВД.)

Согласно грузинскому МВД и распространенным им видеоматериалам, «присягнувшие» заготовили рогатки, стреляющие стальными шариками, против телекамер (рогатки изготовлял агент МВД, и они пропали по дороге к митингу). Заготовили палки, на которые насадили баннеры «За свободу». (Грузовик с палками тоже помылили, и борцы за свободу срочно закупили на базаре пластиковые водопроводные трубы). Заготовили КамАЗ — таранить телевидение. (Кровавый режим КамАЗ украл, и мирная демонстрация осталась без КамАЗа).

Планы у освободителей были грандиозные: в разговорах (перехваченных вмонтированным прямо в системный блок компьютера жучком) одна из лидеров оппозиции Нино Бурджанадзе и сын ее говорят о «500 трупах» и о вмешательстве «спецназа ГРУ».

А в Квинцвисском монастыре, близ границы с Южной Осетией, МВД задержало 24 орлов, завербован-

ных бывшим членом «Мхедриони» генералом Хачишвили. Связь с Бадри Бицадзе (мужем Бурджанадзе) проживающий в России Хачишвили держал, согласно признанию его подчиненного Ники Гогоадзе, через шифровальную книгу, что твоя Анна Чапмен: задача группировки ровно и была — обеспечить беспорядки, и, видимо, те самые «500 трупов», после которых на помощь грузинским Бабракам Кармалям двинется «спецназ ГРУ».

Орлов задержали, а трупов вышло всего четыре: двоих убил кортеж Нино Бурджанадзе, рванув с места митинга: грузинское МВД распространило поистине чудовищные кадры, на которых видно, как кортеж буквально врывается в гущу полицейского кордона. Еще двое оппозиционеров погибли на крыше от удара током, пытаясь скрыться от полиции.

О том, что там не сложилось с концом света, судить не берусь. О том, почему не удался этот заговор Бабингтона, в котором полицейских агентов было больше, чем заговорщиков, — ниже.

РУСТАВИ

В первый же день командировки я отправилась в МВД. Однако всесильный глава МВД Грузии Вано Мерабишвили о такой глупости, как мятеж, говорить не хотел: а начал с того, что показал очередной опрос, заказанный грузинским Минюстом и профинансированный Евросоюзом (опрос доступен на нашем сайте).

Из трех тысяч респондентов в 1992 году у 15,4 % крали машины. В 2011 году эта цифра составила 0 %.

В 1992 году у 31,1 % что-то украли из машины, а еще 13,4 % стали жертвами других краж. В 2011 году эта цифра составила, соответственно, 0,3 % и 0,2 %.

Напомню, что еще 10 лет назад государства в Грузии не было: глава МВД ездил провожать вора в законе в аэропорт, а контрразведка брала деньги с иностранных шпионов, чтобы они шпионили дальше. Сейчас уровень преступности в Грузии самый низкий в мире: на 100 тыс. населения в Австрии приходится 40,4 преступления, в Дании — 52,2, в Англии — 49,7, в Швеции — 51,1, в Грузии 2011 года — 7,0.

В 2011 г. 92,7 % населения никогда не чувствовали, что у них вымогают взятку. 87 % населения ставят полиции оценку «хорошо», Грузия находится на 4-м месте опроса после Финляндии, США и Канады. Она обгоняет такие страны, как Дания (82 %), Норвегия (73 %), Япония (64 %) и Франция (60 %).

После этого Ваню везет меня за 10 км от Тбилиси, в городок Рустави, где обосновался полицейский сервис-центр. В центре можно за 15 мин зарегистрировать куплю-продажу машины и получить номера, за час сдать на права (экзаменационная комната с компьютерами тут же — приходи в любое время, сдавай, тут же и место для тест-драйва, а пока экзаменуемый выйдет из машины и дойдет до будки, права будут уже готовы). Сервис таков, что машину можно продать по Интернету: продавец, допустим, в центре Батуми, а покупатель в центре Тбилиси.

Частный авторынок при Центре, крупнейший в стране, принадлежит «Приват-банку», но бизнес так успешен, что уже несколько коммерческих структур раскупили вокруг землю, специально зарезервирован-

ную государством под это дело. «Мы создали 20 тыс. рабочих мест, — говорит глава МВД, — благодаря легкости процедуры самой крупной статьей экспорта в Грузии являются автомобили».

— Вано, — спрашиваю я, — но как там все-таки с митингом?

— А, — машет рукой Вано, — они идиоты. Совсем. Вот я тебе расскажу. Мы взяли этих, в Квинцвисском монастыре, и допрашиваем: «Ну чем ты думал?». А он: «А мне сказали, что Вано с нами». «И ты поверил?!» — «Ну, я сначала сам сомневался, а потом мне говорят: у Вано с Нургалиевым все уже договорено, и они все дообсудят в Ереване. И вот включаю я телевизор — и точно! Смотрю, Вано в Ереване, и там же Нургалиев! (16 апреля и Нургалиев, и Мерабишвили были в Ереване на праздновании 10-летия армянской полиции, — *прим. Ю.Л.*).

Ах да: тут же, рядом с сервис-центром, гоночная трасса. Будучи при власти, спикер парламента Нино Бурджанадзе передала ее за один лари Федерации Автолюбителей по той уважительной причине, что ее сын Анзор любит гоняться на автомобилях. Трассу вернули и продали инвестору. Он ее отремонтировал за 8 млн. дол., и теперь там будет «Формула-3».

БАТУМИ

На следующий день я еду в Батуми. В Батуми я была трижды. Первый раз — в 2003-м, на концерте Мстислава Ростроповича. Это было незабываемое впечатление.

Набережная Батуми была украшена гигантской статуей деда правившего тогда Абашидзе и составляла чуть ли не два километра; кончалась она чудовищной свалкой. На почтительном расстоянии гостей сопровождали тонтон-макуты с автоматами. На загаженных пятиэтажках и жутких общежитиях, в которых жили беженцы из Абхазии, висели растяжки, сообщавшие о концерте «самого великого маэстро современности» Мстислава Ростроповича.

В программке, которую нам дали, предусматривалось также посещение «лучших в мире теннисных кортов», «лучшего в мире нефтеналивного терминала» и «лучшего в мире питомника для собак». По странной случайности нам не дали посетить тоже, вероятно, «лучшую в мире» фабрику по расфасовке героина в Кобулеті.

Три года назад набережная была уже пять километров; вместо статуи Абашидзе на ней был бесплатный *Wi-Fi*. На место свалки поставили фантастический светомузыкальный фонтан за 5 млн. евро, инвестиция окупилась тут же: первый же проданный поблизости участок ушел за 5 млн. евро. Но главное было не это, а рачительность, с которой новые власти подошли к планировке бывшего порто-франко, который они планируют превратить в новый Дубай.

Новые дороги, тотальный ремонт городских сетей, и вся земля возле моря, проданная под гостиницы. Глава Аджарии Леван Варшаломидзе водил меня по набережной и говорил: «Вот это здание МВД — мы его продали». «Вот это здание прокуратуры — мы его продали». «А где же будет жить власть?» — не выдер-

жала я. «А власть будет жить подальше, а это — *prime real estate*»¹.

Сейчас, в 2011-м, город изменился еще больше. Променад стал втрое шире и протянулся на 8 км, а будет — на 25. К бесплатному *Wi-Fi* через месяц добавится велосипедная дорожка и муниципальные велосипеды, как в Европе (1 лари в час). «Шератон» уже открыли, «Рэдиссон» открывается через месяц, старый город, весь в мощеных мостовых и магазинчиках, полностью преобразился, на месте жуткого судостроительного завода (это при Абашидзе было местное Сколково, там пытались делать морские катера, и даже два сделали: один подарили президенту морской державы Армении), — раскинулся свежий парк, рядом протянулось новое шоссе в новый аэропорт, построенный турками. В 2004 году в Батуми приехали 40 тыс. туристов, в 2010-м — 970 тыс.

За новым аэропортом дорога ведет в новый таможенный терминал в Сарпи. Чтобы грузинская таможня заработала как надо, на терминале пришлось пересаживать четыре поколения таможенников. Их ставили и сажали, ставили и сажали. Зато теперь проблема одна: турецкие таможенники коррумпированней грузинских. Водители грузовиков и легковушек проходят терминал, *не выходя из машины*, и начальник терминала сетует: если открыть все *gates*, на турецкой стороне возникает затык.

Но самое больше впечатление в Батуми на меня произвел Дом Юстиции. Это стеклянная кукурузина площадью 5500 кв. м, торчащая посереде пока еще

¹ Элитная недвижимость (англ.).

мерзких (увы) панельных многоэтажек. Дом Юстиции — это супермаркет госуслуг. Здесь можно зарегистрировать фирму или вступить в брак примерно за столько же времени, за сколько в «Перекрестке» можно купить сыр на ужин.

Глава Аджарии, Леван Варшаломидзе, показывая мне Дом Юстиции, заодно получил паспорт. Получил квиток с номером окошечка и без очереди (потому что очереди не было вообще) пошел к стойке. Единственная разница между губернатором и рядовым гражданином состояла в том, что Леван получал диппаспорт и его выдавали сразу: рядовому гражданину, если он хочет получить паспорт в тот же день, это обойдется в 220 лари. А вот недавняя попытка Левана поменять права кончилась неудачей: он пришел в сервис-центр МВД без паспорта, и хотя очереди не было, прав он тоже не получил.

Стоил Дом Юстиции 9 млн. дол., и я задумалась было, сколько он стоил бы в России: 100? 200? 300? Потом я поняла, что вопрос бессмысленен, потому что Дом Юстиции в России при Путине не построят никогда. Его концепция — предоставить гражданам как можно больше услуг за как можно меньшее количество времени — диаметрально противоположна главной концепции нынешнего российского режима.

«Так что тут было 26-го?» — спрашиваю моего старого знакомого Зури Беридзе, с которым нас свел еще Александр Атанесян, снимавший в Батуми один из своих фильмов.

— Так вот как раз открывали Дом Юстиции, — отвечает Зури.

— Ну, 21-го.

— А, — Зури машет рукой. — Привезли автобусами 800 человек из Гурии (очень бедный район на западе Грузии), обещали каждому по 30 лари, а выдали по 25, отчего у них вышел скандал. Половина этих людей разбежалась поглазеть на Батуми, а другие пошли к телевидению и потребовали эфира. Им сказали: «Вот вам эфир», — а они стали бросать камнями в телевидение.

30 мая, когда я была в Батуми, президент Саакашвили как раз по дороге в Рим открывал там новый таможенный терминал вместе с премьером Турции Эрдоганом. Мне посчастливилось перехватить его в аэропорту. Маючись на летном поле (тут же разгружался турецкий рейс), зашла в президентский самолет и сфотографировала его: плюгавенький «челленджер», с надписью «Sokhumi» и более чем скромным интерьером. «У нас на таких даже вице-премьеры не летают», — сообщила я главе Совбеза Гиге Бокерия.

— Какая ваша сейчас главная задача? — спросила я президента Саакашвили через пять дней после неудачи грузинских бабрак-кармалей.

— Стать вторым Сингапуром.

РЕФОРМЫ

Изменения, произошедшие в Грузии за 8 лет, с 2003 года, невероятны. В 2003-м Грузия была классическим *failed state*. Тюремные камеры для воров напоминали пятизвездочные отели, зато обычные заключенные жили, как в хлеву. В Тбилиси не было электричества и с 5 утра стояли очереди за хлебом.

Зато торговавший электричеством Леван Пирвели (сейчас сидит в Австрии и поддерживает Путина) стал богатым человеком, а дочь фактического монополиста по импорту зерна, Нино Бурджанадзе, стала спикером парламента и щеголяла в бриллиантах.

Со времен СССР Грузия была пропитана клановым — читай мафиозным — менталитетом. Третью советских воров в законе — 315 чел. — были грузины, прокурор при зарплате 15 дол. в месяц платил за прием на работу 50 тыс. дол., а по размаху коррупции в 2003 году Грузия, по оценкам *Transparency International*, занимала 127 место в мире из 133.

Новая власть уволила 18 тыс. полицейских, а сотрудников прокуратуры сократила с 1596 до 391. 173 «вора в законе» сели в тюрьму. Количество преступлений, еще в 2006-м составлявшее 62 тыс., в 2010-м упало до 29 тыс. Срок предварительного следствия сократили с 9 месяцев до 60 дней. Количество осужденных выросло с 624 в 2003 году до 23 789 в 2010-м. «Пятизвездочные» камеры для воров исчезли, зато обычные камеры приобрели приличный вид. Коррупция упала до 4 % в 2008 году (против 70 % в 2002-м), в рейтинге простоты ведения бизнеса Всемирного Банка Грузия поднялась с 150-го места на 11-е (Россия в нем на 120-м).

В Грузии было приватизировано все, кроме совести: 4 тыс. предприятий были проданы на абсолютно открытых аукционах. В Грузии были сокращены все министерства, которые можно сократить, и все бумаги, которые можно отменить. Например, чтобы ввозить в Грузию европейские лекарства, не нужно никакой внутренней сертификации: Грузия вполне ве-

рит сертификатам ЕС. Акт экономической свободы ограничил общее бремя налогов 30 % ВВП. Новые налоги можно вводить только путем всенародного референдума.

Это, однако, не значит, что в Грузии любая частная собственность была неприкосновенна. Наоборот: государство, как вал, прокатилось по авгиевым конюшням постсоветской квазисобственности.

В городах были беспощадно снесены (с компенсациями) тысячи уродливых «ракушек», в Тбилиси — разрушен 16-этажный дом, без позволения изуродовавший центр города. Сносились загадившие тротуары рынки. Тбилиси стал европейским городом.

Бизнесмены, пользовавшие государство при Шеварднадзе, были вынуждены доплатить за дармовую приватизацию 1,4 млрд. лари. Это не были выборочные судебные процессы, как в России над ЮКОСом. Это было сделано по аналогии с принятой в США практикой, когда человек, нарушивший закон (например, приватизировавший за 1 лари гостиницу), получал возможность заключить (обязательно в присутствии адвоката и судьи) досудебное соглашение и открыто возместить государству ущерб.

Грузия (как и Китай) остается бедной страной: ВВП ее по паритету покупательной способности составляет 4500 дол. на душу населения, (в Китае — 6700), за чертой бедности сейчас живет чуть меньше трети населения. Однако экономика Грузии (как и Китая) стремительно растет, а средняя заработная плата с 2003-го года в Грузии выросла в 8 раз — с 30 дол. до 250 дол., и скудность пенсий и социальных гарантий в Грузии (как и в Китае), есть одна из главных причин роста.

В отличие от Китая, у Грузии — маленький внутренний рынок, серьезные внешние враги, и демократия вместо авторитарного правительства, думающего о стратегии и не заискивающего перед избирателем.

К тому же ВВП на душу населения — вещь обманчивая. Если взять, например, официальную цифру дотаций РФ республике Южная Осетия (свыше 1 млрд. дол.), и поделить на 15 тыс. реально живущих там человек, то выйдет 65 тыс. дол. на человека. За эти деньги каждому осетину, включая грудных младенцев, в Южной Осетии можно построить трехэтажный дом, однако реальность состоит в том, что Грузия всем беженцам построила дома меньше, чем через год, а в Южной Осетии перемен мало.

Принцип грузинских реформ очень прост: уменьшение роли государства в экономике и *увеличение роли государства* в том, для чего, собственно, государство и создано: для обеспечения безопасности граждан от преступлений и переворотов.

Он настолько прост, что возникает очевидный вопрос: а почему другие не проводят такие же реформы? Кто мешает любой соседней стране сажать бандитов, увольнять взяточников и регистрировать куплю-продажу машин за 15 мин?

Ответ называется «группы интересов». Для того, чтобы делать все это, надо пойти против интересов самых могущественных на момент начала реформ людей и сословий страны, шкурно заинтересованных в сохранении доходов, а также против собственного нищего постсоветского населения, которое видит в государстве *источник благ, а не гарантию прав*. Тех людей, которые хотят сейчас и сразу пенсию в пятьсот

долларов, а не право регистрировать компанию за пятнадцать минут.

Как-то Клаузевиц сказал о войне. «На войне все просто, но самое простое в высшей степени трудно». Реформа — как война.

Не дал — значит, враг

Если обобщить одной фразой всех влиятельных противников Саакашвили, то она такова: им всем не дали.

Вот типичный случай: Эроси Кицмаришвили, нынешний оппозиционер, один из лидеров «Грузинской партии» Ираклия Окруашвили. Принадлежавшее ему «Рустави-2» внесло огромный вклад в «революцию роз», — и вот, спустя несколько дней после того, как Каха Бендукидзе был назначен министром экономики, Эроси вошел к нему в кабинет в клетчатой рубашке, покручивая на пальце брелок от ключей.

Смысл речи Эроси сводился к тому, что он еще неделю назад отправил в правительство бумагу с перечнем предприятий, которые ему хочется получить в награду за освобождение родины, а их ему до сих пор не отдали. «Пошел вон», — сказал Бендукидзе. «С тобой еще поговорят», — ответил Эроси.

Не менее типична фигура самого Окруашвили, — неплохого юриста и ближайшего соратника Саакашвили.

Это классический пример, когда у человека от власти сорвало крышу. Развлечения Окруашвили на посту министра обороны Грузии включали в себя игру в фут-

бол на минном поле (мины, правда, были учебные) и сигареты, в которых к табачку был примешан порох. Сигареты Окруашвили прикуривал сам и передавал по кругу. Тогдашний губернатор Шида Картли Гога Хачидзе как-то рассказал мне, как посреди дружеской пирушки Окруашвили для смеха стрелял в него в упор — холостыми.

Окруженный сплошь льстивыми холопами, подмывший под себя бизнес в Гори, Окруашвили вообразил себя если не Мессией, то уж будущим военным диктатором — точно. Когда МВД арестовало за взяточничество его друзей-полицейских из Хашури, Окруашвили воспринял это как «Вано арестовал моих друзей — значит, он враг». Он не хотел понять, что революция совершалась не для того, чтобы Грузия была чашкой, а он — ложкой. Теперь Окруашвили выступает по ОРТ и объясняет, что Грузия укрывает чеченских террористов.

В этой же компании неполучивших оказался и Владимир Путин. Напомню, что первый свой официальный визит президент Саакашвили нанес в Москву. Отношения с Россией были так важны для него, что он даже молился перед встречей с Путиным. Встреча прошла прекрасно, и на ней Путин попросил: «У вас отличный министр госбезопасности, Хабурдзания. Не меняйте его».

Саакашвили вернулся из Москвы и через неделю уволил Хабурдзания. Просто потому, что г-н Хабурдзания не вписывался в концепцию нового грузинского государства. Но Кремль был взбешен: «Он снял нашего друга — значит, он враг».

По словам бывшего советника президента Андрея Илларинова, именно после увольнения Хабурдзании

был издан секретный указ по борьбе с Грузией. Свержение в мае диктатора Аджарии, близкого Москве Аслана Абашидзе, — только подлило масла в огонь. В Кремле органически не способны были понять, что тогдашняя Аджария — с ее героиновой фабрикой, тонтон-макутами и греческим владельцем нефтяного терминала, который обнес Абашидзе и был вызволен из его подвала греческим послом, — не вписывается в новую Грузию. «Он снял нашего друга — значит, он враг».

Борьба против кровавого режима

Первая месть за Хабурдзанию и Абашидзе последовала осенью: 9 октября 2004 года на воздух взлетели одновременно две ЛЭП, в Лиахви и Картли-2, и железная дорога на перегоне Гркали—Метехи. 1 февраля 2005 года близ отделения полиции в Гори взорвалась легковушка, набитая 70 кг взрывчатки. Но самым трогательным был взрыв на нефтепроводе 17 ноября, в деревушке Чорчана близ Хашури. Диверсанты взорвали станцию, засели возле нее с «Иглой» и ждали, пока на выручку прилетит вертолет, но вертолет не прилетел, потому что диверсанты перепутали. Они хотели взорвать новый нефтепровод «Баку—Супса», а взорвали старый, бездействующий «Баку—Батуми».

23 октября 2005 года машина с членами диверсионной группы попала в аварию. В «скорой» за ними приехали грузинские полицейские. Они арестовали троих осетин — Гию Валиева, Гию Засаева и Сосо Кочиева, и подполковника ГРУ Романа Бойко, на которого осетины показали как на своего инструктора. Осе-

тин посадили, а Бойко передали российской стороне в качестве жеста доброй воли. Ничего добрая воля не помогла — вскоре в Тбилиси прислали агента-чеченца с приказанием убить эмиссара Масхадова. Каково же было удивление Ваню Мерабишвили, когда, по его словам, перевербованный чеченец, посланный обратно с аппаратурой для записи и отчетом о том, что заказ выполнен, получил новый заказ — на убийство начальника грузинского АТЦ!

Постепенно борьба с кровавым режимом Саакашвили — и освоение денег на эту борьбу — приобрела не меньший размах, чем борьба с буржуазным Западом во времена «Интернационала». В мае 2006 года о своем стремлении освободить Грузию от тирана объявил Игорь Гиоргадзе, в августе 2006-го в Сванетии попытался поднять мятеж Эмзар Квициани.

Ставить на Гиоргадзе, находившегося в розыске с 1995 года за покушение на Шеварднадзе, было все равно, что готовить в президенты Мексики Рамона Меркадера. Тот факт, что прокремлевские СМИ именovali партию Гиоргадзе «влиятельной политической силой», заставлял задуматься об адекватности Кремля.

Было такое впечатление, что собственные агенты и откровенные мошенники впаривали Кремлю все, что он хотел услышать об «американской марионетке Саакашвили», которая вот-вот падет, с той же простотой (и с той же целью), с которой герои О'Генри впаривали публике чудодейственные лекарства от лысины.

Летом 2006-го грузинский оппозиционер Коба Давиташвили публично оскорбил жену президента Саакашвили. Такие вещи в Грузии чреватые. По его душу

из Владикавказа приехал некто Георгий Куртаев, уроженец Рустави, 1981 г.р. Если бы Давиташвили убили тогда, в июле 2006-го, грузинским властям было бы вовек не отмыться.

Но так получилось, что у Давиташвили был сумасшедший сосед, который когда-то убил в ДТП человека и сходил с ума в ожидании мести. Когда он увидел, что во дворе отирается неизвестный, он бросился на него: тот выстрелил в соседа из пистолета с глушителем и удрал, потеряв барсетку с «симками».

В сентябре 2006-го четверо офицеров ГРУ были задержаны в Грузии за шпионаж. Разговоры этих офицеров со своими агентами, преданные гласности грузинским МВД, заставляют вспомнить лучшие эпизоды из расследования ФБР о десяти «шпионах-клоунах». Вот, например, как выглядела поездка одного из агентов в Армению, на встречу с главой всей сети, тамошним резидентом ГРУ Анатолием Ивановичем Синицыным.

«Я уже сел в маршрутку». — «А, сел уже?» — «Синий Форд ЖЦЦ 134, ну, 134 в конце», — «134, да»? «Да там это, если что, где они будут встречать?» — «Прямо как маршрутка подъедет на вокзал». — «Да если что, куда им перезвонить, надо куда-то?» — «Значит, городской 28 83 51». — «Иваныча?» — «Да, Анатолия Ивановича».

Грузинам, без сомнения, следовало бы выдать премию этим добрым людям, так облегчившим их работу, а грузины вместо этого взяли их и арестовали. Такая человеческая неблагодарность возмутила Кремль, и тот в праведном гневe ответил запрещением «боржоми», грузинского вина, авиаперелетов и депортацией грузин.

9 ноября 2007-го

Между тем настоящая опасность правящему режиму угрожала, конечно, не от опереточных Гиоргадзе или Квициани: 2 ноября 2007 года на площадь перед парламентом вышли около 100 тыс. чел. Это был момент, когда недовольство реформами достигло пика: жители Тбилиси задыхались от возросших выплат по ЖКХ и негодовали от снесенных «ракушек», а положительные эффекты не успели сказаться.

Впрочем, человек, который организовывал и направлял недовольство нищих, вряд ли сам страдал от возросшей квартплаты: это был Бадри Патаркацишвили, состояние которого превышало тогдашний ВВП Грузии, и в собственности которого находилась добрая треть грузинского парламента.

Претензии Бадри к власти были очень просты: он хотел, чтобы правительство брало от него деньги, а взамен подписывало то, что ему, Бадри, нужно. На языке Бадри это называлось «красиво, вкусно, по-мужски помочь». То, что правительство не берет от него деньги, Бадри перенести не мог, так как все, кто не брал от него деньги, для Бадри являлись врагами.

В сущности, претензии Бадри к Саакашвили были те же, что претензии Путина. Однако контакты Бадри с Москвой (которая, напомним, из-за партнерства с Березовским объявила его в розыск) были осторожны и двусмысленны, обе стороны использовали друг друга и друг другу не доверяли. Я хорошо помню, как осенью 2006-го Бадри в своем императорском особняке на горе Мтацминда говорил мне о диверсионно-кло-

унской партии Гиоргадзе тем же тоном, каким вор в законе мог бы говорить о мелких насильниках.

«Имеди», принадлежавшее Бадри (и когда-то, при Шеварднадзе, созданное как противовес «Рустави-2»), занималось прямой, осознанной травлей властей. Каждый инцидент раздувался до космических масштабов, каждый промах приобретал характер катастрофы.

В июне 2005 года МВД Грузии арестовало за вымогательство главу грузинской федерации борьбы. Бадри приехал к Ване Мерабишвили и попросил его освободить задержанных. «Они мои друзья», — так мотивировал просьбу Бадри. «Нет», — ответил Мерабишвили. Толпа спортсменов ворвалась в здание суда, учинила погром, а потом пошла по проспекту Руставели. «Имеди» передавало все это, как восстание против кровавого режима.

2 ноября 2007 года на площадь вышли около 100 тыс. человек, но к 9 ноября, под утро, их осталось не больше сотни. Муниципальные службы и полиция начали чистить площадь, объявив митинг законченным. Бадри среагировал мгновенно: на площади появилось около полутора тысяч людей с палками, которые бросились на полицию. Началась буйная драка, «Имеди» передавала это как «разгон мирного митинга», и так же передавали все СМИ мира.

Саакашвили принял решение мгновенно: он перенес на январь президентские выборы, тем самым объявив самому себе референдум доверия, и уволил непопулярного премьер-министра Ногаидели.

Потом, после войны 2008 года, Ногаидели первым из оппозиции протопчет дорожку в Москву, пойдя на поклон к Путину. Но на самом деле непопулярный,

угрюмый, скупой, как и полагается первоклассному финансисту, Ногаидели является единственным из грузинских оппозиционеров, который уволен не за то, что он что-то украл или попросил лишнего, а чисто в согласии с принципами Маккиавелли, — проведите непопулярные меры, а потом увольте (у Маккиавелли — казните) исполнителя.

Вопреки распускаемым сейчас властью слухам, на посту премьера Ногаидели не был замешан в коррупции. Первоклассный финансист, он потом попытался обратить свой опыт в деньги (что не возбраняется) и вступил в девелоперское партнерство со знаменитым футболистом Кахой Каладзе. Их компания в числе прочего должна была построить на месте проданного им старого Арсенала 60 тыс. кв. метров площадей, в которые должно было переехать все правительство. После кризиса и войны цена недвижимости упала, проект потерял смысл, Ногаидели разорился и поехал в Кремль.

Впрочем, вернемся к оппозиции. После успеха с митингом Бадри Патаркацишвили выставил свою кандидатуру на назначенных на январь 2008-го выборах. Как выяснилось впоследствии, выигрывать он собирался не в урнах. В декабре 2007 года Бадри позвал к себе в Лондон замглавы МВД Ираклия Кодуа, находившегося, как считалось, в опале. На встрече с Кодуа Бадри, не таясь, предложил план госпереворота вкупе с «нейтрализацией» глав МВД и Минобороны. Переворот должен был начаться с того, что Кодуа созывает пресс-конференцию и заявит на ней, потрясая мешком бюллетеней, что вот, ему велели вкинуть эти фальшивые бюллетени, но он, как верный сын грузинского народа, не стал молчать.

На народ Бадри было принципиально плевать: «Хоть проголосует за него народ, хоть нет, — совершенно меня не интересует». Зато об интересах Кодуа Бадри был готов позаботиться сразу. «Валерий мне сказал, что ты потребуешь 100 миллионов. Это большие деньги, но, думаю, если все взвесить, такой риск того стоит».

Кодуа вовсе не был в немилости: это была ловушка и первая из блистательных операций, проведенных либеральным грузинским гестапо. Кодуа вернулся в Тбилиси и обнародовал запись. Власть доказательно уличила оппозицию в том, в чем оппозиция всегда голословно обвиняла власть. Бадри набрал на выборах 7 % и умер от позора.

Следующей попыткой свергнуть Саакашвили была российско-грузинская война. Она стала тяжелейшим ударом для Грузии: оказалось, что ее войска не так хороши, как израильские, и что Европа, на помощь которой Грузия так рассчитывала, не хочет идти против Путина. Однако то ли по причине собственной слабости, то ли оттого, что 11 августа опомнившийся Буш стукнул по столу кулаком, — российские войска не дошли до Тбилиси, не выполнив поставленной стратегической цели, — повесить Саакашвили за яйца.

Оппозиция подождала год и в апреле 2009-го вышла на новые акции протеста. На этот раз она собрала на порядок меньше людей. Оппозиции ничего не оставалось, как заняться провокациями: они перекрывали то дорогу в аэропорт, то путь Саакашвили в ресторан, всячески нарываясь на то, чтобы их побили и ввергли в узилище.

Но их все не ввергали и не ввергали, и тогда оппозиция установила по проспекту Руставели клетки и посадила в них сама себя. Но, согласитесь, это одно дело, когда вас сажают в клетку кровавый режим, а другое — когда вы садитесь в клетку сами. К тому же значительная часть протестующих состояла из бомжей, севших в клетки за умеренную плату, и они загадили весь проспект, с которого кровавый режим предусмотрительно убрал урны и туалеты.

Мятеж а-ля Чампен

В мае 2009-го грянула новая беда: военный мятеж в Мухровани. Зачинщиком его был некий Отонадзе, хронический бунтовщик, который много раз поднимал мятежи при Шеварднадзе и каждый раз получал за это повышение. Но времена изменились, и Отонадзе получил за мятеж не повышение, а срок.

Вся история координировалась из Минска (трудно было видному грузину в то время засветиться в Москве, не вызвав вопросов), и усматривалась в ней не столько напрямую Москва, сколько грузинские воры в законе, в частности, Таро Ониани, который после испанской операции «Оса» скрылся тогда в Москве и даже получил гражданство.

Вся история, как и прежние, характеризовалась неповторимым душком а-ля Анна Чампен. У Отонадзе был старый приятель, Горгиашвили, который командовал в то время танковым батальоном в Мухровани. Его-то и подбивал Отонадзе на мятеж следующими доводами: «Скоро будет новая война, русские зайдут,

и если вы не свергнете Саакашвили сами, то потеряете головы в войне с русскими». Отонадзе заверил Гorgiaшвили, что остальные три бригады грузинской армии уже участвуют в заговоре. И в результате Гorgiaшвили объявил мятеж со следующими словами: «Я двинусь на Тбилиси только тогда, когда двинутся все остальные».

Заговорщики не понимали, что прошли времена, когда власть в Грузии меняется переворотами. МВД знало каждый их шаг, но одна деталь этой истории заслуживает особого внимания. В числе прочих заговорщики обратились к Гие Каркарашвили, который был министром обороны Грузии во время войны в Абхазии. После войны в Абхазии Каркарашвили учился в Академии Генштаба в Москве, а потом у него вышел конфликт с одним из воров, после покушения Каркарашвили оказался парализованным. Каркарашвили был такого высокого мнения о грузинском МВД, что решил, что это провокация. «Ко мне тут пришли какие-то люди и предложили убить Ваню», — публично заявил он.

Мятеж этот был, конечно, чистым идиотизмом, — но идиотизм не извиняет злой воли.

Умный Гогита

Не помогли ни митинг, ни мятеж — и вот в 2010 году в Грузии снова начали происходить теракты. С 2010 года, по утверждению грузинского МВД, в Грузию было заслано шесть групп (пять из них — из гальских грузин), отличавшихся умом и находчивостью.

Напомню, что на территорию Абхазии, в Гали, вернулось довольно много этнических грузин. Они являются гражданами Грузии и спокойно могут туда переходить; в Гали нищета, безработица и криминал, среда, идеальная для вербовки, как чашка Петри — для бактерий.

Самой крупной из этих групп была группа Гогиты Аркания, подчинявшаяся, по утверждению грузинского МВД, майору Евгению Борисову, отвечавшему за горячую линию связи с наблюдателями Евросоюза. Грузия потребовала допросить Борисова, но российские и абхазские власти убедительно опровергли факты причастности Борисова к терактам, заявив, что а) среди миротворцев никогда не было никакого Евгения Борисова; б) он покинул Абхазию 15 августа 2010 г.

Гогита Аркания служил в грузинской армии в 2008 году, но во время войны был в Ираке. Собирался в полицию, но не прошел тест на *IQ*. Двое его дальних родственников, Марина Николаева и Джонни Абуладзе, хранили бомбы за 150 дол. в своей однокомнатной квартире, с маленькими детьми, в платяном шкафу.

«Они тупые, — говорит мне Вано Мерабишвили, — ты не представляешь, какие они тупые. Вот я тебе расскажу случай: этим, которые хранили бомбы, звонит соседка и спрашивает: «У моего ребенка 39, что делать?» А та отвечает: «Напои его кофе с солью». Девочка, которая подслушивала, чуть не закричала в трубку: угробите ребенка, сволочи!»

Первую свою бомбу Гогита подложил 2 октября 2010 года под железнодорожный мост близ деревушки Халадиди; взорвать он ее не взорвал, но, если верить грузинскому МВД и предоставленным им детализа-

циям, позвонил по телефону, зарегистрированному на имя заместителя майора Бориса Андрея Горячева. Грузины уверяют, что он отчитался в проделанной работе, а в ответ на вопрос: «А почему ничего нет в новостях?» — объяснил, что взрыв держат в тайне, потому что в стране гостит высокая делегация НАТО.

На следующий день, в 9.30 утра, один из сотрудников Борисова, Александр Берченко, позвонил по горячей линии мониторинговой миссии ЕС и сказал, что вот, мол, к нам с той стороны перешли люди, и сказали, что был взрыв на перегоне Поти—Сенаки, и много жертв, а у них наготове «скорые», и Россия по-братски готова помочь. (Представитель миссии Стив Берд подтвердил факт разговора.)

В миссии удивились и сказали, что нет, ничего подобного, а 7 октября у Халадиди (на перегоне Поти—Сенаки) и вправду нашли бомбу. Ее принес в полицию местный мингрел.

Надо сказать, что история эта имела продолжение: в октябре мингрелу выдали премию, а к Новому Году он объявил, что нашел вторую! Полиция заволновалась: ведь Гогиту Аркания арестовали 4 декабря! Но оказалось, что хитрый мингрел разделил бомбу на две половинки: одну сдал, а другую припрятал. Полиция второй раз премии ему не дала и сказала, чтобы он больше так не делал.

Впрочем, хоть Гогита и был слаб на *IQ*, одно все-таки соображение он имел: он мудро считал, что бомбы надо подкладывать туда, где меньше телекамер. Поэтому, когда Гогита подкладывал бомбу на Тбилисский вокзал, он подложил ее на задворки, где она взорвалась без вреда. А когда он взрывал бомбу у стены аме-

риканского посольства, он на всякий случай взорвал не стену посольства, а соседнюю.

Тем не менее глупость глупостью, а американское посольство все-таки пострадало. И ФБР заинтересовалась майором Борисовым по тем же причинам, что и бен Ладеном. Ведь получалось, что бен Ладен взрывает посольства США, а еще — майор Борисов. В апреле 2011 года госсекретарь США Хилари Клинтон на встрече с главой МИД России Сергеем Лавровым заявила, что у США имеются доказательства причастности российских военнослужащих к терактам, и потребовала их прекратить.

Увы! 2 июня, сразу после неудачи мирного митинга, который должен был покончить с кровавым режимом Саакашвили, грузинское МВД поймало новую группу диверсантов, а 6-го — еще одну. Судя по всему, по эту сторону Кавказского Хребта неудачу мирного митинга приняли близко к сердцу. Но об особенностях разгона кровавым режимом мирного митинга — дальше.

Ставка на лузеров

Как могли заметить читатели первых двух частей этого повествования, те, кто проводил грузинские реформы, и те, кто им мешал, несколько отличались уровнем интеллекта.

Согласитесь, супермаркет госуслуг, где машину можно зарегистрировать за 15 мин, это один уровень интеллекта. А хранить в однокомнатной квартире за 150 дол. 10 кг гексогена, по 15 дол/кг, — это другой уровень интеллекта.

В этом смысле злая воля Кремля играла двоякую роль. С одной стороны, Кремль раз за разом наносил страшные удары по самому уязвимому месту Грузии — торговому балансу и инвестициям. С другой стороны, ничто так, как Кремль, не мобилизовало реформаторов и не маргинализировало оппозицию. Если вы помните, стимулом в Риме называлась острая палка, которой кололи быка. Так вот, Кремль — такой же стимул для Грузии, как арабы — для Израиля.

Попытки Кремля убрать Саакашвили «конституционным путем» породили целую череду политических аферистов, разводящих российские власти на очередную порцию денег под окончательное решение грузинского вопроса.

Еще в 2006 году мелькнул и закатился Гиоргадзе с его шутовской партией; в 2008-м питерский бизнесмен Александр Эбралидзе вдруг заявил о своем намерении баллотироваться в президенты Грузии; среди жаждущих бороться с кровавой тиранией отметился даже Леван Пирвели, проживающий в Австрии и составивший себе состояние торговлей электричеством тогда, когда в Тбилиси не было света. А в 2009-м Путин пришел на день рождения Примакова и заявил, что вопрос воссоединения территориальной целостности Грузии вполне разрешим, если этим займется Евгений Максимович.

Грузинский политик, столующийся в Кремле, имеет в Грузии не больше шансов, чем в Израиле — оппозиционер, получающий деньги от ХАМАС. Это было понятно даже оппозиции, и поэтому она в Москву не спешила. Но рано или поздно эти два тренда — стремительная маргинализация оппозиции и привычка

Москвы ставить на явных мошенников — должны были пересечься, и после провала митингов 2009 года грузинская оппозиция потянулась в Кремль. При этом нельзя было сказать, что эти люди ехали в Кремль, а потом теряли рейтинг. Они сначала теряли рейтинг, а потом ехали в Кремль.

Смотрите, кто пришел

Первым в Кремль протоптал дорожку бывший премьер Ногаидели. Партия Ногаидели даже заключила союз с «Единой Россией», но кремлевские смотрины не прошла. Кремль все-таки очень ориентирован на мнение консультантов из *ci-devants*, тбилисских аристократов из квартала Ваке, той интеллигенции, которая оскорблена тем, что новое демократическое правительство уравнило их с простыми мужланами, и которая выкрикивает на митингах националистические, а то и прямо нацистские лозунги (типа — «Саакашвили ненавидит Грузию, потому что он армянин», — как повторял ни раз и ни два один из идейных наставников оппозиции, знаменитый грузинский режиссер Роберт Стуруа). Для квартала Ваке Ногаидели всегда останется «парвеню» и «деревенщиной».

Другое дело — Нино Бурджанадзе. Она — само воплощение идеалов Ваке, этой грузинской Вандеи. Дочь секретаря райкома, а после, во времена Шеварднадзе и очередей за хлебом, — главы грузинского «Хлебопродукта». (О, эти советские чиновники, крепко переплетенные с советскими же цеховиками и с советскими же ворами, вроде друга семьи Таро Ониани.) Нино

Бурджанадзе заняла пост спикера парламента еще до революции и стала членом революционного триумвирата именно как посредник и символ плавного перехода между старой и новой Грузией. «Встретиться с Бурджанадзе в 10 утра никогда не было возможно, потому что в это время она всегда у парикмахера», — ехидно сказал мне Каха Бендукидзе. «Говорят, главной проблемой ее пиарщиков было убедить ее не появляться на митингах в бриллиантах и мехах», — заметила мне журналистка Сафо Букия.

Нино Бурджанадзе оставалась членом правящей коалиции вплоть до последних парламентских выборов, на которых она потребовала число мандатов, непропорционально большое к скромным рейтингам ее партии. Саакашвили отказал. Бурджанадзе ушла в оппозицию. Видимо, она надеялась занять «прозападную» нишу, но это место оказалось занято Ираклием Аласания, бывшим спецпредставителем Грузии при ООН. К тому же рейтинг Бурджанадзе даже в родном Кутаиси упал чуть ли не до статистической погрешности: не всем в Грузии нравятся бриллианты, образовавшиеся тогда, когда население сидело без хлеба. И Бурджанадзе поехала в Кремль. О чем она договаривалась там, можно судить по простодушной реплике видного члена партии жуликов и воров Сергея Маркова: «Все говорили ей, что для этого еще ничего не готово, но она все равно решила продолжать».

После того как «Народная партия» объявила о подготовке к митингам, кровавый режим всадил ей жучок в системный блок компьютера. Этот-то жучок и записал разговор матери со своим сыном Анзором, где будущий «мирный митинг» обсуждается во всех

подробностях: «500 жертв», «египетский вариант», «власть комитету», «чрезвычайное положение» и, наконец, завершающая фраза Анзора Бицадзе: «Если Коджорский батальон в меня выстрелит, первую атаку отобью. А потом пусть выясняют отношения со спецназом ГРУ».

Трудно представить, какой хохот последняя фраза вызвала в Грузии. Ведь если этот разговор прочтет посторонний, он может подумать, что Анзор Бицадзе — это такой молодой Александр Македонский, храбрый отпрыск неистовой Олимпиады. На самом деле Анзор Бицадзе — отборный экземпляр «золотой молодежи», известный разве страстью к автомобильным гонкам. Помните тех четырех идиотов, которые устроили в Женеве гонки на отцовских «мазератти» и «ламборгини»? Вот представьте, если бы они вместо гонок затеяли свергать кровавый швейцарский режим.

Кроме Анзора Бицадзе свержение кровавого режима готовили и другие, не менее достойные кадры. А именно — генерал Учава, который еще при Шеварднадзе умудрился быть арестованным за заговор (как мы помним, обычно при Шеварднадзе за это давали повышение), и очередной плюсквамперфектум от госбезопасности Батиашвили, который два года отсидел в тюрьме за помощь сванскому мятежнику Эмзару Квициани.

8 мая борцы за свободу собрались на ужин в ресторане «Сказка» и начали обсуждать технологические подробности мирного митинга. «Мы пойдем клином и нарушим строй», «Направления этого спецназа мы знаем». «Откуда какой автобус идет — и это мы тоже знаем». «У нас есть организованные вот эти клятвен-

ники, да?!» «И к ним могут прибавиться другие организованные группы». «Мы должны реально знать, кто эти “боевики”». «Если мы знаем, что их не 500, а 50, мы рассчитаем на 50».

«Клятвенники», о которых рассуждают в «Сказке» — это 4 тыс. человек, которые, по словам Нино Бурджанадзе, должны были защищать мирный митинг от провокаций властей, а по показаниям арестованного Учавы, «полувоеенная организация, в вооружение которой входили щиты и древки от флагов. Древки от флагов использовались как дубинки». Согласно Учаве, на вооружении мирных демонстрантов должны были состоять «рогатки, из которых можно стрелять железными шариками», и коктейли Молотова — жечь машины и занимать телевидение.

«Другие организованные группы», упоминаемые борцами за свободу, — это отряд, сидевший в Квинцвисском монастыре.

В отряде было аж 24 человека, входивших в созданное незадолго до митинга «Национально-религиозное движение» во главе с Никой Гогуадзе. Движение должно было бороться против аморальности и растленного Запада, а также правительства, продавшего страну растленному Западу. Реально движение подчинялось генералу Хачишвили, бывшему члену «Мхедриони», сбежавшему вместе с Гиоргадзе в Москву после покушения на Шеварднадзе, а финансировал все это, якобы, московский бизнесмен Владимир Хомерики, который создал в Москве вместе с Хачишвили Фонд «Единения Российского и Грузинского народа» и постоянно давал пресс-конференции, на которых рассказывал, что «истинным оккупантом Грузии является

антинародная власть» и «в Грузии сложилась революционная ситуация».

Связь с мужем Бурджанадзе борцы против аморальной и антинародной власти держали с помощью шифровальной книги. Разговоры Хачишвили с Гогуадзе, перехваченные МВД, до слез напоминают лучшие страницы расследования ФБР про «шпионов-клоунов».

«Мы у Бадри». — «Помнишь, я тебе дал книгу?» — «Да, помню». — «Если ты принесешь эту книгу, потом не уходи. По этой книге я скажу тебе одно предложение, которое будет тем, что я хочу сказать». — «Хорошо». — «Давай диктуй». — «Третья страница». — «Понятно». — «Первое, восьмое. Первое, второе. Первое, четвертое. Второе, первое и все». — «Хорошо». — «Вот это предложение расшифруй».

Участникам группировки обещали, что на помощь им из Южной Осетии выдвинется еще 2000 грузин. «В Южной Осетии в эти дни было такое настроение, что вот, сейчас идем брать Тбилиси», — отмечает бывший глава администрации Южной Осетии Дмитрий Санаков.

Вы спросите: а почему же грузинское МВД заранее не разоблачило эти планы? Ответ: если бы Вано Мерабишвили заявил, что Нино Бурджанадзе планирует вывести на улицы Тбилиси 30 тыс. человек, все бы решило, что Мерабишвили сошел с ума.

Соперники

Упомянутый выше разговор Анзора Бицадзе с матерью начинается предложением «кинуть Грузинскую

партию». Дело в том, что Нино Бурджанадзе была не единственная из российских политиков, которые поехали в Кремль. За почетное право именоваться членами «Единой России» с ней соревновалась «Грузинская партия» Ираклия Окруашвили, финансируемая Константином Гогелия, грузинским бизнесменом, проживающим в Швейцарии и женатым на первой красавице квартала Ваке, несравненной Маке Асатиани.

«Комосомолка» именует его главным финансистом «Грузинской партии», «Нефть и капитал» — «главой швейцарской компании *Progetra SA*, которая выступает инвестором ряда проектов нефтеналивных терминалов в России». Однако бизнесмены, реально работающие в этой сфере, характеризуют Гогелию как некрупного игрока, владеющего выносным мазутным терминалом в Мурманске и работавшего раньше с «Сибнефтью», а теперь — с «Газпромнефтью». Трудно сказать, откуда у небольшого нефтетрейдера деньги на большую политику, впрочем, такая жена обходится, вероятно, дороже такой партии.

Где-то за месяц до митинга г-н Окруашвили, живущий сейчас во Франции, выступил по оппозиционному телеканалу «Маэстро» и заклеил позором посольство США как «тот кран, откуда течет все зло». Получалось, что майор Борисов взрывает «кран зла», а Окруашвили его клеймит. После этого «Грузинская партия» отправилась к крану зла на демонстрацию.

В итоге «Народное собрание» Бурджанадзе объявило начало революции на 21 мая, а его конкуренты из «Грузинской партии» обиделись и назначили революцию на 9 мая. Получалось сразу две революции.

*Киргизский сценарий,
или Финансовая пирамида*

Глава МВД Вано Мерабишвили заметил мне, что все очень походило на «киргизский сценарий» — вооруженные бандиты, которых завозят с гор, правительство, которое в отчаянии стреляет по демонстрантам, — а дальше пошло-поехало. Категорически не согласна. Никакой Киргизией тут и не пахнет, а пахнет обыкновенной российской экономикой РОЗ — Распил-Откат-Занос.

Вот, например, вы в долгах, ваш нефтеналивной терминал — и тот в аренде, вокруг военные, права собственности сомнительны, и вам позарез нужно козырять какими-то фамилиями. И вы тычетесь в предбанники российских джедаев и рассказываете, что если оказать вам поддержку, вы свергнете американскую марионетку Саакашвили, которая ничего не понимает в экономике и продает страну Западу. Сколько вы заработаете? Ну, несколько миллионов долларов. А сколько вы потратите на борьбу с кровавым режимом? Правильно, чем меньше вы потратите, тем меньше вы потеряете.

С самого 21 мая все пошло не так. Никаких 30 тыс. на митинг не вышло, а вышло максимум 7 тыс. чел. «Грузинская партия» (та самая, которую Анзор предлагал «кинуть») на митинг 21-го не пришла, а вместо этого Окруашвили заявил, что он вернется в Тбилиси 25-го и кровавый режим падет.

Дальше — больше. Гогелия и Окруашвили в доказательство того, что они действительно собирались прилететь в Тбилиси 25-го, опубликовали в сети 2 билета

«Мюнхен-Тбилиси», рейсом LH2556, на имя Гогелии и Окруашвили. Это, наверное, было впервые в истории, чтобы два билета бизнес-класса публиковались в качестве доказательства серьезности намерений революционеров. Но это еще не все: дело в том, что кровавый режим сфотографировал Гогелию возле дома в Москве вечером 24-го, вместе с вице-президентом фонда уже упоминавшегося Александра Эбралидзе. (Как он собирался телепортироваться в Мюнхен, непонятно.)

Зато на митинг пришел другой оппозиционер, Леван Гачичеладзе (Гречиха) и поцеловал Нино в знак примирения. Дело в том, что после того, как Бурджанадзе ушла в оппозицию, ее муж заявил, что Гачичеладзе в 2009-м получил от Саакашвили 2 млн. дол. за прекращение народных протестов, отчего и огреб от Гречихи по репе в Мюнхенском аэропорту.

Никаких 4 тысяч «покаявшихся» тоже не образовалось. Я сильно подозреваю, что из 74 отделений партии 70 возглавляли полицейские агенты. Они, конечно, докладывали, что у них под ружьем по 500 человек, но в день митинга пропали, доложив начальству, что кровавый режим «задержал автобусы».

«КамАз», которым полагалось ломать ворота телевидения, кровавый режим спер по дороге. Сперли грузовики с баннерами, насаженными на крепкие палки, — срочно пришлось закупать на базаре вместо палок белые водопроводные трубы и резать их на части. Пропали рогатки — их изготовлял агент МВД. Когда я услышала про рогатки, у меня, признаться, аж челюсть отвисла, и я спросила Шоту Утиашвили, официального представителя МВД:

— Шота, а вы уверены, что «коктейль Молотова» был настоящий? Может, вы туда вместо бензина водички налили?

На что г-н Утиашвили заверил меня, что бензин был настоящий и что МВД скупилло все огнетушители в Закавказье. «Каждый полицейский был вооружен огнетушителем», — заверил он.

22-го утром на митинге поймали генерала Учаву. Полицейская машина выдернула его из рядов митингующих, как репку из грядки, закинула в машину и повезла. Митингующие, увидев это, схватились за палки и начали колотить машину. Зрелище мирного митинга, лупцующего полицейскую машину (напомню, что полиция пользуется доверием 87 % населения), показали по всем новостям. Получил в репу и соратник Окруашвили Эроси Кицмаришвили, правда, не от властей. Его побил товарищ по партии Кока Гунцадзе, про которого Эроси вроде бы настучал Гогелии, что тот ворует у Гогелии деньги.

К 26-му все надежды пошли прахом. На митинге оставалось едва семьсот человек, вместо Окруашвили находился только билет бизнес-класса, генерал Учава сидел в участке и пел, что твой соловей. У мирного митинга оставалась последняя надежда — добиться того, чтобы власть его разогнала, и потом жаловаться в ООН и Спортлото.

В 2009-м митингующие, как мы помним, и этого не смогли добиться, сколько ни перекрывали Саакашвили дорогу в ресторан. Но в 2011-м они поступили умнее. Дело в том, что на 26 мая на проспекте Руставели должен был пройти парад в честь 20-летия независимости, и если в 2009 году Саакашвили не препятствовал лю-

дям, не пускавшим его в ресторан, то отменить парада он не мог. Потому что это означало бы, что в Грузии правит не президент, которого выбрал народ, а люди с белыми палками.

В ночь на 26-е на площади был проливной дождь и 700 человек. Сразу после полуночи полиция и начала операцию по аресту. Это был именно арест, а не разгон. МВД прекрасно понимало, что если просто разогнать «клятвенников», то они соберутся на следующий день, чтобы сорвать парад.

Поэтому задача полиции была — вытеснить всех на широкое место (где никто не помрет от газа), арестовать, рассортировать и активистам дать по 60 суток. А задача активистов была — противиться до последнего и добиться если не 500 трупов и вмешательства спецназа ГРУ, то, как минимум, негодования мировой общественности.

Не получилось ни у тех, ни у других. В грузинском правительстве было две партии. Одна считала, что вытеснять митинг к оцеплению нужно водометами и газом, другая считала — что дубинками. Победила та партия, которая была за водометы и газ, но в момент операции в Тбилиси шел проливной дождь. В связи с проливным дождем водометы оказались, мягко говоря, бесполезны, да и газ по той же причине не сработал, в итоге все свелось к дубинкам.

Кортеж Бурджанадзе рванул с митинга, передавив кучу народа (двоих — насмерть), и так как один из убитых был полицейским, полицейские пришли в негодное расположение духа. На кадрах отчетливо видно, как полицейский лупцует по лицу человека, руки которого заломлены за спиной; впрочем, правда и то, что боль-

шинство активистов добром на асфальт ложиться не хотели, тем более, что на асфальте было зябко и мокро.

Ираклий Окруашвили не приехал: ни из Мюнхена, ни из Цхинвали. Так бывший министр обороны Грузии потерял возможность выполнить свое обещание побывать в Цхинвали на танке. Правда, это был бы не грузинский танк, а российский, но все равно, согласитесь, это был бы танк.

Нино Бурджанадзе

Я встречаюсь с Нино Бурджанадзе уже через неделю после разгона митинга. «Народная партия» занимает отличный особняк в центре Ваке. Один пост с охранниками и помощниками находится на первом этаже; вторая партия секретарш и помощниц сидит на втором, а третья порция секретарш и помощников сидит в приемной. Если бы количество власти измерялось количеством секретарей, Нино Бурджанадзе была бы самым могущественным человеком в Грузии.

Нино Бурджанадзе, как всегда, безукоризненно одета, наманикюрена и причесана, как и подобает бесстрашному бойцу с кровавым режимом. Никаких сомнений в том, что произошло, у г-жи Бурджанадзе нет: кровавая диктатура разогнала мирный митинг, чьи организаторы никак не связаны с российскими властями, и чьи участники не получали ни копейки денег. В разговоре она скромно сравнивает себя с белыми генералами, боровшимися против диктатуры большевиков и с участниками демонстрации против вторжения в Чехословакию.

«А на что вы рассчитывали, надеясь собрать 30 тыс. человек?» — спрашиваю я. «А я их собрала». — «А что это за слова про «500 трупов» и «спецназ ГРУ?» — «Эти слова вырваны из контекста. Мы говорили о том, что готовы принести себя в жертву во имя Грузии, и что если Саакашвили решится на кровопролитие, это может привести к вмешательству России». — «А почему ваш мирный митинг был вооружен “коктейлями Молотова”?» — «Никаких “коктейлей Молотова” не было». — Как получилось, что ваши машины задавили двух человек?» «Это были не мои машины».

Я спрашиваю об одинаковых белых палках, которыми были вооружены митингующие, и Нино Бурджанадзе отвечает, что это были не палки, а древки от баннеров, похищенных кровавым режимом.

— Им было жизненно важно, чтобы мировое сообщество не увидело, что написано на баннерах, — говорит г-жа Бурджанадзе. — А на них было написано: «За свободу».

Напоследок я спрашиваю г-жу Бурджанадзе, почему, если Саакашвили — кровавый тиран, она до сих пор в узилище. «Вот и я вас хочу спросить — почему?» — восклицает Нино Бурджанадзе.

Президент

Мы встречаемся с президентом Саакашвили на летном поле аэродрома в Батуми. Президент только что вернулся с открытия таможенного терминала в Сарпи (который водитель проезжает, не выходя из фуры, и где главная проблема в том, что турецкие таможенники

коррупцированной грузинских). 26 мая (в день несостоявшейся революции) он открывал в Батуми Дом Юстиции — где за 15 мин. можно получить паспорт или зарегистрировать компанию.

— Чего хотела Нино Бурджанадзе? — спрашиваю я президента.

— Я не думаю, что это она хотела. Это хотели те, кто ее поддержал. Я думаю, что они хотели прежде всего телевизионную картинку, — пожимает плечами президент.

Президент добавляет, что 26 мая было как раз перед «восьмеркой», и вот, «восьмерка» должна была обсуждать Ливию, а у Медведева появлялся шанс сказать, что в Грузии, мол, свой Каддафи. И замять тем самым вопрос терактов на территории Грузии — в том числе и против американского посольства.

— Что будет дальше?

— Ничего не будет. Провокация не удалась. Ни одна из западных стран не задалась идеей это поддержать. Если в 2007-м были разные оценки, то сейчас все послы заявили, что мы легитимны в своих действиях.

— Что для вас самое главное сейчас?

— Стать вторым Сингапуром.

СИНГАПУР: THE BRAVE FUTURE WORLD

Так уж получилось, что на Земле вдоль экватора располагаются социальные помойки. Папуа Новая Гвинея, Эквадор, Конго, Судан, Гаити, Карибы, Ямайка, дельта Амазонки, Маршаллы и Соломоновы острова, и пр., и пр., — все это какой-то паноптикум лениости, коррупции, и политиков-демагогов, покупающих своих избирателей за мешок с рисом и объясняющих все беды страны происками проклятых колонизаторов. Бывший премьер-министр Малайзии Махатхир даже выдвинул на этот счет специальную теорию. Малайцы, по его словам, ленивы. А ленивы они потому, что вокруг и так все растет.

И вот ты прилетаешь в крошечный Сингапур, который отделен от «ленивой» Малайзии проливом шириной в километр, и попадаешь в страну, которая занимает третье в мире место (рейтинг *IMF*) по уровню ВВП на душу населения, первое в мире по легкости ведения бизнеса (рейтинг *World Bank*), и делит вместе с Данией и Новой Зеландией первое место по отсутствию коррупции (рейтинг *Transparency International*).

Ты едешь по улицам, которые называются «улица Китченера», «улица Напьера». Их почему-то не переименовали в улицу Ким Чен Ира и улицу председателя Мао. И первый же таксист-малаец, который везет

тебя из аэропорта, не говорит «они нас обидели». Он говорит: «мы — страна первого мира».

Я с таксистом не согласна. Первый мир — отдыхает. К тому же, Сингапур неправильно было бы назвать «страной». Это такой город/государство/корпорация. City/State/Corporation.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ЗЕЛЕНЬ

Первое, что ты видишь в Сингапуре — это зелень. Есть города, в которых расположены парки. А Сингапур — это парк, в котором расположен город. Более зеленого города (причем везде, в любом районе, в Сингапуре нет не зеленых районов, так же как нет трущоб или гетто), я в жизни не видела, ему уступает даже великолепный, божественный Сантьяго-де-Чили, в котором широкие проспекты между небоскребами тоже залиты зеленью.

Зелень — и чистота. Единственный, кто мусорит в Сингапуре — это деревья, их так много, что город с чудовищным популяционным давлением воспринимается как экваториальный заказник. И это настолько органично, что кажется — так было всегда. Экватор все-таки.

На самом деле экосистема города/государства/корпорации Сингапур абсолютно искусственна. Экваториальные дождевые леса — весьма неустойчивая экосистема. Если такой лес вырубить, вода тут же вымывает из почвы питательные вещества, а реки превращаются в сточные каналы. В начале XX века в перенаселенном колониальном Сингапуре все вытаптывалось людьми,

съедалось коровами, а река Сингапур была сточной клоакой, которую можно было унюхать раньше, чем увидеть.

Чтобы превратить Сингапур в парк, пришлось посадить миллионы деревьев и кустарников. Специальные команды, разосланные по всему миру, привезли отовсюду 8 тыс. разновидностей растений, и 2 тыс. из них принялись в Сингапуре. Закислившиеся почвы известковали и удобряли. С берегов реки Сингапур отселили 900 тыс. свиней, которых разводили на 8 тыс. ферм.

Теперь в Сингапуре есть только одно место, где прямо-таки несет дерьмом. В Сингапуре есть третий по величине в мире нефтехимический комплекс. Он находится на острове *Jurong Island*, сделанном из соединенных между собой искусственными насыпями семи островов. А прямо напротив ректификационных установок и разгружающихся танкеров расположен уникальный *Birdpark* с уникальными коллекциями птиц и самым высоким в мире искусственным водопадом. И вот в этом птичьем парке от розовых фламинго и прочих обитателей воняет так, что мама не горюй.

То же самое и с чистотой. 80 % населения Сингапура были китайцы, а у китайцев есть привычка, такая же древняя, как «Книга Перемен», — плевать под ноги. В материковом Китае в ресторанах до сих пор стоят плевательницы с многомесячным содержимым.

И зелень и чистота были внедрены в Сингапуре драконовскими мерами. Двадцать лет на каждом перекрестке стоял полицейский и штрафовал тех, кто плюнул. Коров, пасшихся в городе, сдавали на бойню. (В 1964 году они паслись под окном премьерского

кабинета.) Запретили тысячелетнюю китайскую привычку — фейерверки, запретили столетнюю американскую привычку — жвачку. После двадцати лет плевать перестали.

История создания города-парка из заплеванной помойки мне кажется совершенно символичной по двум причинам. Во-первых, огромное количество стран очень любит сохранять свои экосистемы. Самый простой пример — Австралия. Там в аэропорту тебя обнюхивает специальная собака на предмет того, не привез ли ты в Австралию чужое яблоко. Премьер Сингапура Ли Куан Ю действовал наоборот: *он привозил деревья, как инвесторов, со всего мира. Он не сохранял экосистему. Он создавал ее.*

Во-вторых, великий руководитель всегда внимателен к деталям. Плохой руководитель внимателен только к деталям. Он будет ходить по улицам проверять, чтобы не плевали, а за его спиной будут красть миллионы. А вот великий руководитель внимателен и к деталям. Он будет истреблять коррупцию железной рукой, но отучить людей плевать на улицах он тоже не забудет.

МЕМУАРЫ

Современный Сингапур создали премьер Сингапура Ли Куан Ю и его команда. Ли Куан Ю написал потрясающие и совершенно политически некорректные мемуары, которые я всем рекомендую прочесть. И для тех, кто этих мемуаров не читал, я отмечу несколько политически некорректных вещей.

В своих мемуарах Ли Куан Ю пишет, что он — большой поклонник насилия, *a great believer in violence*. Так получилось, что Ли Куан Ю, который получил английское образование и на английском говорил долгое время лучше, чем на китайском, японскую оккупацию пережил в Сингапуре. Ли Куан Ю пишет, что именно японская оккупация убедила его в эффективности насилия: нищета в Сингапуре была абсолютная, но преступность была почти на нуле, потому что японцы по любому поводу расстреливали на месте.

Напомню, что в Сингапуре до сих пор смертная казнь за провоз наркотиков: иначе этот торговый хаб превратился бы в рассадник наркомании. И что в Сингапуре до сих пор существуют телесные наказания. В 1993 году в Сингапуре приговорили к шести ударам палками американского гражданина, и американская пресса орала как резаная.

Ли Куан Ю не раз с презрением отзывался о суде присяжных. Опять-таки на основе собственного опыта. Еще когда Сингапур был английской колонией, Ли Куан Ю, которого тогда гораздо чаще звали Гарри Ли (у всех сингапурских китайцев два имени, одно английское, перед фамилией, другое китайское, после фамилии), добился от присяжных оправдания четырех подонков, убивших в ходе расовых беспорядков английского офицера, и сделал вывод, что двенадцать неграмотных обывателей легко становятся добычей ловкого адвоката.

Ли Куан Ю много раз с большим скепсисом отзывался о всеобщем избирательном праве. Он с восхищением пишет о Гонконге, где люди не имеют

социальной страховки и потому добиваются большего. Будучи выборным политиком, — сетует Ли Куан Ю, — он не имел такой свободы, как колониальная администрация, не подотчетная избирателю. Ли Куан Ю заявляет, что идеальной системой была бы та, которая предоставляла бы ответственным людям — главам семей — пропорционально большее количество голосов.

И вот такой человек пришел к власти в Сингапуре в результате демократических выборов в 1959-м, во главе социалистической партии, которая называлась *People's Action Party* и которая первоначально блокировалась с коммунистами, а потом стала их злейшим врагом.

Он победил в тяжелой политической борьбе. Достаточно сказать, что ему, англоязычному китайцу, приходилось митинговать на китайском, который он знал куда хуже, чем неграмотные коммунисты. Поэтому Ли Куан Ю выучил мандарин. А так как большинство китайцев в Сингапуре говорило не на мандарине, а на хоккиен, ему пришлось выучить и хоккиен, причем так, чтобы перекрикивать коммунистов. А так как кроме китайцев, в Сингапуре были еще и малайцы, то пришлось выучить и малайский.

Ли Куан Ю стал премьером, когда Сингапур еще был частью Малайзии, а в 1965 г. случилась абсолютная катастрофа: Сингапур вышел из состава Малайзии ввиду непреодолимых национальных противоречий. Политика Малайзии всегда имела значительную долю национальной нетерпимости; сейчас эта национальная нетерпимость все более переходит в религиозную.

Выжить было нельзя

В 1965 г. перед Сингапуром стояли две основные проблемы. Первая — физическое выживание государства. Сингапур — это не Карибы, где США никогда не станут захватывать и никому не позволят это сделать. Сингапур — это Юго-Восточная Азия, где в середине 60-х не было иного регулятора, кроме силы. Это крошечный остров, без ресурсов, без защиты, в котором англичане сделали свой хаб именно потому, что он был остров, а Великобритания была морская империя, и стенами этой империи были борта ее кораблей.

Как только англичане ушли, островное положение Сингапура из преимущества превратилось в колоссальную слабость. Достаточно сказать, что у Сингапура не было даже питьевой воды. Ее импортировали по водопроводу из Малайзии, и Малайзия, чуть что, перекрывала Сингапуру кран, как Россия — Украине. Сингапур импортировал воду, очищал ее... и экспортировал обратно, в Малайзию.

Как только Сингапур вышел из состава Малайзии, он потерял свою роль административного, делового и военного центра Юго-Восточной Азии. Британия покинула Сингапур. Малайзия закрыла для него рынок. Индонезия фактически объявила ему войну.

То есть первой задачей Ли Куан Ю было сделать так, чтобы Сингапур было невыгодно и невозможно завоевать.

Вторая проблема была — коммунисты. Сингапур был китайским и нищим. Только в начале XX века в

Сингапуре было 20 тыс. рикш, исполнявших обязанность тяглового скота.

Это было время расцвета китайского коммунизма. Китай председателя Мао в этот момент воспринимался в Азии как символ достижений желтой расы. Китайский коммунизм был максимально эффективен в том, что касалось насилия и лжи. Даже сталинский Коминтерн не идет ни в какое сравнение с пропагандистско-диверсионной машиной Мао.

В своих мемуарах г-н Ли рассказывает одну замечательную деталь: Ли Куан Ю сначала очень нравилось, как коммунистическая толпа спонтанно хлопает оратору. А потом он заметил, что толпа хлопает не спонтанно. Что в ней есть особые люди, которые подают сигналы. И что в свободное от митингов время эти люди вместе с подручными собираются в лесу и отрабатывают приемы хлопанья по сигналу.

Казалось, нищий Сингапур, переполненный кули и чернорабочими, раздираемый расовыми противоречиями, Сингапур, откуда ушли англичане, забрав с собой правящую элиту и уничтожив рабочие места, — экваториальный перенаселенный остров с клоакой вместо речки и коровами, пасшимися под окном премьерского кабинета, был обречен. Либо на коммунистический переворот, либо на завоевание Малайзией или Индонезией, расположенными соответственно в 1 и в 20 км от Сингапура, (через Джохорский и Сингапурский пролив).

Что сделал Ли Куан Ю? В общем-то — с поправкой на эпоху — то же самое, что Фридрих Великий и другие монархи времен просвещенного абсолютизма.

Транснациональные корпорации

Ли Куан Ю пригласил в страну транснациональные корпорации. В то время, когда все вожди развивающихся стран и политически корректные экономисты рассказывали, что транснациональные корпорации являются эксплуататорами, вытягивающими из стран «третьего мира» последние ресурсы, сингапурская *Economic Development Board* обивала пороги всех транснациональных корпораций.

Первыми — в конце 1968-м — они буквально заманили в страну *Texas Instruments*. За ним пришел его главный конкурент, *National Semiconductor*. За ним — *Hewlett-Packard*. К 1980-м Сингапур был уже одним из главных экспортеров электроники. К 1997-му около 200 американских компаний вложили в Сингапур 19 млрд. дол. К 1990-м Сингапур стал третьим в мире центром нефтепереработки после Хьюстона и Роттердама. К началу XXI века он стал крупнейшим финансовым хабом Юго-Восточной Азии. За сорок лет правления Ли Куан Ю ВВП на душу населения увеличился в 40 раз. Для сравнения: в золотой век роста США, с 1850-го по 1900-й, ВВП США на душу населения увеличился в 13 раз.

Присутствие транснациональных корпораций не только обеспечивало безопасность страны (понятно, что Сингапур с начинкой из 200 американских компаний, сожрать опасней, чем Сингапур без такой начинки), но и ограничивало власть ее руководства. Это очень важный момент: инвестора, в отличие от избирателя, не обманешь. Когда диктаторы освободившихся колоний пугали свой народ рассказами про страшные

транснациональные корпорации, переводилось это так: мы не хотим быть связанными мировой экономикой, а уж вас, избиратели, мы как-нибудь сможем обмануть. Ли Куан Ю мог сажать оппозицию, но пальцем не трогал инвесторов.

Образование

Ли Куан Ю с самого начала уделял огромное внимание образованию. Правительство оплачивало лучшим студентам образование за рубежом в обмен на последующую работу в правительстве. При этом зарплата, которую получает правительственный чиновник, аналогична зарплате, которую он получает на схожем по ответственности посту в коммерческой корпорации.

В Сингапуре, где 80 % населения составляли китайцы, все говорят на английском. Все высшее образование — только на английском. Недавние нейролингвистические исследования показали, что мозг сингапурца в языковом отношении работает принципиально по-другому, чем мозг любого другого обитателя Земли. Везде родной язык хранится в правом полушарии, а второй, выученный, — в левом. У сингапурских китайцев английское и китайское слово, обозначающее, к примеру, «ложка», хранятся не только в одном и том же (правом) полушарии, но и записаны в одном и том же нейроне. Ли Куан Ю сумел полностью навязать стране чужой язык.

Сейчас образование в Сингапуре — одно из лучших в мире. Уровень математических успехов школьников самый высокий в мире и выше даже Китая, не говоря

уже о США, однако правительство по-прежнему посылает лучших в *MIT* и Гарвард.

Такая образовательная политика имела два побочных эффекта: во-первых, она фактически обескровила частный бизнес в Сингапуре. Сингапурские госкорпорации успешней многих транснациональных, однако частных миллиардеров в Сингапуре почти нет, если не считать строительства и финансов. (Как правило, эти миллиардеры в школе не очень успевали.) Весь Сингапур является государством-корпорацией.

Второй побочный эффект заключался в том, что такая политика обескровила оппозицию. Она лишила ее и мозгов, и потенциальных источников финансирования.

Третий побочный эффект такой политики упоминают реже всего, но он мне кажется самым важным. Дело в том, что, как вы уже, наверное, заметили, в Сингапуре не очень хорошо с демократией.

То есть положение с демократией лучше всего живописует рейтинг *The World Audit on corruption, democracy and freedom of press*, который дает Сингапuru 1-е место в мире по отсутствию коррупции, 69-е — по демократии, и 111-е — по свободе слова.

Так вот: пример Сингапура показывает, что лучшим ограничителем для авторитарной власти является не свобода слова и даже не свобода выборов, а уровень образования и уровень присутствия иностранного капитала. Благодаря английскому и уровню образования сингапурец может уехать учиться и работать куда угодно. Но уровень *brain drain* в Сингапуре невысок: куда чаще можно встретить австрийского банкира или

немецкого биолога, приехавшего работать в Сингапур, чем сингапурца, уехавшего в Австрию или Германию.

*Рай и Рай, или Государство-корпорация
с избирателями-собственниками*

Ли Куан Ю, с абсолютным азиатским прагматизмом, никогда не верил в *welfare*. «Способности людей неравны, — напоминает он в своих мемуарах, — когда государство берет на себя те обязанности, которые должен нести глава семьи, упорство людей слабнет. Благосостояние ведет к утрате опоры на собственные силы. Люди перестают работать на благо своей семьи. Образом жизни становятся бесплатные поблажки».

Поэтому в 1960-х, когда провал европейской модели государства всеобщего благосостояния еще не был очевиден, Ли Куан Ю создал принципиально иную модель.

В Сингапуре сейчас безработица составляет 2 % от населения. Безработицы нет, потому что нет пособия по безработице. Зато есть *CPF* — *Central Provident Fund* — это частный пенсионный счет работающего, отчисления в который первоначально составляли 10 % от заработной платы (5 % платил работник, и 5 % — работодатель), а сейчас составляют 40 %.

Под эти личные деньги можно взять кредит и использовать их на покупку дешевого жилья, построенного государством. *Первое, что сделал Ли Куан Ю, — он сделал избирателей собственниками жилья, но за это жилье они платили.* Эти деньги могут быть

использованы на лечение. С 1978 г. эти деньги могут быть инвестированы в акции сингапурских компаний.

Почти 80 % сингапурцев живут в домах, которые выстроены государством, но куплены за их собственные деньги. Одна из самых удивительных особенностей Сингапура заключается в том, что внешне эти дома не всегда можно отличить от роскошных кондоминиумов (внутри, разумеется, разница колоссальная). Разница только одна: частный дом всегда огражден забором, государственный всегда без забора.

У идеи сделать из человека собственника была и другая, чисто политическая сторона. В 1960-х государственные дома покупали очень бедные люди. Некоторые из них даже забирали с собой своих кур и свиней. О том, чтобы, например, эти люди купили телевизор, и речи не было: телевизор был роскошью, его смотрели всем кварталом.

И вот при каждом квартале создавалась *People's Association*, которая обеспечивала разные социальные блага: тот же телевизор на весь квартал. И, конечно, эти первички и домкомы не состояли в *People's Action Party*. Но их члены состояли. И благодаря наличию этих домкомов и первичек народ, живущий в многоквартирных домах, очень охотно голосовал за *PAP*.

С течением времени телевизоры появились у всех, пришлось перестраиваться. Одной из форм вовлечения избирателей стало, несомненно, владение акциями, которые тоже можно оплатить из своей доли в *CPF*. В 1993-м, при *IPO Singapore Telecom*, его акции купили 90 % сингапурцев. Акции продавались с дисконтом, по специальной схеме «народного *IPO*», вышло не очень удачно: компания оказалась переоценена, цена

акций пошла вниз, те, кто купил с дисконтом, нельзя сказать, чтобы потеряли, но и не выиграли.

Возможно, поэтому государство отложило планы акционирования сначала Сингапурского морского порта, а потом и Сингапурских авиалиний. А акции выходящих на биржу компаний покупались уже по рыночной цене. Большинство их, такие, как *Keppel* (бывшие английские военные верфи, которые сейчас являются первой в мире компанией по строительству морских буровых установок) или *Singapore Technology Engineering* (госкомпания, которая первоначально производила патроны для сингапурской армии, а теперь занимается высокотехнологичной обороной), были потрясюще прибыльны.

Благодаря системе *CPF* Ли Куан Ю превратил инструмент социальной страховки в инструмент создания собственника. Ли Куан Ю пытался создать из государства — корпорацию, а из избирателя — акционера. Первое, впрочем, удалось лучше второго. А остряки стали расшифровывать *PAP* — как *Pay and Pay*.

Борьба с преступностью и коррупцией

Никакого экономического роста в Сингапуре не было б, если бы государство не искоренило беспощадно преступность и коррупцию.

При британцах Сингапур был весьма коррумпирован. Местные полицейские-китайцы обкладывали данью лавочки и делились со своими английскими начальниками. Бизнес платил триадам, которых полиция старалась не замечать.

Преступность в Сингапуре была ликвидирована без всяких судов присяжных: согласно *Internal Security Act*, для того, чтобы без суда и следствия посадить члена триады, достаточно было трех свидетелей. Эти свидетели были анонимны для публики, но не для власти. Без суда можно было держать человека за решеткой два года, после чего специальная *advisory board*¹ рассматривала вопрос, выпустить его или оставить на следующие два года. Никаким другим путем с триадами совладать было нельзя: в любом суде против них отказались бы свидетельствовать. Такая же процедура использовалась против коммунистов, а сейчас — против исламских террористов.

Так же беспощадно боролись и с коррупцией, причем первым примером был сам Ли Куан Ю, который расправлялся с любым из своих соратников, заподозренных во взятке.

Сейчас Сингапур — это единственная страна в мире, где маленький чиновник может украсть больше большого. Самая крупная кража в истории Сингапура случилась в 2004 году, когда выяснилось, что один из менеджеров «Сингапурских авиалиний» Тео Чен Киа спер 35 млн. дол., систематически фальсифицируя инвойсы. Для сравнения — самый крупный за последнее время случай коррупции (министр, отвечавший за воду, предоставлял за взятки информацию при проведении тендеров), навзяточничал всего на 7 млн. дол.

То, что в Сингапуре нет коррупции, не значит, что в Сингапуре нет личных отношений. Наоборот — они составляют основу общества. Сингапур — это очень

¹ Наблюдательный совет (англ.).

закрытая и высокоэффективная азиатская корпорация. В конце концов, лучшим примером такой закрытости и преемственности является сам Ли Куан Ю, который назначил своим преемником своего сына, а сам занял должность «министра-ментора».

Недавно в Сингапуре был скандал: одного из парламентариев *PAP* уличили в том, что он трудится на 64-х разных постах. Однако парламентарии было легко оправдаться: он тут же отчитался, что большинство этих постов — совершенно бесплатные. В сингапурской политике очень высок удельный вес личных связей, но благодаря беспощадной борьбе с коррупцией эти связи не монетизируются, и поэтому работают на благо государства, а не на вред.

Сейчас почти вся Азия пытается повторить пример Сингапура. Но все эти страны изрядно коррумпированы. И в результате все деньги в них идут через Сингапур — потому что только Сингапуру доверяют, и все деньги, которые заработали чиновники и бизнесмены, включая деньги Китая, уходят в Сингапур, опять-таки потому что Сингапуру доверяют. К примеру, когда Малайзия попыталась создать порты, которые заменят порт Сингапура, то благодаря коррупции и неэффективности у нее просто ничего не вышло.

Оппозиция

Ли Куан Ю трудно назвать демократом и невозможно назвать диктатором. Он реально побеждал на выборах, потому что он обеспечил нации за время своего правления 30-кратный рост благосостояния. С такими

результатами не могли потягаться самые отмороженные демагоги.

Но с оппозицией и СМИ Ли Куан Ю боролся весьма жестко. Он закрывал газеты или ограничивал тираж тех СМИ, которые, как ему казалось, неправильно освещали ситуацию в Сингапуре. При этом Ли Куан Ю никогда не прятался за спорами «хозяйствующих субъектов».

Когда, например, в 1971 году власти закрыли выходящую на китайском газету «Наньян Сан По» и арестовали без суда четырех ее руководителей, они без обиняков заявили, что газета «превозносит коммунизм» и «поощряет китайский шовинизм», изображая «власти в качестве угнетателей китайской культуры и языка».

Ли Куан Ю посадил или разорил многих оппозиционеров: прежде всего за клевету. Сейчас президент Грузии Саакашвили говорит, что он хочет построить «второй Сингапур». Должна сказать, что в первом Сингапуре такие персонажи, как Нино Бурджанадзе, Леван Гачечиладзе или Эроси Кцимаришвили сели бы немедленно.

Сингапур — это хороший пример того, что в политической жизни все взаимосвязано. Как в двойной цепочке ДНК напротив аденина всегда будет стоять тимин, а напротив гуанина — цитозин, так нищее государство, беспощадно борющееся с коррупцией, преступностью и терроризмом, никогда не сможет сделать это с помощью суда присяжных. Нищее государство, в котором правительство пытается сделать народ собственником, никогда не сможет позволить для СМИ той свободы в высказываниях, которая позволит оппозиционным партиям уничтожить само основание этого государства.

Сейчас Сингапур стал значительно либеральней. На недавних выборах оппозиция получила дополнительных четыре места в парламенте и получила бы даже больше, если бы не весьма специфическая избирательная реформа, о которой ниже. Но ответ заключается в том, что оппозиция больше не опасна. Это не коммунисты, которые хотят отменить сами основы государства-корпорации. Это просто миноритарии, которые тоже хотят защитить права акционеров. И акционеры-избиратели с удовольствием голосуют за них, при условии, что прежний, столь успешный менеджмент, сохранит контрольный пакет.

Исламский терроризм

Межконфессиональный мир в многонациональном Сингапуре возник отнюдь не сам собой. Это продукт такой же кропотливой государственной прополки, как зелень и чистота на улицах Сингапура.

В Сингапуре есть значительное мусульманское меньшинство, прежде всего малайцы; меньшинство это менее успешно, а такая ситуация обыкновенно ведет к зависти, представляющей лучшую питательную среду для экстремизма. История Сингапура в 50-х и 60-х была омрачена расовыми и религиозными беспорядками, типичными для нищей страны. Соседи Сингапура все более и более исламизируются, исламский фанатизм в Малайзии и Индонезии становится такой же политической реальностью, как маоистские фанатики в 60-х.

Почему же в самом Сингапуре не было 11 сентября?

Ответ заключается в том, что 11 сентября в Сингапуре было предотвращено. Вскоре после 11 сентября

«Джамаа Исламия» планировала в Сингапуре громкий теракт — она собиралась взорвать 7 посольств, потратив на каждое по 2 тонны взрывчатки.

Теракт был предотвращен очень просто: один из мусульман Сингапура донес на мусульманина по имени Аслан, что он, мол, ходит в мечеть, но молится отдельно от всех. За Асланом стали следить. Когда он поехал в Афганистан, его поймали. После того как его поймали, спецслужбы стали слушать его контакты. Их удивило, что друзья Аслана решили заняться импортом удобрений. А именно — импортировали в промышленных количествах нитрат аммония, стандартное сырье для приготовления самодельной взрывчатки. Их взяли: выяснилось, что ребята собирались взорвать 7 посольств.

Этот теракт был предотвращен не случайно. Он был предотвращен именно благодаря тому, что в Сингапуре государство кропотливо контролирует политические и религиозные мутации на первичном уровне. В Сингапуре нет такого, как в Европе, когда радикальные проповедники в мечетях призывают людей к джихаду и превращают мечети в пункты вербовки, а государство потом разводит руками: «ну это же свобода слова». В результате любой исламский террорист в Сингапуре является маргиналом, и на этого маргинала, как правило, доносит коллектив.

Расовые и религиозные беспорядки в Сингапуре маловероятны еще и потому, что для беспорядков нужны гетто. В Европе кварталы и целые пригороды, где добровольно кучкуются представители одной расы или национальности, и куда боятся заходить местные полицейские, стали привычной частью социального пейзажа.

В Сингапуре образование таких гетто просто-напросто запрещено законом. В любом квартале города не может жить больше 25 % малайцев и больше 13 % индусов. (Закон этот часто влечет финансовые потери: допустим, человек хочет продать квартиру, самые богатые все равно китайцы, а китайская квота уже выбрана, и он не может продать китайцу).

А вслед за этим был принят другой закон — о том, что вместо одного кандидата, баллотирующегося от одного избирательного округа, есть 3–4 кандидата, баллотирующиеся в сумме от 3–4 округов. Потому что в противном случае во всех округах побеждали бы китайцы. Как следствие, в Сингапуре китайский шовинист не изберется в парламент, потому что он сразу теряет 25–30 % голосов.

Этот замечательный закон о расовом равенстве имел еще одно, менее публичное последствие: он сделал невозможным победу оппозиции. Потому что для того, чтобы оппозиция победила, ей надо найти не одного кандидата на один округ, а четырех — на четыре. Да еще один из них должен быть малаец, а дельных малайцев немного, а какие есть — те идут в правительство. И кто же будет голосовать за четырех клоунов, если рядом — четыре серьезных человека, из которых, как правило, один министр?

City/state/corporation

Есть страны пятизвездочные, например Франция. А есть семизвездочные — это Сингапур.

Во всех мировых рейтингах Сингапур неизменно входит в тройку лидеров по уровню образования, медицинских услуг, качеству жизни, отсутствию коррупции и глобализации экономики.

При этом с неизменным постоянством мы видим две вещи. Первое: это богатство имеет широчайшую социальную базу. В Сингапуре богат не 1 % населения, не 2 % — по гамбургскому счету богаты все. Нищие и неблагополучные кварталы есть в любом Париже и Чикаго — но их нет в Сингапуре.

Второе: эта страна наплевала на все политкорректные максимы, которые считаются общим местом в Европе. В Сингапуре нет пособий по безработице; нет минимальной заработной платы. По мере старения населения пенсионный возраст был повышен в нем без особых дебатов с 55 до 62 лет. Сингапур платит своим чиновникам огромные деньги и не играет в политкорректную демагогическую игру: «мы слуги народа, поэтому мы получаем гроши».

Сингапур и не думает подписывать бюрократическое фуфло под названием Киотский протокол, но в нем напротив третьего в мире нефтехимического комплекса устроен птичий заповедник, а весь город является природным парком.

Сингапуром правит бюрократия, но это очень странная бюрократия, принципиально отличающаяся от европейской. Европейская бюрократия все время вмешивается в экономику. Она обкладывает тех, кто трудится, непомерными налогами, предоставляет потомственным алкоголикам и наркоманам защиту и преимущества, и регулирует все, что угодно — от выбросов CO₂ до величины огурцов.

Сингапурская бюрократия никогда
не вмешивается в экономику, но очень часто
вмешивается в частную жизнь граждан

Сингапур дважды менял свою политику в отношении рождаемости (сначала ограничивал, а потом поощрял), Ли Куан Ю объявлял кампании, которые в Европе были бы заклеены как политнекорректные (он поощрял мужчин брать образованных (читай — китайских) женщин замуж, он объявил кампанию по повышению уровня образования среди отстающих малайцев).

После кризиса 2008 г. Сингапур фактически уничтожил рынок жилья: сейчас каждый, кто купит частное жилье и продаст его на следующий год, вынужден будет уплатить 16 % от стоимости продажи, а каждый, кто продаст государственное жилье и купит себе новое, уплатит 24 % налога со старого дома. Иначе в крошечном Сингапуре, в котором покупают себе жилье все миллионеры Китая и Юго-Восточной Азии, цены бы взлетели до небес.

В Сингапуре очень сильные ограничения на покупку машин. Как только государство увеличивает свою дорожную сеть, оно увеличивает квоту машин, которых могут иметь сингапурцы, и продает на аукционе *certificate of entitlement* — позволение купить машину. COE может стоить дороже машины, а выдается на 10 лет, поэтому все машины в Сингапуре — с иголки. Однако Сингапур сейчас настолько богат, что несмотря на прекрасно развитый общественный транспорт и астрономические цены на машины (вместе с COE она легко может стоить до 200 тыс. дол., а пятикомнатное жилье в некоторых районах можно купить по

300 тыс.), в Сингапуре на 5 млн. жителей, из которых 3 млн. граждан, приходится почти 1 млн. машин.

Это очень важный момент. В социалистической Европе бюрократия делает вид, что заботится о народе. Она говорит о свободе выборов и свободе слова. Но и то и другое почему-то неизменно приводит к увеличению бюрократических полномочий и количества тех, кто нуждается в помощи государства.

В авторитарном Сингапуре бюрократия заботится о бизнесе и о будущем. В результате нищих в Сингапуре нет, а уровень государственных расходов в ВВП — 20 % — оказывается вдвое меньше, чем в Европе.

Китай

Главной причиной фантастически быстрого развития Сингапура при Ли Куан Ю, как и Пруссии при Фридрихе Великом, был вопрос физического выживания страны, как перед лицом Малайзии и Индонезии так и перед лицом диверсионно-пропагандистской машины китайских коммунистов.

И вот прошло 20 лет, и в 1978 г., после смерти Мао Дэн Сяопин приехал в Сингапур. Он не мог приехать в Гонконг, это была британская колония, он не мог приехать на Тайвань, это был враг. Он приехал в Сингапур. И его реакция была очень простая: мы же тоже так можем! Именно после возвращения Дэн Сяопина из Сингапура в Китае начались реформы, которые, по сути, являются адаптацией принципов Ли Куан Ю к управлению огромным территориальным государством.

Прекрасный будущий мир

Я описываю принципы устройства Сингапура так подробно по двум причинам. Первая заключается в том, что, с моей точки зрения, Сингапур, нравится нам или нет — это государство будущего. В XXI веке сингапурская модель (через Китай) будет доминировать над миром, а звезда Европы и, возможно, США закатится.

Европейская модель государства всеобщего благосостояния быстро исчерпывает себя и оказывается тупиковой ветвью социальной эволюции, неконкурентоспособной по сравнению с сингапурской моделью.

В ней есть два главных недостатка. Первое — как показал опыт, заботу о благосостоянии нельзя переложить с плеч граждан на плечи государства. Иначе избиратели вырождаются в попрошайек, а государство — в неэффективную и коррумпированную бюрократию.

Этот недостаток уже вполне очевиден, и о нем громко говорят и в Европе, и в США. Но есть недостаток второй, о котором не говорит никто, который является самым основанием нынешнего Запада и осознавать который лично мне, как журналисту и писателю, крайне неприятно.

Этот недостаток заключается в том, что, как показал опыт, *заботу об идеологии нельзя переложить с плеч государства на плечи граждан*. Свобода махать кулаками ограничена расстоянием до чужого носа. Свобода слова тоже не может быть безграничной.

Я не оспариваю право журналистов изобличать коррупцию. Я имею в виду другое, — что именно благодаря лозунгу «свобода прессы есть *sine qua non*, читатель

сам разберется», весь XX век стал веком постепенной капитуляции Запада перед маргинальными поначалу идеологиями, навязываемыми большинству агрессивным меньшинством.

Сначала он привел к капитуляции перед социалистической идеологией, а теперь ведет к капитуляции перед воинствующим исламом. Некоторые идеологии надо запрещать, как запрещают наркотики.

Ли Куан Ю никогда не смог бы заставить свою нацию говорить по-английски и никогда не увеличил бы доходы сингапурцев в 40 раз, если бы газеты типа «Наньян Сан По» смешивали его с грязью, как национал-предателя, продавшего китайцев в рабство транснациональным корпорациям и уничтожающего их культуру.

Будущее России

Вторая причина, по которой я пишу этот текст, — это будущее России. Рано или поздно, если Россия хочет выжить, нам придется проводить реформы.

Какие это будут реформы?

Программа нынешней демократической оппозиции поражает крайним инфантилизмом. В целом она сводится к тому, что надо провести честные выборы и от честных выборов все болячки рассосутся сами собой.

Спросишь их, что надо делать на Кавказе, и получишь ответ, что главной проблемой Кавказа является то, что кровавый режим убивает там невинных людей без суда и следствия, и как только в Россию вернется демократия, так Кавказ станет мирным сам собой. От-

вет: не станет. Главной проблемой Кавказа являются не бессудные казни, а воинствующие фундаменталисты, которые хотят построить там царство Аллаха. В условиях демократии и мягких законов фундаменталисты начнут размножаться, как кишечная палочка в чашке Петри.

Спросишь, как бороться с бандитами в погонах и без, получишь ответ, что нужны суды присяжных. Глупость: каждый такой процесс будет длиться по десять лет, будет стоить безумных денег, присяжных купят или запугают, бандит выйдет на свободу. Рак не лечат аспирином, а тотально мафиозное общество — судами присяжных.

Если демократическая оппозиция собирается осуществить реформы, которые позволят малоимущему большинству стать собственниками и налогоплательщиками, то как эти реформы уживутся со свободой слова, кричащего на всех перекрестках, что жестокие власти малоимущих обижают и заставляют работать, вместо того, чтобы дать им все даром? А если оппозиция налогоплательщиков и собственников создавать не собирается, то кончит она так же, как Путин.

На самом деле сингапурская, а теперь и китайская модель не так уж нова. Эта новая модель — хорошо забытое старое. Именно так — избиратель, являющийся собственником, но не халявщиком, и государство, обеспечивающее безопасность, но не социальные блага, — были устроены и Великобритания в XVIII веке, и США в XIX. Эта модель разрушилась, прежде всего благодаря наркотику социализма и наркотику бюрократии. Запад ушел на Восток.

На Востоке встает новое солнце.

ПОДНЕБЕСНАЯ ВЕРСИЯ 3.0

Смог

Для человека, который привык по утрам бегать 15 км, Пекин — паршивейшее место на свете. В Пекине всегда летом смог, как в Лондоне в XIX в. У Конан Дойла Шерлок Холмс зажигал спичку, чтобы прочесть надпись на лондонской стене днем, а строили Лондон из кирпича потому, что его не разъедал смог, как мрамор и железо.

В XIX в. над Британской империей не заходило солнце, и Лондон — город нищих, работных домов и жуткого красного кирпича, которого не брал смог, был центром этой империи. Потом со смогом покончили, но вместе с ним, как выяснилось, развеялась и империя.

Смог развеялся над Лондоном — и повис над Пекином.

Сериал

Русский продюсер приехала посмотреть, как снимаются китайские сериалы. Рассказывает: «Они работают без выходных и по 18 часов в сутки. Они бегают по съемочной площадке. Не ходят, а бегают». Потому что за их спиной стоит очередь тех, которые побегут вместо них.

Русский трейдер продает Китаю химическое сырье. Рассказывает: «китайские чиновники и главы госкорпораций работают без отпусков и выходных. Первая встреча — в семь. Последняя — в два. Заниматься бизнесом в воскресенье — норма». За спиной чиновника тоже стоит очередь тех, кто готов вставать в шесть и ложиться в три.

Знакомая итальянка рассказывает со смехом: «В Милан китаянка из богатой семьи приехала учиться индустрии моды. Затрахала всех, потому что могла позвонить по бизнесу в воскресенье. Люди ей говорили: «Но сегодня же воскресенье». А она отвечала: «Но я же вам плачу деньги». Раньше такое рассказывали об американцах.

Труд

Труд сделал из обезьяны человека, а из Китая — сверхдержаву.

В Китае есть целые деревни, в которых в каждом дворе производят запорную арматуру. Деревни, в которых в каждом дворе делают мебель. В Фошане — городе-миллионике в провинции Гуандун — улица, заполненная образцами этой мебели, идет через весь город.

Помните «большой скачок вперед» и печки, в которых плавил сталь в каждом дворе? Черт знает как это возможно с технологической точки зрения, но то, что не удалось Мао, удалось тысячам частных. Я знаю историю китайского миллионера, который — как и вся его деревня — начинал с такой печки во дворе. Потом

у него появилось две печи. Потом три. Потом родичи скинулись на кредит, и у него появился заводик. Потом — завод. Потом — второй...

«Родичи скинулись на кредит» — это вообще очень частый способ финансирования в Китае. Хотя деньги можно взять и в банке. Банк развития Китая — один из крупнейших в мире и прибыльнейших, и, разумеется, государственный, но минимальный кредит, который можно взять в банке, составляет 3 тыс. юаней, или 500 дол. Почувствуйте разницу с нашим ВТБ.

Еще недавно химическое производство в Китае могло выглядеть так: стоит во дворе в деревне контейнер (обычный, в котором товар возят), и в него заливают реагенты. И начинается реакция. Что там за варево получается и куда оно из этого контейнера течет — это вопрос отдельной эпиграммы.

Китайские рабочие, приехавшие из сел, вкалывают по 12 часов в сутки, с одним перерывом на обед, с тремя перерывами на сортир, спят тут же, в бараке, и получают 500 дол. в месяц, но не думайте, что они их тратят. Они их сберегают. Через пять лет такого каторжного труда китаец получит 30 тыс. дол. — и он откроет на эти 30 тыс. дол. лавку, и с этого начнется его путь к богатству.

Образование

Сильней необходимости труда — только необходимость образования. Благодаря системе экзаменов и уникальной бюрократической традиции образование было фетишем для китайцев в течение последних двух тысяч

лет. Как американец мог стать миллиардером, так китаец, получив образование, мог из крестьян стать первым министром. На обучение сына откладывает вся семья, годами — ведь это и ее шанс выбраться из нищеты.

Образование платное, даже в школе, и это правильно, ибо пример России доказывает, что то, что не имеет цены, не имеет и ценности. Образование как инвестиция в себя, как способ выбраться из нищеты (а не как способ откосить от армии, бездельничать и пр.) — в современном Китае социальный движитель номер один.

В американских университетах учатся 64 тыс. китайцев (против 1,5 тыс. русских), и большинство этих китайцев вернутся домой, часто — поработав в США и получив американский паспорт. В каждой крупной китайской госкорпорации обязательно найдется один-два руководителя с американским паспортом, безупречным английским и европейским именем перед китайской фамилией. При этом в Китае, в отличие от России, есть уже несколько десятков первоклассных вузов, диплом которых признается во всем мире.

Индонезия

Знакомый прилетел в Пекин из Индонезии.

— Странная страна, — говорит он про Индонезию. — Когда Сухарто был у власти, он приказал всем школьникам в стране покупать обувь в компании, которая принадлежала его внуку. Теперь Сухарто давно нет, и новый президент только что обязал чиновников покупать обувь у местного производителя, который, по слухам, принадлежит его зятю.

Замолкает и мечтательно произносит:
— Здесь бы за такое расстреляли.

Россия

Россию китайцы называют «медленно тонущий корабль».

Неоднородность

Говорить о «Китае вообще» не всегда правильно, как не всегда правильно говорить «вообще о Европе». Китайские провинции отличаются друг от друга не меньше, чем сицилийские крестьяне — от финских фермеров. Главное различие проходит между богатым побережьем, где давно начались экономические реформы, где уровень жизни не уступает Европе и где деревни давно уже не деревни, а процветающие части промышленного мегаполиса, — и внутренними районами, где силы партии царствуют безраздельно и где в селах страшно и скученно.

Для большинства стран третьего мира, как и для Англии XIX в., характерна беспорядочная урбанизация — когда сельское население бежит в город и селится там, без работы, в бараках и фавеллах. В Китае без разрешения и без квоты из села не уедешь, и именно поэтому Пекин не похож на ужасающий диккенсовский Лондон. Китайские рабочие все равно работают так же, как в Лондоне в работных домах — но на это право на каторжный труд надо еще получить бумажку.

Избыточного населения в центральных и западных провинциях насчитывается сейчас где-то 150 млн., и, по правде говоря, молодому человеку из села, если он не получил разрешение на выезд и если у него нет денег на университет, ничего не светит. Единственная его надежда — армия, куда очередь и конкурс. Это очень несправедливо, но, возможно, страшный закон человеческого развития заключается в том, что развитие происходит быстро именно тогда, когда в затылок тебе молчаливо дышат те, кто несправедливо — именно совершенно несправедливо — лишен права на образование и богатых родителей.

Домашние животные

В Пекине нет зелени, домашних животных и детей. Те, которые есть, избалованы и раскормлены. Старшее поколение пекинцев подтянуто и стройно, у девушек точеные фигурки и походка кинозвезд. Но дети, как и европейцы — сплошь и рядом толсты. Поколение «маленьких императоров», плод политики ограничения рождаемости, дети, которых балуют две бабушки, четыре прабабушки, четыре прадедушки и вся остальная семья.

Советское прошлое

Советское прошлое лежит на Пекине тяжелым клеймом.

Поймите правильно. Пекин — город богатый и обеспеченный. Это не Манила и не Бомбей, где ты выхо-

дишь из такого же, как в Лондоне, «Мариотта» и видишь третий мир с нищими, попрошайками и пр. Это тем более поразительно, что еще 30 лет назад Пекин состоял из площади Тяньанмэнь с портретом Мао, глухого компаунда, где жила компартия, и сахэюаней, где все стучали друг на друга и где на весь квартал убогих домов была одна уборная.

20 лет назад трафик в Пекине был такой: одна полоса для велосипедов, другая — для машин. В прошлом году из-за перенаселенности Пекина машинами была введена квота: 240 тыс. машин в год, и право купить машину разыгрывают в лотерею. Машины по главным улицам едут в шесть рядов, и над светофорами горит схема соседних улиц и пробок: впрочем, китайская пробка, в отличие от московской, всегда едет.

Но советское прошлое лежит на Пекине, как и на Москве, неистребимым клеймом. Казенные здания, унылые коробки новых домов (пускай и с двумя ватерклозетами на квартиру), забитые машинами перекрестки, почти полное отсутствие зелени, скудные городские парки, над которыми торчат непрямого традиционного вида воротца с красной загнутой крышей, смотрящейся довольно нелепо в этом царстве перемешанного со стеклобетоном совка. На примере Пекина и Москвы видно, что ничто так не убивает город, как коммунизм.

Почему Пекин?

Вообще Пекин — отвратительное место для столицы, как, впрочем, и Москва. Ленин вернул столицу в

Москву из Санкт-Петербурга, потому что Кремль не так легко было взять, как Зимний Дворец.

Черт его знает, почему Мао сделал столицей Пекин, может, тоже из-за глухих стен Запретного Города? Это, в конце концов, столица маньчжурских завоевателей, все равно как в России ставка Батыя. И ни черта исторического в этом Пекине нет. Это вам не европейские города с многочисленными частными особняками и соборами. Пекин при маньчжурах был так — Запретный Город, а вокруг — вселенская срань. При коммунистах стало то же самое плюс смог.

Пекин расположен крайне неудачно, в кольце гор, еще двадцать лет назад это кольцо заполнял смог от бесчисленных угольных печек, которыми отапливались сахэюани, и металлургического комбината в черте города. Теперь на месте сахэюаней встали удобные небоскребы, а меткомбинат вывели из города к Олимпиаде, и весь смог в Пекине — от песка, надуваемого из пустыни, и бесчисленных автомобилей, за двадцать лет сменивших бесчисленные велосипеды.

Разница

Разница же между Москвой и Пекином в том, что за пределами 14-миллионного Пекина лежит полуторамиллиардный Китай, многие города которого ни богатством, ни населением не уступают Пекину.

А за пределами сытой и модной Москвы ничего нет. В прошлом году я ехала на машине от Петрозаводска до Москвы и по пути вдоль дороги не видела ни единого дома, в котором физически можно жить. Правду

сказать, и небо над всей дорогой было голубое, а ценность голубого неба понимаешь только тогда, когда не видишь его неделю.

Я понимаю китайцев, которые уезжают в Европу просто потому, что небо там голубое, в речках течет вода, а не таблица Менделеева, и еда нормальная, ибо, увы, китайская еда сделана примерно из того же, из чего сделаны китайская вода и китайский воздух. Это большая проблема для нынешнего Китая: отток мозгов в поисках даже не свободы, а просто голубого неба. 65 % купленных в прошлом году в Лондоне домов купили богатые китайцы.

Новые левые

Китайский журналист из числа «новых левых» жалуется мне с напором:

— Чиновники и богачи забрали все наши деньги! Они пируют на банкетах, а мне не на что квартиру купить! Эта несправедливость происходит из-за того, что страна лишена свободы!

— Вы уверены, — осторожно спрашиваю я, — что это ваши деньги чиновники проедают на банкетах? И что если разделить деньги, потраченные на банкеты чиновников, на всех нищих Китая, то каждый из них сможет купить себе квартиру в Пекине?

— Вы знаете, как они управляют страной? — горючится мой собеседник, — они лгут народу! Они затыкают рот СМИ! Они после катастрофы поезда похоронили вагоны вместе с телами. Все это — из-за отсутствия демократии. Раньше ведь квартиру давали всем!

Самая идиотская фраза

Самая идиотская фраза, которую я слыхала — и постоянно слышу о Китае — звучит так: «Китайское экономическое чудо основано на беспросветной нищете народа. Кончится нищета — кончится и чудо».

Как будто в Китае это происходит ради чего-то другого, кроме как чтобы кончилась нищета. И как будто есть какой-нибудь способ покончить с нищетой.

Перемены

Если бы попытаться одной фразой выразить мои впечатления о Китае, то эта фраза — скорость перемен.

Развивающееся общество — как взлетающая ракета. Гигантское ускорение порождает гигантскую перегрузку. Каждый новый момент времени — новая ситуация, малейший перекося — и все взорвется, но эти нагрузки именно и являются следствием того, что ракета взлетает.

Китай меняется быстрее, чем модели *iPhone*. То, что вы слышали о Китае позавчера, вчера уже устарело, то, что вы слышали вчера, устарело сегодня.

Внутреннее потребление

Последние три тысячи лет китайцы занимались тем, что сберегали. Американцы тратят, русские пьют, китайцы сберегают. В плохие времена китайцы сберегают больше. Это такой ответ китайца на кризис — сберегать больше.

После кризиса 2008 года партия объявила программу стимулирования внутреннего спроса. Программа получилась, как все у китайской компартии. Однако результатом стал дикий взлет цен. Мой «новый левый», предлагавший забрать деньги за банкеты и купить на них квартиры, не зря жаловался. Цены на жилье в Пекине сейчас выше, чем в Москве. Результат — социальное недовольство.

В Китае вообще все очень конкретно. Раз они едят на банкетах, а я не могу квартиру купить, значит, нам нужна свобода и новый Мао.

Огораживание

В Китае сейчас, как в Англии в свое время, происходит всеобщее огораживание — крестьян сгоняют с земли. Только в Англии, как вы помните из учебника истории, это сделали овцы, а в Китае это делают девелоперы.

Согнать крестьянина довольно легко: земля государственная, у крестьян она в аренде, есть прописанные механизмы изъятия, и когда много лет назад закон принимался, то он был для крестьян вполне выгоден. Крестьянин получал статус городского жителя со всеми бенефитами и цену трех лет урожая.

Теперь бенефитов нет, а разница в цене сельскохозяйственной земли и того жилого комплекса, которого на ней построят — астрономическая.

Соответственно, девелоперы нанимают бандитов, чтобы уговорить крестьян, а китайские крестьяне, которые замечательно организованы (все великие династии Китая погибли в результате крестьянских восстаний),

частенько дают им отпор. 70 % народных возмущений связаны с землей. Самая крупная битва произошла в октябре 2004 г. возле городка Диэян, в провинции Гуандун, когда несколько тысяч крестьян бросали самодельные бомбы в несколько тысяч полицейских.

Порог вхождения в бизнес

Двадцать лет назад порог вхождения в бизнес был как в Америке времен Джека Лондона. Ты мог приехать из деревни, в 16 лет открыть лавку и стать миллиардером. Именно так начинал свой путь Хуан Гуаньюй, хозяин *Gome Appliances*, который еще три года назад был самым богатым человеком в Китае, а потом сел за инсайдерскую торговлю. Иные студенты с Тяньаньмэнь (если их не убили) стали миллионерами. Понятно, что если тебя давили танками, а потом ты стал миллионером, то порог вхождения в бизнес — ноль. Не нужно ни связей, ни капитала, ни образования.

Сейчас миллионеры выросли, у них дети, дети образованные, у членов партии тоже дети, все чешут друг другу спину, новая элита, порог вхождения в бизнес очень вырос. Тебе нужно образование, нужны связи, для образования нужны деньги. За двадцать лет все поменялось.

Дети

Все знают, что в Китае нельзя иметь больше одного ребенка на семью. За это исключают из партии и лишают социальных благ. Но ведь на богатых-то эта мера не

действует, а богатых в Китае теперь полно: «ламборгини» там в прошлом году было продано больше, чем в любой другой стране. Понятно, что когда ты покупаешь «ламборгини», а тебя грозят лишить бесплатного детского садика, это мало пугает. Проблема — они не заводят второго ребенка. Можно — уже не заводят.

Кстати, этот биологический парадокс — с детьми — может быть, лучше всего характеризует скорость перемен. Нынешнее поколение богатых китайцев, фантастически успешное, перебравшееся за двадцать лет из сахэюаней в небоскребы, — это продукт такого социального дарвинизма, перед которым даже Англия XVIII века отдыхает. А какими будут их дети, «маленькие императоры», над которыми дрожат две бабушки, двое дедушек и четыре прабабушки, раскормленные поросятки, наследующие худым и подтянутым взрослым?

Китай — как айфон

Итак, еще раз: все, что вы слышали о Китае еще два года назад, может быть неправдой. Китай совершенствуется, как модели компьютеров. Вчера компьютер занимал целый этаж, а сегодня лежит в сумке. И все, что вы знаете о вчерашнем компьютере — устарело.

Вам говорили, что в Китае губернаторов увольняют, если у них в провинции не растут иностранные инвестиции и ВВП? Уже неправда. Совсем недавно партия сказала — у нас слишком быстро растет ВВП. Экономика перегрета. Растет стоимость жилья. Китайские банки объявляют рекордные прибыли, что лучше, чем объявлять рекордные убытки, как западные — но это

прибыль за счет переоценки активов. ВВП вырос за счет роста цен.

И для губернаторов вводятся уже другие параметры, например, количество занятых. В городе Чунцин провинции Сычуань была история — бизнес стал жаловаться на мафию. В один день назначили нового секретаря горкома — Бо Силая — и арестовали 300 полицейских. Теперь Бо Силай ввел новую моду — там народ собирается по утрам и поет революционные песни. Народу очень нравится.

Преимущества без недостатков

Китай перенимает все преимущества демократии без всех ее недостатков. Это не моя фраза, ее подарил мне мой приятель Владимир Невейкин, бизнесмен и китаист. (Вообще-то все китаисты, которых я знаю, стали бизнесменами, чего нельзя сказать об арабистах или, скажем, выпускниках романо-германского отделения филфака.)

У демократии есть два колоссальных преимущества перед любым видом правления — сменяемость руководства и обратная связь. Со сменяемостью все просто, это правило, учрежденное Дэн Сяопином — через десять лет руководитель должен уйти. Ушел сам Дэн, ушел Цзян Цземинь, сейчас уходит Ху Цзиньтао, преемник известен — Си Цзиньпин.

Преемник известен заранее, неизвестны его взгляды (при выборах, заметим, наоборот: кто победит, неизвестно, а вот взгляды победителя известны заранее). Причем в Китае эти взгляды будут неизвестны, даже

когда он уйдет. Потому что решения будет принимать не он один, а все 9 членов Политбюро.

Это очень важно понять: Китаем правит не один. Китаем правят немногие. Высшее руководство компартии, не соблазняя народ и не пляша публично на костях Мао, похоже, тихо поклялось, что больше ни за что и никогда Китаем не будет править один человек.

Обратная связь

Одна из самых популярных социальных аксиом гласит, что в демократиях через выборы и через свободную прессу существует обратная связь между правительством и народом, и это делает режим устойчивым.

В Китае ни выборов, ни свободных СМИ нет, но обратная связь очень высока. Это вопрос выживания власти. Как я уже писала, в Китае народ организован превосходно, и все великие китайские династии пали в результате народных восстаний.

Локальные волнения — когда община сообщает громит девелопера, требует перенести вредное производство или забрасывает камнями полицейский участок — случаются довольно часто, но это именно локальные пожары, которые не опасны. Опасны они станут в двух случаях. Если они превратятся во всеобщий пожар с помощью некой идеологии (это могут быть рациональные и законные требования прав и свобод граждан, а может быть и безумная секта вроде фалунь гун) или если власти не будут на них реагировать.

Поэтому власть реагирует и прислушивается.

Один из самых удивительных инструментов обратной связи — это агентство Синьхуа. Синьхуа отличается от прочих новостных агентств тем, что его журналисты зачастую пишут статьи для внутреннего пользования. Это совершенно официально. Есть статьи для внутреннего, есть для внешнего пользования. Есть глава Синьхуа в провинции, и это второй человек после партсекретаря. Он занимается чем-то средним между журналистикой и внутренней разведкой.

Сейчас появился второй механизм обратной связи — блоги. Все знают, что в Китае нет свободного Интернета и запрещен *Twitter*, *Youtube* и *Facebook*. Это на 40 % коммерческая история, потому что в Китае 300 млн. потребителей Интернета (в абсолютных цифрах это больше, чем в любой другой стране, включая США), и жалко их отдавать иностранным дьяволам, а на 60 % — политическая, потому что китайцам важно, чтобы поставщик данной услуги и его сервер находился на территории Китая и в любой момент снял бы что-то или был отключен.

При этом вместо *Google* есть *Baidu*, а вместо *Twitter* — куча китайских микроблогов (а китайский микроблог — это вам не английский, 140 иероглифов — это не 140 букв), и там сидят 300 млн. человек.

Среди них, разумеется, хватает китайской сурковщины. За поддерживающий правительство коммент вроде бы платят по пол-юаня, но самое главное — в Китае отслеживают то, что пишут в блогах, в рамках обратной связи. Правда, логику китайской бюрократии трудно понять. Например, в 2009 году, в разгар погромов в Урумчи, Китай запретил сразу три местных клона *Twitter* — Фанфу, Цзивай и Дигу, заподозрив их в том, что погромщики

использовали их для координации. Новые клоны *Twitter* вроде бы имеют внутреннюю цензуру — там сидит целая команда, которая проверяет сообщения.

Но вот парадокс — сразу после недавнего крушения скоростного поезда по местным микроблогам пронеслась лавиной волна сообщений о том, что власти спешно похоронили вагоны вместе с телами. Это было заведомое вранье, геббельсовщина настолько откровенная, что я лично не сомневаюсь, что ее придумали либо фалунь гун, либо новые левые. Но удивительно, что ее не останавливали — похоже, что китайская власть хотела оценить скорость распространения эпидемии и замерить градус недовольства.

В Китае, в отличие от России, к Интернету реально прислушиваются. Когда два года назад парочка студентов, Ли Лигуо и Бай Ванлун записали всколыхнувшую Интернет «Песенку муравьев», ее обсуждал всекитайский съезд народных депутатов.

Мгновенная реакция

Когда я говорю, что обратная связь в Китае иногда лучше, что есть в демократии, я имею в виду следующее. Во-первых, авторитарная власть решения принимает мгновенно. Начинаются погромы в Синьцзяне — мгновенно туда вводится армия. Население протестует против химкомбината в Даляне — мгновенно принимается решение перенести химкомбинат. Лондонских беспорядков в Китае не было бы, потому что на следующий же день на улицах китайского Лондона стояли бы танки.

Во-вторых, у демократий есть неприятная проблема — проблема положительной обратной связи. Связь-то есть, но очень часто она расшатывает систему. Если СМИ под влиянием левых начинают писать, что система несправедлива, что бедных обидели, что надо все поделить, то бедные очень быстро начинают верить, что им надо не богатеть. Им надо делить.

Вот это тоже надо иметь в виду. Если в авторитарном обществе очень велика опасность положительной обратной связи, которая заключается в том, что СМИ врут для власти, а власть верит в свое вранье, то в демократическом обществе очень велика опасность, при который СМИ угождают большинству, а большинство верит в собственное вранье.

Коррупция

Если что и может остановить экономический рост в Китае, то это коррупция. Коррупция эндемична для любого общества, построенного на всемогуществе бюрократии, а китайская бюрократия очень могущественна.

Вообще каждая страна и эпоха создает свои термины для описания тех деловых отношений, которые в ней есть. Эти термины нельзя перевести, они входят в другие языки без перевода. Такие понятия, как «капитал» или «компания», не существовали в древнем Риме, а потом там не было ни капитала, ни компаний. В России есть свои непереводаемые бизнес-термины — распил, откат и занос.

В Китае такой непереводаемый бизнес-термин — это гуаньси. Гуаньси — это связи.

Что такое гуаньси? Допустим, ты бизнесмен, у тебя есть некий проект. Ты приходишь к чиновнику и знакомишься с ним. Ты просишь его об услуге. Он тебе ее окажет бесплатно, особенно если он должен ее оказать. Вот если партия в этот момент просит прекратить открывать рестораны и начать открывать *IT*-бизнес, и ты пришел с *IT*-бизнесом, то тебе все будет бесплатно, зеленый свет, никто у тебя деньги не будет вымогать. Но вот если ты сделал сделку, и чиновник тебе помог, и вы посидели в ресторане (в Китае это очень важно), и напились вместе (это не менее важно), и он тебе помог и со второй сделкой, и с третьей, то может быть, если тебе повезет, родственник этого чиновника войдет с тобой в долю. И на смазанных колесах эта телега поедет еще веселей.

Гуаньси — это не всегда коррупция, но коррупция — это всегда гуаньси.

У меня вообще ощущение, что когда говорят «коррупция», в разных странах под этим разумеют совершенно разные вещи. Это как говорят H_2O , только у одних это тропический ливень, а у других вечная мерзлота.

Вот есть, допустим, Индия. Демократическая страна с чудовищным уровнем коррупции. «Я приезжаю делать проект, — рассказывает мне знакомый бизнесмен, — и мне открыто говорят, что вы, инвестиционные банкиры, получаете от сделки *success fee*. Я тоже хочу *success fee*. И проблема не в том, что он хочет деньгами и заранее, а в том, что через два года проект не сделан, проходят выборы, старый чиновник вылетает, новый хочет новую *success fee*. И человек, который мне это рассказывает, рад, что в Китае чиновники хотя бы не избираются.

Вот есть Индонезия, в которой правительство обувает своих граждан в буквальном смысле — в обувь с

фабрики родственника президента. И в Китае за такое расстреляли бы в 72 часа.

Вот есть Россия, в которой вообще все за пределом добра и зла: и деньги возьмут, и дела не сделают, и еще, если возмутишься, посадят, чтобы под ногами не путался.

Так вот, должна сказать, что так, как в Индии, Индонезии или России — в Китае просто не бывает. Чтобы «деньги вперед» — не бывает. Чтобы продавалась должность или место в университете — не бывает.

Но коррупция — это, разумеется, проблема для Китая. Коррупция — это тот холестерин, который может забить сосуды любой экономики. Расстрелами и арестами холестерин не лечат, только держат в рамках, тем более, что аресты, особенно в высших эшелонах власти — это, конечно, не столько правосудие, сколько политика.

К примеру, есть знаменитая история ареста Чэнь Ляньюя, главы шанхайского горкома. Его сняли в 2006-м, и вычистили весь Шанхай. Но это политика. Ушел Цзян Цземинь, он был из Шанхая, чистили всю шанхайскую клику, вот — зачистили Чэнь Ляньюя.

Более того, это дважды политика, потому что Шанхай — донор, это богатый город, для шанхайцев весь Китай делится на Шанхай и все остальное, и, как я уже говорила, есть очень серьезное напряжение между богатыми прибрежными районами-донорами и материковыми провинциями, которые сидят на дотациях. Все упирается в те же деньги, которые доноры хотят оставлять себе, Шанхай стал слишком независимым, в стране должен быть один император.

Как я уже сказала, коррупция эндемична для бюрократии. Ее нельзя ликвидировать совсем, как нельзя сов-

сем ликвидировать, ну, скажем, ДТП на дорогах. Всегда, если есть дороги и есть машины, люди будут биться. Вопрос в том, как свести ДТП к минимуму. Тут, как у Льюиса Кэррола, надо все время бежать очень быстро, чтобы оставаться на месте, и китайцы бегают очень быстро.

Женщины, император и павиан

Очень забавная часть китайской коррупции — женщины. Корруптированный чиновник обыкновенно берет не только деньги, но и женщин. У недавно арестованного министра транспорта обнаружилось 18 любовниц. С этим пытаются бороться, даже обязали регистрировать любовниц в парткоме. Древняя китайская традиция — сколько наложниц было у императора? Хотя, конечно, Сильвио Берлускони и Доминик Стросс-Кан в эту традицию вписываются превосходно. Тут мы, видимо, все восходим не к китайскому императору, а к павиану.

Перемены

Кризис 2008 года заставил Китай переориентироваться с экспорта на рост внутреннего потребления. Это привело к колоссальным переменам и колоссальным напряжениям в обществе. Но мне кажется, есть еще одна перемена, которую недооценивают.

Кризис 2008 года показал Китаю, что иностранные дьяволы, которые на протяжении последних двухсот лет решительно доминировали над двухтысячелетним

Китаем и с военной, и с экономической точки зрения, — больше ничему не могут научить Китай. До кризиса 2008 года у большинства трезвых иностранных наблюдателей было ощущение, что да, вот Китай будет развиваться, рынок он построил и сейчас будет понемногу строить демократию.

Нынешние проблемы иностранных дьяволов — замедление экономического развития, рост долга, многочисленность и безнаказанность социальных иждивенцев, капитуляция перед исламистской экспансией, финансовый кризис — являются прямым следствием господствующей в Европе социал-демократии и всеобщего избирательного права, и Китай слишком много хлебнул этого добра при Мао, чтобы теперь прививать себе ту же болезнь, пусть и в несравненно более мягкой форме.

Демократии — по крайней мере в виде всеобщего избирательного права — в Китае в обозримое время не будет, и каковы бы ни были проблемы Китая, их будет решать только компартия. Диктатура компартии является условием развития Китая, как наличие английской аристократии являлось условием развития Британской империи. Все. Точка. Нет там демократии ни на горизонте, ни в проекте, ни постепенно.

Проблемы есть, проблемы большие, но через демократию они не решаемы. Они через демократию усугубляемы.

Экспансия

Как рабочие Генри Форда способны были обеспечить своей многочисленностью спрос на его автомоби-

ли, так и внутренний рынок Китая сам собой способен обеспечить развитие страны. Однако что произойдет, когда Китай станет все больше зависеть от внутреннего потребления и все меньше — от экспортных рынков?

Это значит, что у слабеющего Запада будет все меньше рычагов давления на Китай.

Китай сейчас скупил всю Африку. Что будет, когда Китай «кинут», — а ведь «кинут» обязательно, в Африке это просто вопрос времени...

Я могу переформулировать этот вопрос другим образом. Истории известно множество примеров удачной авторитарной модернизации. Например, Германия и Япония. Дело в случае Германии кончилось Первой мировой. А в случае Японии — Перл-Харбором и Хиросимой.

Авторитарная модель развития на первых этапах может быть очень успешна, но она все время провоцирует государство на то, чтобы перестать строить рынок и начать строить империю. Тем более, что рано или поздно перед таким авторитарным государством встает вопрос недостатка ресурсов. К примеру, Япония 30-х годов была очень прагматическим государством. Она строила не империю — она строила экономику. У нее не было ни угля, ни нефти, и японские военные справедливо посчитали, что уголь они возьмут во внутренней Монголии, а нефть — на Филиппинах.

Куда для этого надо инвестировать? В танки и авианосцы. Танк — лучший способ добычи угля.

Уровень жизни в Китае стремительно растет, но социальная напряженность в нем смягчится только тогда, когда уровень жизни всех китайцев сравнится

с уровнем жизни на Западе. Проблема заключается в том, что ресурсов Китая для этого просто не хватит. Вопрос: что будет делать Китай, когда ему станет не хватать ресурсов для того, чтобы обеспечить своему населению жизнь как на Западе?

Я ту же самую проблему могу переформулировать и третьим способом. Природа не терпит пустоты. Запад ушел из Африки и с Ближнего Востока со словами: «Мы проклятые империалисты, извините, что мы вас колонизовали». В тех местах, откуда ушел Запад, образовался вакуум, заполненный мерзостью, кровью и людоедством. Людоеды, которые там живут, сами себя из болота вытянуть не могут. Природа не терпит пустоты. Это значит, что туда, откуда ушел Запад, придет Китай.

Который никогда не будет тыкать Запад носом в его ошибки и никогда не признает своих, при Мао. И никогда не повторит ни тех, ни других ошибок, хотя, разумеется, рано или поздно наделает свои собственные. Ибо такова уж судьба любой, самой совершенной цивилизации — рано или поздно она совершает ошибку.

ИТАЛИЯ: СЕВЕР УСТАЛ КОРМИТЬ ЮГ ТЕПЕРЬ ЭТО БУДЕТ ДЕЛАТЬ ЕВРОСОЮЗ

Если карлики отбрасывают длинные тени — значит, это закат.

Евровоздух

В августе была я в Пекине.

И вот я только что вернулась из Северной Италии. Я бегала по Милану, мимо безумного замка Сфорца, — мрачной крепости параноика посередине равнинного города, по туринским паркам вдоль По, по аркадам (14 км аркад, защищавших горожан от палящего солнца — ярчайшая особенность архитектуры Турина), над решетками, под которыми теперь грохочет метро, а когда-то кипели жизнью улицы римского еще времени, дышала прозрачным евровоздухом.

И поймала себя на мысли, что я впервые в жизни совершенно не завижую экологически чистой, гуманной, холеной Европе. И страшно завижую Китаю.

Север и юг

Италия разделена на Северную и Южную. Север богат, Юг нищ. Причина нищеты — мафия. Она уби-

300

вает экономику, как гербицид — траву. Вдоль 80-километрового шоссе Палермо-Траппани до сих пор ни одной автозаправки: не могут договориться, кому платить. Четверть века не могут докончить шоссе от Неаполя до Реджио ди Калабрия: воруют-с. Это тем более примечательно, что возле Реджио ди Калабрия находится крупнейший контейнерный порт в Средиземноморье.

В свое время великая Джейн Гудолл жила вместе со стадом шимпанзе в танзанийском национальном парке *Gombe Stream*. Шимпанзе не самые кроткие животные, но особого смертоубийства Гудолл не наблюдала. Через восемь лет смертоубийство началось. Причиной была халява — сотрудники парка, чтобы ближе наблюдать шимпанзе, начали давать им еду.

Южная Италия — тот же танзанийский парк (или российский Кавказ). Север содержит Юг, и эти халявные деньги и создали мафию, как деньги ООН создали ХАМАС. Сегодняшняя сицилийская мафия родилась не в XIX в. Она родилась в 60-х, когда правительство стало выделять огромные деньги на развитие местной инфраструктуры, и началось то, что в истории называется «разграблением Палермо» — то есть реконструкцией Палермо мафией на бюджетные деньги.

Чтобы развить Юг, правительство предлагало компаниям любые льготы. В результате, когда в 60-х «Фиат» собирался построить завод в Калабрии, он услышал практически прямым текстом: «Мы не заинтересованы в том, чтобы вы дали людям работу. Мы заинтересованы в том, чтобы они зависели от нас».

Это не значит, что мафия не помогает бедным. Наоборот — всегда и везде, от сицилийских донов до Паб-

ло Эскобара в Медельине, мафия помогает — охотно. И зорко смотрит, чтобы никто не мог помочь кроме нее. И чтобы человек не мог заработать на жизнь сам.

И знаете, какая удивительная вещь? Вы не найдете человека, который будет благодарен ну, скажем, компании «Фиат» за построенный для рабочих дом. Ха, куда там! «Эти сволочи построили для нас дом, но! Они ведь, гады, заставили нас для этого работать». А вот какому-нибудь дону готовы ручку целовать и за меньшее; так банан, выделенный подчиненному вожаком стаи, неизменно вызывает прилив любви к вожаку.

Регионы, контролируемые мафией, безопасны — но для своих. Если лавочник платит мафии, он может не страховать лавку — ее не ограбят. А как же случайный напившийся подросток? — спросите вы. А их нет. А случится? Найдут и зарежут. Там, где есть организованная преступность, неконтролируемой преступности нет. И это не очень хорошо говорит о современном государстве. Как так? Огромное государство не знает, кто ограбил лавку, а мафия — всегда знает?

Ихний Кавказ

Итальянский Юг — как российский Кавказ. Если бы южане этнически отличались от северян — быть бы крику «Италия для итальянцев». Впрочем, кричат и так. Требования политической или, по крайней мере, экономической независимости Северной Италии раздаются все чаще. Север устал кормить Юг.

Поэтому теперь Юг будет кормить Евросоюз. До 2013 года Евросоюз собирается инвестировать в

Южную Италию 44 млрд. евро, желательно во что-нибудь экологическое. Сицилия уже стала в Италии пионером по числу ветряков, за экологически чистую электроэнергию которых платят по тройному тарифу. Как же благородным донам пройти мимо такого душеспасительного дела, как спасение планеты от глобального потепления? Можно без преувеличения сказать, что эти две сущности — европейская бюрократия и организованная преступность — нашли друг друга.

Мафия и профсоюзы

Почему северяне терпели сорок лет, а теперь ропщут? Потому что у Севера у самого дела неважны.

Ту роль, которую на Юге играет мафия, на Севере играют профсоюзы. Итальянская экономика одряхла; налоги в Италии самые высокие в Европе (и их, разумеется, не платят), суды тянутся вдвое дольше, чем в Англии, гигантское количество групп интересов занимается обеспечением своего благосостояния за счет других групп.

Магазинчики «обедают» с 12.00 до 16.00, а потом негодуют на китайцев или супермаркеты, работающих хоть в четыре утра. Права трудящихся надежно защищены, дырки заткнуты, уволить работника невозможно, и поэтому его нанимают на временный контракт. Когда мудрые профсоюзы в своем рвении заткнули и эту дырку, запретив временные контракты более чем на три года, людей стали брать на три года и увольнять.

200—300

И тем не менее Италия остается вторым по величине (после Германии) европейским экспортером. Как же, несмотря на законы и налоги?

Абсолютное большинство итальянской промышленности — это фирмы по 200—300 человек. Выше — проверяют. Еще одна типичная черта этих фирм — это семейный бизнес. *IPO* для итальянского собственника — это исключение; это все равно что продать свой частный дом под автобусную остановку. «Зачем мне *IPO*? Это хорошая компания», — сказал как-то Берлускони.

Поэтому большинство компаний управляется не наемными менеджерами, а хозяевами или их внуками. А так как на внуках природа часто отдыхает, они управляются из рук вон плохо. И так же, как в XVII веке разбогатевшие пополаны в Италии купали землю, крупнейшие итальянские компании уходят в секторы, смежные с государством. «Пирелли» занялся телекоммуникациями, «Фиат» — энергетикой, «Беннетон» стал строить дороги.

«Фиат»

40 лет назад «Фиат» был градообразующим предприятием для Турина, как «АвтоВАЗ» — для Тольятти. Двести с лишним тысяч человек работало на «Фиат», и столько же — на поставщиков.

Теперь в бывших цехах «Фиата» в Линготто — гостиница, выставочный центр и торговый молл. Большую часть продаж «Фиат» имеет от своего производства

в Бразилии. Восточную Европу обслуживает завод в Польше, год назад глава «Фиата» Серджио Маркионе опубликовал открытое письмо, в котором заявил, что если он не договорится с профсоюзами, то штаб-квартира компании переедет в США. Мы встречаемся в головном офисе в Линготто с одним из руководителей компании, и я спрашиваю:

— Скажите, сколько людей в Италии работало на «Фиат» сорок лет назад и сколько — сейчас?

Мой собеседник меняется в лице, как советский директор, которого упрекнули в невыполнении плана по посеву свеклы.

— Это неправильная постановка вопроса! — взвизывает он, — мы стали глобальной компанией.

Разумеется! Но на мою просьбу посмотреть конвейер мне ответили, что это, к сожалению, не имеет смысла — он в данный момент не работает. Рабочие — в оплачиваемом отпуске. Вместо конвейера мне предложили посмотреть музей.

Мондови

Мы с моей приятельницей Анной Зафесовой едем в дивные пьемонтские предгорья, в крошечный Мондови, на встречу с Алессандро Батталья, директором *Silvateam*.

Silvateam — типичный семейный бизнес. 154 года назад три ее соучредителя занялись получением натуральных дубильных веществ и к концу XIX в. обзавелись пятью заводиками по переработке каштанового дерева в Мондови, Фрабозе, Пампарато и Саньелло. Нетипичен

он в том, что не выродился, наоборот, *Silvateam* — лидер в своем (крошечном) сегменте рынка. В 2001 году *Silvateam* купила производство в Перу, в 2004 году пришла в Китай, в том же году — в Бразилию.

— Проблемы есть во всех странах, — говорит Алессандро Батталья, — но в таких странах, как Бразилия, есть и проблемы, и возможности, а в Италии есть только проблемы.

Из 1200 работников *Silvateam* 900 теперь работают за границей, а в Мондови на заводе работают албанцы. Вкалывать за 1000 евро в месяц, за зарплату чернорабочего, местные гнушаются.

— Я плачу рабочему 1000 евро, а государству я за этого рабочего плачу 1200, — говорит Алессандро, — но это не самая большая проблема. Самая большая проблема та, что ты не можешь увольнять лентяев.

Еще недавно Алессандро был президентом местной *Confindustria* (в Италии все объединено в профсоюзы, в том числе и предприниматели), но пару лет назад случилась неприятность. *Silvateam* польстилась на 12 млн. евро из тех 44-х млрд., которые Евросоюз отпустил на южноитальянскую мафию, и стала модернизировать свой завод в Калабрии.

Из этих денег 200 тыс. евро убежало куда-то не туда, и калабрийский судья решил, что Алессандро — преступник. Ясен пень: судье из Калабрии трудно отыскать преступников ближе, чем в Пьемонте. Алессандро задержали, с шумом и непременно пресс-конференцией, а после пресс-конференции калабрийский судья в тот же день сплавил дело судье пьемонтскому. Через несколько месяцев все обвинения с Алессандро были сняты, но с поста главы местного РСПП он вылетел.

Мораль: если ты не член ндрангетты, не строй в Калабрии на еврохаляву.

Судьи

Судьи — это вообще большая проблема Италии. Судьи превратились в политическую силу, которая решает, кто будет править Италией, причем эта сила никем не избрана. Судьи жутко любят бороться с несправедливостью, но как-то не против мафии (посмертная слава а-ля Борселино никого не прельщает), а против знаменитых актеров, членов королевской семьи, и, разумеется, бизнесменов, и все это со сливом прослушек в прессу, шумными пресс-конференциями и последующим тихим издыханием дела за полным его пшиком.

Кроме того, тем, кто ищет популярности, неприлично трогать левых. Поэтому итальянские интеллектуалы обсуждают, сколько Берлускони платил проституткам, но никогда почему-то не обсуждают вопросы приватизации предприятий Романо Проди.

Фоссано

А вот еще типичный итальянский бизнес: местечко Фоссано, завод компании *Maina*. *Maina* — компания не просто итальянская, а эксклюзивно итальянская. Делает она *pannetone* — это такой местный кулич, который едят на Рождество и на Пасху. Основал компанию, как полагается, нищий выходец с Юга, который без гроша в кармане горбатился на какую-то бу-

лочную, а потом вместе с братом выкупил в 1969-м заводик, фотографии которого гордо стоят теперь в офисе, и который сейчас, в век евростандартов, был бы закрыт, как чумной барак.

В офисе нас встречают двое руководителей компании — двоюродные братья Уго и Марко. Отцы их сидят тут же, семидесятилетние, успешные, ухоженные, еще в полном соку. По стерильному цеху, где, как на параде, шагают в печку ряды *pannetone*, нас ведет третий сын, инженер. (Всего сыновей пятеро, два экономиста и три инженера, и все при компании.)

Pastamadre, «мама-тесто», из которого делают все *pannetoni*, ровесница компании — ей ровно 46 лет. «Мама-тесто» устроено, как амеба. Каждый день «маму-тесто» режут пополам, и одну половину пускают на завтрашнюю выпечку.

Вообще-то это общеизвестный факт, что в Италии со стороны Китая конкуренции не боятся прежде всего нишевые компании, особенно в сегменте *luxury* — всякие там «феррари» с ручной выточкой гаек и Дольче с Габбаной. Но *Maina* — это такая уникальная компания, которая может не бояться конкуренции даже со стороны Милана. Дело в том, что дрожжи питаются местным воздухом и местной водой. Если перевезти «маму-тесто», ну, в Рим — то он там надышится другим воздухом!

Короче: *Maina* производит чисто итальянский продукт, производит его только в Италии, и конкурирует только с другими итальянскими компаниями, работающими в точно таких же условиях. И занимает 14 % рынка. Поэтому Уго и Марко — очень счастливые люди.

— К тому же у вас нет проблем с трудовым законодательством, — говорю я, — рабочие-то сезонные.

Если кто лентяй, вы его не нанимаете на следующий сезон — и все.

— Есть! — хором отвечают Уго и Марко. — Рабочие сезонные, но по закону мы должны сначала предложить работу тому, кто у нас уже работал. Это невероятно! Человек — лентяй, а мы не только не имеем права его уволить, но не имеем даже права его не нанять!

Пенсии

Джордио Арфарас, партнер недавно основанного финансового бутика *Solutions Capital Management*, говорит мне:

— ВВП Китая на душу населения — 4 тыс. долларов. Мой 90-летний отец получает от государства бесплатно лекарств на 1000 евро в месяц. За четыре месяца мой отец получает больше, чем подушевой ВВП Китая за год. Сегодня средний возраст итальянца — сорок пять лет. Что будет, когда он станет пятьдесят? Откуда молодые заработают столько денег, чтобы платить старым?

Это самый главный вопрос Италии. Но чтобы задать этот вопрос, нужно быть не политиком, который думает о голосах, а государственным деятелем, который думает о стратегии. Государственных деятелей в Европе больше нет.

«Фиат-пионер»

Что такое фашизм? Разновидность социализма; всеобщее избирательное право плюс социальные га-

рантии плюс вождь. Прежде всего фашизм — это противник классического либерализма XIX в. (Фашизм полностью и абсолютно противостоит доктрине либерализма — писал Муссолини в «Манифесте фашизма».) Фашизм родился в Италии вместе с коммунизмом и массовым производством: в 1919 году Джованни Аньелли съездил к Форду и привез из США идею конвейера, в 1919 же году был запущен «Фиат-501», в 1919 году рождается фашизм.

Ах, какие плакаты тех времен можно встретить в музее «Фиата»! Вот — чудеснейший — *Fiat balilla*, 1932 г. «Балилла» — это прозвище генуэзского мальчишки, который в 1746 году кинул камень в оккупантов-австрияков; «Балилла» — это была организация муссолиниевских нацистов. «Фиат балилла», по-нашему, «Фиат-пионер».

Под нажимом Муссолини «Фиат» застраивал целые кварталы Турина домами для рабочих, открывал санатории и детсады. И когда вождя уминусовали и повесили труп за ноги, оба остальных компонента, — всеобщее голосование и социальные гарантии — остались. Вы будете смеяться, но ни один политик не приходил к власти в Италии, обещая народу, что он будет работать больше, а получать меньше. Все обещали, что работы будет меньше, а денег — больше.

Кто бы ни был у власти, экономическая политика Италии строилась так: рабочим — социальные гарантии, капиталистам — девальвацию (как способ поддержания конкурентоспособности).

Так продолжалось до начала 90-х, когда СССР рухнул, опасность победы коммунизма исчезла, и страну

отдали под внешнее управление Германии. Это внешнее управление называлось — введение евро.

— С введением евро по всей Европе политики всей Европы получили возможность прекратить рост социальных гарантий со словами: мы бы и рады, да Европейский ЦБ не позволяет, — говорит Джорджио Арфарас.

Чистые руки

Воровали в Италии на выборах всегда ужасно. Мосты и дороги Италии — это памятники избирательным кампаниям, и если вы едете со знающим человеком, он вам расскажет: «Вот этот мост — парламентские выборы такого-то года, а вот этот — такого-то». Разница, однако, заключалась в том, что так как христианские демократы подпитывались от ЦРУ, а коммунисты — от СССР, то социалистам приходилось воровать внутри больше всех.

Поэтому, когда после конца СССР итальянцы решили почистить свои авгиевы конюшни и начали операцию «чистые руки», социалисты пострадали больше всех. В результате вся политическая система Италии была сломана: коммунисты придохли (вместе с СССР), а христианские демократы и социалисты сели.

Тут-то и появился Берлускони.

О телезрителях и избирателях

Мы сидим с моими приятелями Роберто Карретта и Карло Гранде на туринской *Piazza San Carlo*, чьи

кафе выполняют в Турине роль местного Монмартра; площадь находится там, где кончались стены средневекового Турина и начиналась *Via Romana*.

— Когда такие маленькие карлики отбрасывают такие длинные тени, значит, мы живем при закате, — говорит Роберто.

Он машет рукой на юг — там, сразу за двумя церквями XVII века — Санта-Кристина и Сан-Карло, во время Муссолини были снесены старинные дома, уступив место гранитным громадам фашистского конструктивизма.

— Фетишем фашистов была мужественность, — продолжает Роберто. Молодящийся политик, который доказывает себе свою мужественность, трахая несовершеннолетних проституток — это такая пародия на фашизм.

— А что показывает его телевидение! — говорит Карло, — это же зрелище для быдла!

— Но ведь Берлускони показывает то, что хавают зритель, — говорю я, — это не вопрос вкуса Берлускони. Это вопрос спроса. А что касается молодящийся политиков с программой «хватай и жри», то у вас нет той отмазки, которая есть в России. Это у нас нет выборов. А у вас есть. Значит, это не проблема политиков. Это проблема избирателей.

Такая постановка вопроса ни Роберто, ни Карло не нравится.

Берлускони

На самом деле трагедия Берлускони заключается в том, что он когда-то в самом деле пытался изменить Италию.

Сильвио Берлускони — это выскочка, парвеню, блестящий бизнесмен американского, непривычного для Италии типа. Первый его бизнес был девелопмент. (Отсюда и слухи о связях с мафией — деньги на девелопмент обычно давала мафия.) Следующий — телевидение. До Берлускони телевидение в Италии было государственным и скучным запредельно; запрет на общенациональные частные каналы был прописан законодательно. Берлускони был итальянским Гусинским — он принялся скупать местные кабельные каналы и создал из них де-факто общенациональную сеть, которая впервые показала итальянцам интересное — скопированное с США — телевидение.

Когда правительство это сообразило, оно тупо выключило телевизор, и миллионы итальянцев, прильнувших к голубому экрану в ожидании очередной порции высокодуховного зрелища вроде «поля чудес» увидели белую рябь. Правительство чуть не снесли, а Берлускони, в точности как Козимо Медичи в свое время, понял, что в этом государстве нельзя быть богатым и не заниматься политикой.

Поле чудес

Самое поразительное, что Берлускони всерьез хотел реформировать Италию — и начал как раз с пенсионной реформы. В результате через 7 месяцев он вылетел с поста и 5 лет провел в оппозиции. Когда он вернулся, иллюзии исчезли. Он понял, что политика — это то же телевидение. Если публике нравится «поле чудес», надо делать «поле чудес». В политике то же самое.

Пытаться объяснить массе, что булки не растут на деревьях — бесполезно. Объяснить ей можно только одно: что работать они будут меньше, а получать больше.

Пико делла Мирандола

Много лет назад бывший министр экономики Грузии Каха Бендукидзе как-то рассказывал мне про одного грузинского бизнесмена времен Шеварднадзе. У бизнесмена было штук двадцать бизнесов, и Каха спросил его: «А чего вы не оставите себе один, самый прибыльный, а остальные не продадите?» Потому что понятно, что двадцать бизнесов приносят меньше, чем один, но в двадцать раз больший. А бизнесмен ответил: «Лучше быть незаметным. А то разденут и посадят».

Я вспомнила эти слова, когда познакомилась на туринской книжной выставке с Нино Араньо, породистым итальянцем, настоящим грандом, который имеет 21 бизнес, весьма успешные, и на деньги от них, для души, издает Эзру Паунда и Пико делла Мирандолу.

«А зачем вам 21 бизнес? Почему бы не продать 20 бизнесов и не расширить один?» — спросила я, точь-в-точь как Каха.

И бизнесмен из демократической Италии ответил мне точь-в-точь, как бизнесмен из Грузии времен Шеварднадзе:

— Италия — опасная страна. Мы, бизнесмены, не доверяем государству. Диверсификация — это моя страховка.

— А почему бы вам не изменить государство? — спросила я.

И издатель Пико делла Мирандолы из демократической Италии ответил мне точь-в-точь, как олигарх из путинской России:

— Государство нельзя изменить. К нему можно только приспособиться.

В этом — основная проблема современной демократии. Всеобщее избирательное право приравнивает голос Нино Араньо, который имеет 21 бизнес и для души издает Пико делла Мирандолу, к голосу его рабочего. Голос собственника — к голосу неимущего. И если в стране неимущих больше, чем собственников, то они всегда проголосуют не за уменьшение налогов, а за увеличение пособий. Не за тех, кто обещает им сохранить их собственность, а за тех, кто обещает поделить-ся с ними чужой.

Остановить это сможет только государственный деятель, который растит в стране избирателя-собственника. А не политик, который растит избирателя-халявщика.

— Россия, — говорю я Джакопо Баригацци, главному редактору новостного сайта *Linkiesta.it*, — это Италия без демократии. А Италия — это Россия без нефти.

— И это показывает, сколько стоит наша демократия, — грустно отвечает тот.

Послесловие

Я улетала из Италии. Родные обычаи встретили меня прямо возле стойки аэропорта: рейс, на мое несчастье, был рейсом «Аэрофлота», и в совершенно

пустом аэропорту в дальнем конце стояла очередь на два часа: чтобы, значит, пассажиры «Аэрофлота» заранее понимали, что это европейцам они клиенты, а «Аэрофлоту» — бараны.

Дорога от Шереметьево до дома заняла столько же, сколько полет от Милана до Шереметьево, была пятница, день рождения Путина, в гости к нему летел дорогой друг Сильвио, и по этому случаю стояло все, включая МКАД.

Так что не скажи, Джакопо — демократия все-таки много стоит.

P.S.

Автор выражает огромную благодарность в помощи в подготовке материала Анне Зафесовой из *La Stampa*, без которой многие из описанных выше (и неописанных) встреч не состоялись бы.

ГИБЕЛЬ ЕВРОПЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1 сентября 1939 года, ровно через неделю после подписания пакта Молотова-Риббентропа, началась Вторая мировая война. Общепринятая точка зрения гласит, что Вторая мировая война закончилась победой сил Добра над силами Зла, — открытого общества (ну, в союзе со сталинским СССР) над чудовищным нацистским режимом.

На самом деле, как мне кажется, Вторая мировая война закончилась крахом Европы. Постепенное превращение Европы в социалистическую и неконкурентоспособную бюрократию стало лишь следствием тех процессов, которые были запущены концом Второй мировой.

Что произошло 1 сентября 1939 года? Две тоталитарные державы начали Вторую мировую войну, договорившись за неделю до этого о том, как разделить между ними двумя Европу. При этом один диктатор, более глупый, используемый в качестве той палки, которой умная обезьяна достает каштаны из огня, полез в Польшу первым и ввязался в войну против Англии и Франции, а второй диктатор, более дальновидный, тот, который все это спланировал, вступил в Польшу 17 сентября без объявления войны и в результате

остался тем человеком, к которому Англия взывала о помощи.

Что произошло 22 июня 1941 года? В этот день Гитлер нанес удар Сталину, готовившемуся нанести удар Гитлеру.

Что произошло 9 мая 1945 года? В этот день диктатор, задумавший Вторую мировую войну как средство передела мира, превративший свою страну в гигантскую фабрику по производству оружия и взрастивший Гитлера как инструмент этого передела, выиграл Вторую мировую войну в союзе с теми, против кого он ее начинал.

Союзники заключили союз со Сталиным и закрыли на него глаза, и они вместе со Сталиным провели Нюрнбергский суд, — в какой-то мере самый позорный из судов, происходивших на Западе. Нюрнбергский трибунал — это ведь экспортный вариант троцкистско-бухаринских процессов. Не в том смысле, что там судили невиноватых людей. А в том смысле, что главный автор Второй мировой оказался не подсудимым, а организатором Нюрнбергского процесса.

Замысел Сталина не был реализован до конца — он не сумел покорить весь мир. Но вот отравить он его смог.

СССР был крайне неэффективен во всем, что касалось созидания, науки и прогресса. Но СССР был крайне эффективен во всем, что касалось разрушения, идеологии, насилия и лжи. СССР был крайне неэффективен в созидании, и поэтому он рухнул. Но СССР был крайне эффективен в насилии и идеологии, и поддерживаемая и распространяемая им идеология подточила Запад изнутри.

Вторая мировая война покончила с тем Западом, который побеждал мир.

Она покончила с несколькими вещами.

КОЛОНИАЛИЗМ

Во-первых, она покончила с колониализмом. Я думаю, сейчас мои читатели очень удивятся, потому что от любого респектабельного историка — западного ли либерала, советского ли коммуниста — они знают, что колониализм — это последняя стадия империализма, что проклятые колонизаторы в колониях пили из своих жертв кровь, что американцы истребили индейцев, а англичане навязывали китайцам опиум.

Все так. Но у колониализма была одна особенность. В эпоху колониализма любая страна, которая не хотела быть завоевана, имела только один способ избежать этого: пойти по пути прогресса и стать Западом. В эпоху колониализма любая страна, которая не хотела быть завоевана, задавала себе тот же вопрос, который в 1731 году задал турецкий первопечатник Ибрагим Мутефферика: «Почему христианские нации, столь слабые в прошлом по сравнению с мусульманами, владеют теперь столь многими землями и даже наносят поражения некогда победоносным Османским армиям?»

Те из незападных стран, которые успели до Второй мировой правильно ответить на этот вопрос, — будь то Турция при Ататюрке или Япония эпохи Мейдзи — начали развиваться.

После Второй мировой система колоний рухнула. У Запада не было отныне никакой возможности пря-

мо или косвенно доминировать над Индией, Замбией или Ираном, когда рядом существовал СССР, всегда готовый помочь несчастным жертвам колонизаторов оружием, деньгами и идеологией. А вопрос: «Что надо сделать, чтобы стать сильными?» — был заменен восклицанием: «Они нас поработили, значит, они виноваты».

Любая война — это смерть, насилие и *vae victus*. Но, странным образом, единственные войны в истории человечества, в которых победители объявлены виноватой стороной — это войны, которые вел развитый Запад. Никому не приходит в голову обличать зверства маньчжуров или Великих Моголов. А вот «опиумные войны» или завоевание Индии входят в стандартный набор упреков, предъявляемых колонизаторам. Хотя, если говорить об исторических последствиях, то завоевание великого Китая неграмотными кочевниками-маньчжурами было куда большей исторической катастрофой, чем появление в нем европейцев.

По странному совпадению, освободившиеся колонии показывали тем лучшие результаты, чем дольше они находились под властью Великобритании. Индия развивалась лучше, чем Замбия. Африка была отброшена далеко назад, и если во время колонии ВВП Великобритании на душу населения превышал уровень ВВП Замбии в 7 раз, то через двадцать лет разница составляла 27 раз.

И самое удивительное, что это поразительное утверждение: «Они сильнее нас, значит, они хуже. Они богаче нас, значит, они мерзавцы» — не осмелился оспаривать даже сам Запад. Не только либеральные круги, но и правительства Запада сокрушенно пов-

ториями: «Да, мы вас завоевали, поэтому вы слабые и отстающие». Никто не воскликнул: «Черт возьми, мы вас завоевали, потому что вы были слабые и отстающие, иначе это вы бы завоевали нас!»

Крах колониализма остановил механизм внутривидовой государственной селекции, когда выживал самый сильный, а стало быть, самый процветающий — и дал зеленый свет существованию самых чудовищных режимов, которые просто не выжили бы в конкурентной среде.

Ирак или Афганистан управлялись бы лучше, сделай США их своими колониями. Единственный реальный способ разрешить проблемы Африки и Ближнего Востока — это вторичная колонизация. Вопрос только в том, кто возьмет на себя ответственность это сделать: Старый Запад или Китай.

UNIVERSAL SUFFRAGE

Во-вторых, Вторая мировая война окончательно покончила с имущественным цензом и заменила его *всеобщим избирательным правом*, — одной из самых страшных язв, разъедающих сейчас свободное общество.

Я думаю, тут многие удивятся еще больше, поскольку им на каждом шагу твердят, что всеобщее избирательное право — это и есть инструмент обеспечения свободы.

Ничуть. Те страны, в которых оформились современные идеи прав личности, неприкосновенности частной собственности и экономической свободы, вне зависимости от того, были они монархией, как Великобрита-

ния, или республикой, как США, не имели всеобщего избирательного права, а имели имущественный ценз.

Причем этот ценз не был «феодалным пережитком». Наоборот, ограничение числа избирателей числом налогоплательщиков было общим местом для любых просвещенных мыслителей, от Локка до Маколея. Вы редко где найдете такую желчную критику демократии (то есть системы, при которой голосуют все), как у американских Отцов-Основателей, — от Джеймса Мэдисона, который писал, что чистая демократия «несовместима с правами собственности», до Томаса Джефферсона, скептически заметившего, что «чернь в больших городах способствует чистоте правительства не более, нежели язвы — силе человеческого тела».

Мэдисон и Джефферсон лишь видели очевидное: внедрение всеобщего избирательного права неизменно кончалось катастрофой для свободы. В первый раз его внедрила, руководствуясь руссоистскими идеями об «общем благе», революционная Франция, и дело быстро кончилось гильотиной и баржами, на которых Фуше топил врагов народа в Лионе. Второй из европейских стран его внедрила Германия в 1871 г., при Бисмарке (для мужчин). Железный канцлер строил государство всеобщего благосостояния и справедливо полагал, что патриотичные массы ослабят в рейхстаге влияние всяческих либералов.

Зато — в отличие от авторов Декларации Независимости — идея всеобщего избирательного права очень понравилась коммунистам и социалистам. «Ирония всемирной истории ставит всё вверх ногами. Мы, «революционеры», «ниспровергатели», мы гораздо больше преуспеваем с помощью легальных средств, чем

с помощью нелегальных или с помощью переворота. Партии, называющие себя партиями порядка, погибают от созданного ими же самими легального положения», — писал Фридрих Энгельс в 1895 г. в своей статье «Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 г. по 1850 г.», восхваляя *universal suffrage*¹.

После Первой мировой войны всеобщее избирательное право стало все больше и больше вытеснять имущественный ценз. Массовые армии образца Первой мировой войны требовали и массовых избирательных прав. В результате во многих частях Европы всеобщее избирательное право стало приводить к власти анархические, коммунистические или национал-социалистические режимы, а те, в свою очередь, все более и более снимали ограничения для избирателей. Но подлинное триумфальное шествие всеобщее избирательное право начало с СССР.

«Только в СССР всеобщее избирательное право, провозглашенное Сталинской Конституцией, не знает никаких ограничений», — гласит сталинский «Словарь в помощь избирателю к выборам в Верховный Совет СССР», и этот словарь почти прав: формально Сталинская конституция 1936 года предоставляла избирательные права, всем, с 18 лет, в т.ч. женщинам, в то время как в абсолютном большинстве свободных стран имущественные и возрастные цензы еще существовали.

Единственное, о чем умалчивает «Словарь» — это о том, что в это время в Европе была и другая страна

¹ Всеобщее избирательное право (*англ.*).

с подлинным всеобщим избирательным правом. Это была фашистская Италия, где Муссолини в 20-х годах ввел всеобщее избирательное право, в том числе для женщин.

Однако как общепринятая норма, не знающая исключений, всеобщее избирательное право утвердилось на Западе, именно после Второй мировой войны, и это было абсолютным забвением принципов Отцов-Основателей и капитуляцией перед тоталитарными режимами. Нельзя было ответить на вопрос: «А почему вы лишили избирательного права неграмотных и нищих?», не открывая фланга для убийственной критики со стороны левых. Всеобщее избирательное право в конечном итоге привело к ползучему социализму, зарастанию государства и превращению его из инструмента обеспечения прав граждан в инструмент обеспечения благ избирателей.

ИДЕОЛОГИЯ

С момента создания Коминтерна и выделения Сталиным гигантских сумм на подготовку общественного мнения в интеллектуальных кругах Запада стала доминировать левая идеология. Я отнюдь не хочу сказать, что она родилась при Сталине, опять-таки вовсе нет. Первым «левым» в современном смысле слова на Западе был Жан-Жак Руссо, а первой левой революцией — Французская революция 1789 г.

Но никогда мы не видели такого тотального, масштабного наступления как на основы рынка, так и на обязанности государства, связанные с применением

насилия для защиты прав и свобод своих граждан, как с 1920-х годов.

Никогда мы не видели такого очевидного игнорирования реальности, как со стороны «полезных идиотов», которые клеймили «буржуазный кровавый режим» за «нарушение прав трудящихся», и в то же время в упор не видели сталинского ГУЛАГа и Голодомора.

Во времена вьетнамской войны американские левые с упоением разоблачали «зверства американской женщины» во Вьетнаме и не видели, что упорядоченное, тотальное, возведенное в ранг стратегии зверство есть главное оружие вьетконговцев, с помощью которого они и добились победы. Во времена гонки вооружений «борцы за мир» требовали разоружения от западных стран, изумительным образом игнорируя тот факт, что на гербе противостоящего им «мирного СССР» изображен весь земной шар и что 90 % промышленности «мирного СССР» работают на производство вооружений.

Я понимаю, что не все леваки были платными агентами Коминтерна. Но понимаете, какая штука: в XIX в., когда коммунистов и социалистов было пруд пруди, а результатов социализма в глаза никто не видал, на другом конце политического спектра существовал мощный, оппонировавший им классический либерализм. А вот в XX веке, когда результаты социализма, хотя бы и за железным занавесом и за Берлинской стеной, бросались в глаза, как слон на улицах Лондона, — вдруг голоса левых всех сортов стали беспощадно забивать эфир на всех волнах, и даже само слово «либерализм» было украдено и стало обозначать левую идеологию, диаметрально противоположную Адаму Смиту и Джону Стюарту Миллю.

Ложь — это более выгодная стратегия для тоталитаризма, чем хвастовство. Это стало понятно уже тогда, когда Гитлер, построивший свою идеологию на хвастовстве, проиграл Сталину, строившему свою идеологию на лжи. Сталинский СССР готовился к войне, а говорил о мире. Уничтожил всякую свободу — а формально пользовался всеобщим избирательным правом.

Левые на Западе следовали примеру Сталина. Они боролись против свободного общества не иначе, как под предлогом «борьбы за мир» и «защиты прав человека». Американская *ACLU*, основанная коммунистом Роджером Балдуином и служившая, по словам генсека Компартии Америки Эрла Браудера, «приводным ремнем» для партии, позиционировала себя как борца за права человека и за Первую Поправку Конституции.

После распада СССР большинство этих «борцов за мир» и «борцов за права человека» остались без объекта, которого нужно защищать от «кровавого буржуазного режима».

Но «борцы за мир» быстро нашли новый объект защиты в лице исламских террористов, которые точно так же, как вьетконговцы или КПСС, считали не только дозволенным, но и необходимым лгать неверным и «вести джихад руками самих кяфиров»; они реально исповедовали тотальное, ничем не ограниченное насилие, а публично жаловались, что являются жертвами агрессора.

«Борьба за мир» из идеологии леваков превратилась в идеологию международной бюрократии, интуитивная цель которой очень проста: не дать национальному здоровому государству защитить себя и своих граждан

от агрессии. Создать патовую ситуацию, при которой террористы, не сдерживаясь ничем, могут наносить удары, — в первую очередь по Израилю и США, — а ответный удар тут же запрещается во имя прав человека «наблюдателями, стоящими над схваткой».

Это катастрофическое отрицание права государства на защиту своих граждан даже ускорилося с распадом СССР, когда существование очевидного противника перестало мобилизовывать и западного избирателя, и западные правительства.

Эрозия происходит на наших глазах. В 1944 году никому не пришло бы в голову говорить: «Зачем высаживаться в Нормандии? Насилием насилие не исправишь, насилие приведет только к новым жертвам», в 1976 году никому бы не пришло в голову сказать: «Как израильские коммандос посмели перестрелять всех террористов? Мы не отрицаем, что они были террористы, но ведь над ними не было суда, и мы никогда не узнаем правды».

А вот сейчас, в 2012-м, фразы типа «Как посмели израильтяне проводить операцию «Литой свинец»? Насилием насилие не исправишь, насилие приведет только к новым жертвам», или: «Как посмели американцы застрелить безоружного бен Ладена на глазах его маленькой дочери? Мы не отрицаем, что он был террорист, но ведь суда над ним не было, и мы никогда не узнаем правды», — сейчас подобные фразы считаются признаком хорошего либерального тона.

Западная цивилизация не сможет долго существовать, если ее же собственная идеология будет отрицать за ней право на защиту.

СОЦИАЛИЗМ

Наконец, наиболее зримым признаком победы социализма в Европе является, собственно, сам победивший в Европе социализм.

Социализм — это ведь не обязательно, когда всю промышленность заставляют выпускать либо танки, которые нужны для завоевания мира, либо сталь, которая нужна для производства танков, а поскольку рынок не может обеспечить такого уровня государственных расходов, рынок отменяют вовсе. Социализм — это когда государство распределяет чужие деньги, а чужие деньги имеют то свойство, что они рано или поздно кончаются.

Для социализма вовсе не обязательно отменять рынок — достаточно кардинально повысить налоги. Для социализма вовсе не обязательно вводить диктатуру — достаточно расплодить бюрократию. Для социализма вовсе не обязательно отменять представительный образ правления — достаточно ввести всеобщее избирательное право и ждать, пока в условиях тотальной бюрократии и тяжелых налогов количество иждивенцев среди избирателей превысит количество налогоплательщиков.

Во второй половине прошлого века была популярна «теория конвергенции» — о том, что социализм рано или поздно эволюционирует в сторону свободного рынка, а свободный рынок — в сторону социализма. Первая часть теории не очень оправдалась: вместо эволюции произошла катастрофа. СССР пал. А вот вторая часть «теории конвергенции» оправдывается как нельзя лучше — свободный рынок в тех странах, которые мы привыкли называть «Запад», все более вытесняется регулированием.

В XVIII в. уже упоминавшийся мной турецкий перепечатчик Ибрагим Мутефферик кончил плохо: гильдия писцов добилась запрещения печатных прессов в Турции, мотивируя это тем, что иначе писцы останутся без работы. Когда государство отказывается закрыть заводы «Крайслер», потому что иначе рабочие останутся без работы — вопрос, чем это отличается от истории с Мутеффериком и турецкими писцами? Можно ли представить себе, что в XVIII или XIX вв. частной компании удалось бы избежать гибели по той причине, что «иначе рабочие останутся без работы?»

Результат известен: конкретные рабочие сохраняют работу. А вот зато целые отрасли — и страны — проигрывают в конкуренции Китаю, где левая идеология, комплекс вины по отношению к странам третьего мира, всеобщее избирательное право и социализм не существуют. Где вместо них существует то, что существовало в Европе в XIX веке: рынок.

ЗАПАД УШЕЛ НА ВОСТОК

Сразу после конца Второй мировой войны стало ясно, что итоги Второй мировой оказались катастрофическими для Британской империи. Несмотря на победу, она утратила статус сверхдержавы. Гитлер, собственно, добился того, чего хотел — он сокрушил Великобританию, пусть и путем собственной гибели.

Сейчас, спустя почти 70 лет, становится ясно, что итоги Второй мировой войны, выношенной, затеянной и спланированной Сталиным ради мирового господства, оказались еще куда более трагичными. Они унич-

тожили не просто Великобритании — а всю Европу, такую, какой она была до того, как СССР стал одним из победителей в войне, которую он сам же спланировал и развязал. Единственной западной страной, которая не капитулировала перед левой идеологией, пока остаются Соединенные Штаты Америки.

Сам СССР, как государство, не выдержал жесткой конкуренции со свободным рынком и пал. Но виртуальный СССР — как всеобщее избирательное право, которое превращается в свою противоположность и лишает граждан экономической свободы, как бюрократия, регулирующая все и вся, как левацкая идеология, которая называет организаторов террора — жертвами государства, а государство, защищающее права и свободы граждан, клеймит как источник насилия — одержал на Западе победу, и именно поэтому мы живем в эпоху, которую один из лучших современных историков Ньял Фергюссон назвал просто и четко — конец 500 летнего доминирования Запада.

Европа проиграла во Второй мировой войне. Она проиграла не СССР, а своей собственной пятой колонне. И выиграли в этой войне против свободного рынка не социалисты. Выиграл Китай. Китай, в котором нет ни всеобщего голосования, ни левацкой идеологии, ни глубокого чувства вины перед побежденными и завоеванными (вы представляете себе Китай, извиняющийся перед Тибетом?), ни социализма.

Потому что урок истории очень прост: с некоторых пор в ней всегда выигрывает свободный рынок. Выигрывает там, где он существует. В 1991 году это осознал на своей шкуре СССР. В очень короткое историческое время это осознает на своей шкуре Евросоюз.

ЕВРОПА, ТЫ ОФИГЕЛА!

Мне тут говорят, что я ругаю европейские ценности. Что вот, мол, нынешнее состояние Европы — это офигеть и венец развития, и всем надо смотреть, открыв рот, и подражать.

Хорошо бы произвести инвентаризацию этих ценностей по гамбургскому счету.

Ценность № 1: Единство Европы

Это сейчас — одна из самых важных европейских ценностей. Европа объединяется, исчезают границы, и еврочиновники в Брюсселе принимают благотельные указы о степени кривизны огурцов и продаже яиц на вес. Объединение — это, может, и замечательно, но вот беда — с момента распада империи Карла Великого и до момента образования Евросоюза Европа не была единой.

Китайская империя Халифат, Блистательная Порта были едиными — а вот Европа не была, и все время, пока Европа завоевывала мир, части ее находились в жесточайшей конкуренции между собой. И эта конкуренция и способствовала прогрессу. Великобритания стала империей не просто так, а в борьбе против Испании; Пруссия стала Германской

империей не просто так, а в результате жестких реформ, без которых государство не выжило бы в кольце врагов.

То есть, внимание: может быть, единство — это очень хорошо. Это офигительно. Но это не есть европейская ценность времен расцвета Европы. В зените своей славы Европа не была единой.

Ценность № 2: всеобщее избирательное право

Еще нам говорят, что демократия — это европейская ценность и европейское завоевание; что это самый офигительно хороший режим, и при этом под демократией разумеют всеобщее избирательное право. Кто против всеобщего избирательного права — тот фашист, негодяй и вообще гад.

Сейчас я на минуточку воздержусь от оценок работоспособности всеобщего избирательного права в какой-нибудь Гане или Палестине, но вот проблема — а какое отношение *universal suffrage* имеет к традиционным европейским ценностям?

Вы мне не подскажите, для какой демократии Колумб открывал Америку, а сэр Фрэнсис Дрейк грабил испанские корабли? На Западе времен его расцвета были представлены самые разные режимы: парламентская монархия, как в Великобритании, где круг избирателей был ограничен налогоплательщиками; республика, как в США, где опять-таки избиратели были налогоплательщиками. Абсолютная монархия, как в Пруссии, Испании или России.

Но вот всеобщего избирательного права не было решительно ни в Великобритании, ни в США, и Томас Маколей, историк и член британского парламента, писал в середине XIX в., что это понятие «совершенно несовместимо с существованием цивилизации».

Первый раз всеобщее избирательное право было введено во Франции во времена Великой французской революции и кончилось гильотиной и террором; второй раз (для мужчин) ввел его железный канцлер Бисмарк в Германской империи в 1871 году, желая разбавить свободомыслие немецких собственников шовинистическим угаром безмозглых масс.

Ценз стал понижаться, а избирательное право стало распространяться на неимущих после Первой мировой войны, и окончательно всеобщим оно стало после Второй мировой, под влиянием социалистической идеологии. Во всех нищих странах, в которых его пытались ввести — в той же Африке, — всеобщее избирательное право приводило к переделу собственности, распространению религиозного и национального фанатизма и кончалось диктатурой.

Но я сейчас о другом. Допустим, всеобщее избирательное право — это венец развития. Допустим, каждый безработный ублюдок, громящий лондонский магазин, — это и есть тот парень, который должен решать, как нам всем жить, и кто это отрицает — тот ретроград и фашист. Но при чем здесь *европейские* ценности? Всеобщее избирательное право не существовало на Западе, пока Запад владел миром. Когда оно пришло на Запад, Запад свое господство в рекордные сроки утратил.

Ценность № 3. Социальная справедливость

Еще одной европейской ценностью в настоящий момент является социальная справедливость. Социальная справедливость выражается в том, что если у вас есть безработная наркоманка с пятью детьми, то она будет жить в роскошном особняке, потому что не должны же дети страдать! — это несправедливо, а если у вас есть работа, муж и семья, то вы будете вкалывать как ишак, и половину заработанного вами государство будет у вас отнимать, чтобы отдать безработной наркоманке.

Ну, не знаю насчет справедливости — с моей точки зрения, несправедливо грабить тех, кто работает, чтобы отдать их деньги тем, кто бездельничает.

Но я о другом: какое это отношение имеет к европейским ценностям?

Напомнить вам, что было бы во времена Британской империи, когда над ней не заходило солнце — с той же самой незамужней женщиной, у которой вдруг появился ребенок? Ей что, давали пособие? Квартиру? Особняк? Ответ: нет. Она становилась парией.

Во времена расцвета Европы вся забота о социальных благах — о воспитании детей, содержании родителей, медицина, образование, пр., — была переложена на семью и ее главу, и общество жесточайше противилось любым попыткам переложить бремя этих расходов на общество.

Ценность № 4. Мультикультурализм

Еще одной европейской ценностью является мультикультурализм. Он гласит, что все культуры замеча-

334

тельно важны; что каждый иммигрант, приехавший в Швецию или Голландию, имеет право на сохранение своих замечательных традиций, и что если кто-то не понимает, например, какое это счастье для арабской женщины, когда ее брат имеет право убить ее за прелюбодеяние, или какое это счастье для шестилетней сомалийки, когда ей обрезают без анестезии половые губы кухонным ножом на обеденном столе, — то он козел, фашист, ретроград и пр.

Тут надо сказать, я что-то не понимаю этого трепета перед традициями. У Европы были тоже свои традиции — в XV веке в Великобритании врагов короны рубили на четыре части, предварительно выдрав и поджарив, живьем, кишки. Но как-то я не думаю, что Дэвид Кэмерон может отрубить голову своей жене и сослаться на то, что следует традициям Генриха VIII.

Но я сейчас не о том. Какое отношение мультикультурализм имеет к *европейским* ценностям? Когда Кортес громил ацтекских божков — он что, мультикультурализм проповедовал? Когда Васко да Гама топил корабли с паломниками в Мекку и сажал ядрами по мирному населению малабарского побережья, это что была, гуманитарная программа?

Европейские ценности времен колониализма были — представление о безусловном примате прогресса и европейской цивилизации. Одни европейцы были при этом в чистом виде расистами и рассуждали о том, что «черная» и «желтая» раса-де генетически неполноценны, другие полагали, что к идеям прогресса и западной культуры рано или поздно приобщатся и другие расы и народы. Но не было тех, кто считал, что канныбализм, или многоженство, или обычай сожже-

ния вдов — это такой замечательный альтернативный обычай, который надо пестовать и лелеять. Аболиционисты в США сражались за свободу дяди Тома. Но они не сражались за то, чтобы дядя Том снял с себя штаны и надел набедренную повязку; чтобы он отказался от имени Том и взял себе имя праотцев — Нкунда или Мбонга, — и чтобы он отказался от английского и заговорил на родном киньярванда. Им бы в голову не пришло сражаться за подобный бред.

Как только эта идея — о превосходстве европейской цивилизации — кончилась, то кончилось и превосходство европейской цивилизации. Вместо Европы, которая колонизует весь мир, мы имеем теперь весь мир, который колонизует Европу.

Возможно, мультикультурализм — это замечательно, офигительно, и только ретрограды и фашисты не понимают, почему по улицам Лондона ходят закутанные в паранджу гражданки Великобритании. Но факт тот, что мультикультурализм не имеет никакого отношения к *традиционным европейским ценностям времен расцвета Европы*.

Ценность № 5. Государственное регулирование

Наконец, есть еще одна «европейская ценность», о которой нам почему-то мало говорят, но которая видна, как на ладони. Это государственное регулирование всего и вся.

Причина, по которой об этой ценности не говорят, очень проста — она в корне противоречит идее частной собственности.

Либо частная собственность, либо регулирование.

Знаете ли вы, что в Великобритании до конца XIX в. не было закона об охране памятников культуры? И когда в 1870-м его попытались принять, то тогдашний премьер Бенджамин Дизраэли прямо заявил, что он противоречит идее частной собственности. Стоунхендж чуть не снесли — чуть не проложили через него железную дорогу.

Знаете ли вы, например, что Статую Свободы в США собирали на частные деньги? И федеральное правительство, и штаты, в которых правили налогоплательщики, запретили выделять хоть казенный цент. Резон был простой: если это надо обществу, общество само даст деньги. И дали — Джозеф Пулитцер, издатель нью-йоркской *World*, печатал имена каждого, кто из последних сбережений присылал 5 или 60 центов. Это полезно вспомнить, когда читаешь, что Конгресс без звука выделил на реставрацию Статуи Свободы очередные двадцать с лишним млн. дол.

Нынешние законы бюрократической Европы безумны. В Испании целые сельскохозяйственные регионы превратились в пустыни, потому что фермерам платят за то, чтобы они не выращивали продукции. В Италии поля покрыты солнечными батареями, которые не передают выработанную электроэнергию никуда, потому что им все равно за нее платят; в Германии экономные немцы освещают солнечные батареи... электрическими лампочками, потому что выработанную так энергию забирают в сеть с премией.

Вы можете себе представить, чтобы в Европе XVIII века платили субсидии крестьянам или парламент диктовал форму огурцов?

Социал-демократические, а не европейские

Итак, вот первая вещь, о которой я хочу сказать. Я не понимаю, почему люди, рассуждающие о терпимости, социальной справедливости, всеобщем избирательном праве, демократии и пр. — говорят о «европейских» ценностях.

Это не «европейские» ценности. Это социал-демократические ценности. Это ценности, которые не имели ничего общего с теми ценностями, которые исповедовал Колумб, Ньютон, Васко да Гама и даже Томас Джефферсон. Эти ценности появились в конце XIX в., а укрепились благодаря победам левых на выборах и диверсионно-идеологической мощи сталинского СССР.

Это также не «общечеловеческие» ценности. Эти ценности не исповедовали ни Джон Локк, ни Адам Смит, ни авторы Декларации Независимости. Что еще важнее, эти ценности также не исповедуют — в другом смысле — ни бен Ладен, ни воинствующие исламисты, ни деклассированные подонки, устраивающие погромы на улицах Лондона. Это, согласитесь, некоторая проблема, когда группка мусульман объявляет лондонский пригород *Waltham Forest* зоной шариата и обещает заставить женщин закрывать свои лица, а либеральные созерцатели этой инициативы кивают головами — вот, мол, есть и такая мультикультурная точка зрения.

Мне не нравится, когда мне называют «общечеловеческими» и «европейскими» ценностями то, что не является ни тем, ни другим. Мы этого добра уже накушались в СССР. Там сплошь тоже все вверху были

большие любители социалистических ценностей, которые были самыми прогрессивными и должны были восторжествовать во всем мире.

А дальше?

Но самое главное другое. Хорошо, — скажете вы мне, — пускай эти ценности не общечеловеческие и не европейские. Пусть правящая европейская бюрократия и левые европейские интеллектуалы тут нам врут.

Но ведь мир не стоит на месте! Мало ли что там было в XVIII в. В XVIII в. вешали за кражу курицы. В XVIII в. в Лондоне не было полиции, а количество убийств составляло 52 трупа на 100 тыс. (в 52 раза больше, чем сейчас). В XVIII в. люди не мылись неделями, в Лондоне не было канализации, а 9-летние дети на мануфактурах вкалывали 14-часовой рабочий день. В XVIII в. женщины носили корсеты, к парикам их полагались блохоловки — вы же, Юлия Леонидовна, не хотите ходить в корсете и с блохоловкой? И, наверное, вам не кажется справедливым, чтобы дети работали 14 часов?

Вот были такие ценности, а стали другие. Лучше.

На это я отвечу так. Во-первых, нечего примазываться. Кошку надо называть кошкой, а не утконосом. Не называйте свои ценности «европейскими», а честно называйте их «социал-демократическими». И докладывайте без утайки, что вот, мол, исходные европейские ценности были дрянь, но мы их всех аннулировали и построили прекрасный новый мир.

Второе. Перечисляйте мне все ценности. Не рассказывайте мне, пожалуйста, что в Европе осталась сво-

бода предпринимательства. А говорите честно: «Мы, государство, считаем правильным забирать деньги у работающих людей и отдавать их неработающим. Поэтому что чем больше мы забираем денег, тем больше возрастает наше могущество, и тем больше возрастает количество избирателей, которые зависят от распределяемых нами денег и голосуют за нас». Перечисляйте свои ценности в правильном порядке и, если торгуете курицей, не называйте ее карпом.

А в-третьих, понимаете, какое дело. Конечно, в мире все меняется — кроме желания толпы жить на халяву и иметь жожака, который эту халяву подарит. Но вот какая проблема. Пятьсот лет крошечная часть света — Европа — властвовала над миром. Она добилась этой власти благодаря частной собственности, техническому прогрессу, конкуренции европейских стран между собой, ощущению собственного цивилизационного превосходства и минимальному — по сравнению с азиатскими — государству. И за двадцать лет, прошедших с момента объединения Европы и торжества «общечеловеческих» ценностей, это лидерство просрали.

Такого фантастического отрицательного результата не добивался даже Китай эпохи Цинь.

ГОСУДАРСТВО И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Рынок в Рустави

Я очень долго искала пример, которым можно начать эту статью, и нашла его в мае 2011 года, когда во время моей поездки в Грузию глава МВД Грузии Вано Мерабишвили привез меня в городок Рустави, за 10 км от Тбилиси, где грузинское МВД построило сервис-центр по обслуживанию населения: в этом центре можно за 15, а то и за 5 минут зарегистрировать сделку по купле-продаже автомобиля, получить номера, обменять права и пр.

Вокруг сервис-центра, принадлежащего государству, возник огромный авторынок, который государству не принадлежит. Этот рынок — частный, и бизнес так успешен, что многие другие компании уже раскупили земли, предусмотрительно оставленные государством вокруг сервис-центра, и скоро рынки будут и там.

Такие меры по либерализации сделали автомобили (которых Грузия, напомним, не производит) крупнейшей статьёй экспорта Грузии и создали 20 тыс. рабочих мест.

Вот, собственно, лучший пример того, что должно делать государство для модернизации. Оно должно обеспечить условия. Оно не должно производить автомобили, оно не должно владеть рынками, оно не долж-

но диктовать покупателю, какой — желтый, красный или длинный автомобиль ему нужен, но оно должно обеспечить гражданам их права собственности.

Модернизация без государства невозможна

И это, собственно, первый и очень часто упускаемый из виду урок — модернизация без государства невозможна. *Еще не было на Земле общества, в котором модернизация произошла бы в отсутствии государства.*

Все догосударственные общества (племенные и пр.), на редкость консервативны и инкорпорируют в себе специальные общественные механизмы, препятствующие накоплению отдельным индивидуумом имущества иначе, чем с целью раздачи этого имущества и/или повышения социального статуса.

Меланезийский *Big Man* имеет, с точки зрения общества, право накапливать имущество и пищу — но только в том случае, если он раздаст ее с целью повышения статуса на пирах. Знатные роды в Афинах и патриции в Риме снискивали одобрение и поддержку простого народа — но только в том случае, если устраивали для народа пиры и представления. Скандинавский конунг получал поддержку от воинов, но только в том случае, если он устраивал пиры и раздавал на них кольца, используя любовь воинов как способ сохранения своего статуса и способ умножения имущества.

Из меланезийского бигмена, римского патриция и скандинавского конунга получились бы плохие бизнесмены, потому что в догосударственном или слабогосу-

дарственном обществе любая попытка использовать имущество как капитал, а не как средство укрепления статуса, кончалась потерей статуса и, соответственно, имущества.

Во всех догосударственных — так же как и во всех деспотических обществах — нет возможности накопления собственности без накопления власти. В них нет бизнесменов. В них есть только вожди. В них нет частной собственности. В них есть общественный статус.

То же самое касается и обществ, в которых государство умерло. Гибель Римской империи под ударами полчищ варваров не привела к возникновению свободного рынка. Она привела к приватизации самых высокодоходных кусков власти: к приватизации войска, права сбора налогов и права суда. Распад СССР, вопреки надеждам российских реформаторов, не привел к возникновению свободного рынка: он привел к тому же, к чем привел распад Римской империи.

Ни экономическая, ни политическая свобода не входят в число инстинктивных потребностей человека. Иначе все архаические общества были бы основаны на политической и экономической свободе. Вместо этого они основаны на жестких деспотических иерархиях, которые не всегда подчиняют племя власти одного вождя, но всегда подчиняют его множеству ограничений, ритуалов и обычаев. Еще ни один рынок не возник стихийно ни среди дикарей, ни среди жителей распавшихся империй.

Рынок — это продукт очень сложно организованного общества с незыблемыми правами собственности, которые в реальной жизни может обеспечить только государство.

КИТАЙ

В истории человечества была одна страна, которая встала на путь модернизации на несколько веков раньше прочих.

В этой стране были построены первые в истории человечества механические часы; она первая стала строить водяные и ветряные мельницы и морские суда с переборками. Она первая открыла плавку железа. (Напомню, что двойной передел железа является фундаментальным технологическим сдвигом. До тех пор, пока у вас нет технологии двойного передела, пока вы считаете, что сделать железо настолько жидким, чтобы оно вобрало в себя углерод и превратилось в чугун, — значит испортить его, пока вы не плавите железо в больших количествах, а куете его мускульной силой деревенского кузнеца, вы, соответственно, не можете стать технологической цивилизацией.)

В этой стране впервые появились порох, книгопечатание, компас, бумага и пушки.

Эта страна стала первая экспериментировать со многими продвинутыми видами вооружений: помимо пушек, в ней появились боевые ракеты с двумя ступенями, химическое оружие и противокорабельные мины.

Если кто-нибудь думает, что я говорю о Голландии или Англии, он ошибается — я говорю о Китайской империи.

Первые в мире механические часы появились в 1086 году в Пекине. Порох (различные смеси, иногда с довольно экзотическими ингредиентами) использовался в Китае с начала X века, и первый в мире рецепт

пороха записан отнюдь не Роджером Бэконом в 1267 г. Он приведен в китайском военном трактате «Ву чжин сун яо», «Собрание самых важных военных приемов» 1044 г., — правда, в это время китайцы начинали пороховом бомбу, которую метали с помощью катапульты. «Собрание» было лишь одним из 347 военных трактатов, хранившихся, естественно, в спецхранах династии Сун под грифом «совершенно секретно», а потом и сгоревших в 1126-м при разграблении Кайфына чжурчженями.

Бомбы, начиненные железной и фарфоровой шрапнелью, появились в Китае на несколько сот лет раньше, чем в Европе: в 1259 году, во время войны с монголами Циньчжоу производил за месяц от одной до двух тысяч таких бомб. Гигантские государственные арсеналы означали и гигантские пожары: в 1280-м взрыв арсенала в Вейяне убил 100 человек.

В это же время в Китае появляется пушка: в 1288-м Ли Тин, китайский полководец из чжурчженей, подавляет восстания христианского монгольского правителя Найяна с помощью солдат, вооруженных, в числе прочего, ручными бомбардами. (Следует отметить, что стреляли они не ядром, плотно прилегавшим к внутренней поверхности ствола, а несколькими мелкими снарядами.)

После победы Чжу Юаньчжана над монгольской династией Юань, Лю Чжи и Чжао Ю, два полководца Чжу Юаньчжана, составляют «Хуо лун чин», «Трактат Огненного Дракона», являющийся, собственно, суммой военных технологий, применяемых ими в ходе восстания «красных войск», начавшегося в 1351 г. и закончившегося в 1368 г. основанием новой династии Мин.

Лю Чжи и Чжао Ю описывают, в числе прочего: «огненное копье» (одноразовый пороховой заряд, забиваемый в бамбуковую трубку и подвешиваемый к копью), шрапнельные бомбы, ручное огнестрельное оружие с тремя, пятью и даже десятью стволами (что-то вроде заряжающегося с дула и очень короткого дробовика), литые железные бомбы, начиненные порохом и взрывающиеся при ударе о мишень (европейцы не смогли добиться этого эффекта до XVI в.). Снаряды, наполненные различными взрывчатыми смесями, которые ослепляют противника и удушают его ядовитым дымом, различные виды ракет, включая двуступенчатые ракеты, в которых первая ступень, догорев, используется для зажигания целой кучи огненных стрел, и ракеты со стабилизаторами.

Они описывают наземные мины, видимо нажимного действия, и подводные мины (последние применялись исключительно на реке: их пускали по течению к вражеским кораблям. Мину укрепляли на деревянной доске, предварительно обтянув ее коровьим мочевым пузырем; подожженный фитиль, к которому обеспечивался доступ воздуха, был соединен с миной овечьей кишкой).

Еще раз подчеркну, что это был не умозрительный трактат: его писали два полководца, победившие в семнадцатилетней кровавой войне, которая начиналась как милленаристское восстание против монголов, а заканчивалась как война всех против всех. Войска Лю были обязаны своими победами «огненному копью», а Чжао Ю после победы возглавил гигантский государственный арсенал — тогдашний китайский Минсредмаш.

В середине XIV в. китайские военные технологии разительно превосходили европейские. Однако, когда через четыре века лорд Макартни привез цинскому императору Цяньлуну новейшие европейские приборы: телескопы, теодолиты, воздушные насосы, китайские чиновники просто бросили весь этот ненужный хлам в дальнем углу летнего дворца.

Историки очень часто спрашивают: что же такое произошло с Китаем, что он отстал? Но не менее важен и другой вопрос: а почему в IX—XIV вв. Китай вырвался вперед?

В отличие от античной Европы, Китай даже не изобрел собственно науки; в Китае не было теоремы Пифагора или закона Архимеда. Пушки, порох, плавка железа, — все эти достижения были техническими, а не научными открытиями. Античный мир решительно опережал Китай в том, что касается науки, — что ж такое случилось, что в X в. Китай опередил Европу? Что было в Китае в X в., чего в Европе не было? Ответ очень прост: государство.

Китайская империя, разрушенная варварами примерно в то же время, что и Римская, была воссоздана, как единое государство, в 581 г. при короткой (всего два императора) династии Суй, а в 618 г. начался самый, может быть, великий период китайский истории — династия Тан.

После 410 г., когда воины Алариха разграбили Рим, Европа потихоньку деградировала до уровня германских аборигенов и там, до конца норманнских нашествий (начало XI в.), и оставалась. Рим, вмещавший в себя в момент расцвета империи миллионное население, ко времени нашествия лангобардов насчитывал

едва 5 тыс. жителей. Лондон, построенный римлянами, триста лет стоял пустой. Когда китайцы писали детективные истории о судье Ди, логически распутывавшем преступления, европейцы выясняли правду с помощью «Божьего суда». В то время, как Меровинги не стригли свои длинные волосы, полагая, что в них заключена божественная сила, Чаньянь, столица династии Тан, опоясанная 18-ти км стеной, насчитывала 2 млн. обитателей и вовсе не была крупнейшим экономическим центром Китая: им был Яньчжоу.

Единственным эффективным способом накопления богатства в Европе до конца нашествий норманнов было насилие. Готы, вандалы и норманны не основывали банковские дома. Они основывали королевства. В этих условиях экономический и технический прогресс был невозможен, потому что правил, которые охраняют частную собственность, без государства не существует.

Другой вопрос — каким должно быть это государство?

Порох и пушки

Одним из самых главных двигателей технического прогресса в Европе стал порох и огнестрельное оружие.

При этом, как я уже сказала, первыми огнестрельное оружие сделали китайцы. Так почему же оно не совершенствовалось в Китае?

Один из очевидных ответов заключается в том, что после победы династии Мин Китай перестал воевать. Раздробленная Европа воевала постоянно, а минский

Китай воевал редко. Или, что то же самое, — во главе европейских государств стояли воины с мечом или шпагой, а в Китае правящим сословием были чиновники с тушечницей.

Чиновников, в отличие от воинов, пушки не очень заботили. Сравните портреты европейских монархов — всегда в рыцарских доспехах — и китайских императоров — всегда в гражданском платье.

Но самый главный ответ очень прост: в Китае пушки были государственными. Уже династия Сун в 1076 г. ввела государственную монополию не только на порох, но и на серу. Основатель династии Мин Чжу Юаньчжан после прихода к власти немедленно учредил пороховое ведомство. Гигантские государственные арсеналы были размещены в самых разных городах империи.

В Европе же огнестрельное оружие было частным — в самых разных смыслах слова.

Его изготавливали частные мастера (очень часто мастера в это время нанимали на войну вместе с его оружием), его применяло огромное количество частных армий, бегавших по Европе — от частных армий итальянских кондотьеров до частной армии Валленштейна еще во время Тридцатилетней войны.

Но даже тогда, когда пушка или аркебуза изготавливалась на казенном заводе и использовалась королевской армией, это королевство относительно других европейских королевств все равно вело себя как частное предприятие. Любое европейское государство потенциально находилось в состоянии войны со всеми своими соседями, чтобы выжить, ему нужно было все лучшее оружие. Китайские провинции друг с другом не воевали.

Возможно, что если бы Китай после восстания «красных войск» не объединился бы вновь в монолитную империю, а распался на несколько царств примерно одинакового технического уровня развития, враждующих друг с другом, история мира и Запада была бы совсем другой.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Частная собственность эволюционирует быстрее государственной. Ни в какой стране этот простой принцип не был продемонстрирован с такой силой, как в Соединенном Королевстве.

Когда смотришь на государственное устройство Великобритании в XVII—XIX вв., то такое впечатление, что имеешь дело с каким-то другим подвидом государства, отличающимся от современного так же, как скажем, шимпанзе отличается от макаки.

Военно-морской флот Англии был фактически частным. Войну против Испании Англия выиграла не с помощью снаряженных государствами флотов, а с помощью частных пиратов, плавания которых финансировались как частные предприятия. Даже против Непобедимой Армады сражались в основном военно-торговые корабли.

Частным в Англии бывал не только флот, но и армия — еще в конце XVIII в. человеку, желавшему стать полковником, достаточно было для этого снарядить и содержать на свои средства полк. Частными были компании, покорявшие новые земли.

Можете ли вы себе представить сейчас какое-либо государство, даже самое либеральное, которое позволит вести частной компании боевые действия?

А между тем Индия была завоевана для Англии частной Ост-Индской компанией. Даже в конце XIX в., во время пулеметов, телеграфа и первых аэропланов, Африку завоевывали частные английские компании — *South African company* Сесила Родса, *National African Company* Джорджа Голди, *Royal Niger Company* Фредерика Лугара. Такая компактность способствовала поразительной эффективности: двухсотсорокамиллионной Индией управляли 1000 чиновников Ост-Индской компании.

До конца XVIII в. в Англии не было даже полиции, и, видимо, для читателей не будет сюрпризом узнать, что прототип полиции, *Thames River Police* была основана в 1798 году на деньги вест-индских купцов, убытки которых от грабежей в устье Темзы достигали полмиллиона тогдашних фунтов стерлингов в год, с целью огрadyть «Commercial Property against the unexampled Depredations to which it has been subject», как писал ее основатель Патрик Калкухун.

Можно ли представить себе любое современное государство, самое либеральное, которое дает частным гражданам право самоорганизовываться в поселения, особенно, если они являются врагами этого государства?

Между тем в любой книге по истории Америки мы обязательно прочтем, как в 1621 году «Мейфлауэр» привез в будущий Плимут английских диссентеров, не желавших подчиняться религиозному диктату правящей англиканской церкви; и как в 1669 году не кто иной, как сам Джон Локк, в качестве секретаря лорда Шефтсбери, написал Конституцию Каролины.

Говоря о технических новинках, обеспечивших Англии первенство, обычно первым делом вспоминают

паровую машину Джеймса Уатта, прядильный станок Джеймса Харгривса (*spinning jenny*), водяную машину Ричарда Аркрайта, совершившие переворот в прядильном деле, и пр., — но нигде этот принцип частной инициативы не был реализован с такой наглядностью, как при производстве оружия.

Позволю привести себе только два примера: карронада и пулемет «Максим».

Пушка карронада появилась на английских кораблях во время Американской войны за независимость и использовалась до середины XIX в. Карронада внесла свою — и немалую — лепту в абсолютное превосходство английского морского флота над всеми прочими. Замечательным в карронаде было то, что она не только производилась на частном заводе — заводе Кэррон в Шотландии, но и устанавливалась сначала на частных военно-торговых судах. Военно-морской флот первоначально отверг карронады.

Дело в том, что карронада устроена вопреки законам баллистики. Энергия выстрела пропорциональна квадрату скорости и половине массы. Грубо говоря, если вы хотите, чтобы пушка стреляла далеко, вам выгодней удлинять ствол, а не увеличивать массу. Короткоствольная же карронада была много короче и втрое легче обычной пушки.

Однако тогда дальность выстрела для морского боя не играла большого значения — попасть из одной качающейся в трех измерениях посуды по другой качающейся в трех измерениях посуде было непросто, и морские артиллерийские дуэли велись на расстоянии половины пистолетного выстрела. В этих условиях малый вес карронады делал ее более выгодной; кроме

того, карронаду можно было поставить на верхнюю палубу, а под весом обычных пушек на верхней палубе корабль мог просто перевернуться.

То же самое — пулемет «Максим», одно из самых страшных орудий смерти, когда-либо изобретенных человечеством. В отличие от полуавтоматического пулемета Гатлинга, в котором, чтобы стрелять, надо было вертеть рукоятку, «Максим» был первым автоматическим пулеметом, в котором для экстракции гильзы использовалась энергия пороховых газов от предыдущего выстрела. «Максим» полностью перевернул все представления о войне; именно он сделал Первую мировую позиционной войной и послужил причиной чудовищных в ней потерь.

Часто можно прочесть, что «Максим» был принят первым на вооружение английской армии. Это не совсем так. Американец Хайрем Стивенсон Максим, запатентовав свое изобретение в 1883-м, сначала предложил его американской армии, и та изобретение отвергла (хотя в принципе американская армия была одна из самых инновационных). «Максим» поехал в Европу и там демонстрировал свой пулемет в Италии и в Вене.

Через год он добрался до Лондона, где продемонстрировал свое изобретение главнокомандующему английской армией герцогу Кембриджскому, выбив пулями вензель *VR*. Герцог Кембриджский сказал, что интересно, но надо подождать. Однако на испытаниях присутствовал лорд Ротшильд, который и уговорил армию принять «Максим» на вооружение.

Прототип «Максима» впервые отправился на войну в составе частной экспедиции, профинансированной Уильямом Маккинноном, основателем *Imperial British*

East Africa Company. Следующим, кто получил «Максим», была *National African Company* Джеймса Голди, и ее *Chartered soldiers* стали одерживать победы над африканскими армиями, тридцатикратно превосходившими их в размере. А 1893 г. войска *British South African Company* Сесила Родса и лорда Ротшильда, вооруженные всего четырьмя пулеметами «Максим», уничтожили в битве с матабеле 3 тыс. воинов. Собственные потери компании составили 4 человека.

И только в 1898-м в битве при Омдурмане с помощью «Максимов» экспедиция генерала Китченера выкосила 20 тыс. исламских фундаменталистов, четырнадцать лет назад истребивших корпус «китайца» Гордона, почти не понеся потерь. Оружие, которое было испытано Голди, Родсом и Ротшильдом, заговорило на службе английской армии.

Великобритания была уникальной страной, где в частной собственности состояло то, что даже самое либеральное нынешнее государство считает собственностью государственной.

Еще в 1870-м в Англии не было закона об охране памятников старины. Через Стоунхедж чуть не проложили железную дорогу. Когда такой закон был предложен, премьер Бенджамин Дизраэли возражал против него категорически, как против закона, нарушающего частную собственность.

Хрустальный Дворец на Всемирной Лондонской выставке 1851 г., продемонстрировавший необычайный технический прогресс Британской империи, был сооружен только потому, что эта самая Британская империя выставку практически не финансировала. На строительство гигантского сооружения отводилось

80 тыс. фунтов стерлингов. Вот и победил проект садовника Пакстона, который предложил построить гигантскую теплицу.

Причина такого ограничения роли государства тоже очень проста: в Англии налоги устанавливал парламент, а не король. Каждый раз, когда государство хотело потратить на что-то денег, оно должно было получить одобрение налогоплательщиков, и очень часто оказывалось, что налогоплательщики способны сделать это лучше государства.

Только одно правительство было экономней британского — американское. На уже упомянутую выставку 1851 года американский Конгресс просто отказался выделять деньги. Американские достижения поехали туда за частный счет, и долго стояли неразгруженными, потому что деньги кончились: зато когда их показали, то изумленная Европа переглянулась и впервые поняла, что США наступают ей на пятки, как сейчас Западу наступает на пятки Китай.

Уровень государственных расходов в США был еще ниже уровня государственных расходов Великобритании. Конгресс отказался финансировать установку и монтаж подаренной французами Статуи Свободы. Ее монтировали на частные пожертвования, и Джозеф Пулитцер, издатель нью-йоркской *World*, печатал имена каждого, кто из последних сбережений присылал 5 или 60 центов. Конгресс отказался выкупать дома отцов-основателей. В итоге дом Вашингтона был сбережен *Mount Vernon Ladies Association*, основанный в 1853 году проплывавшей мимо него по Потомаку Луизой Каннингхем. У англичан уже завелся Скотленд-Ярд, а в США крупнейшим полицейским агентством продол-

жало быть частное агентство Пинкертон, и в штате их в 1870-х состояло больше людей, чем в армии США.

Причина экономности американского Конгресса была ровно та же, что и в Великобритании. В США избиратели были налогоплательщиками. В разных штатах законы были устроены по-разному, но в целом для того, чтобы избирать или избираться, гражданину надо было владеть имуществом или землей, и порой отстававшее от жизни законодательство приводило к нешуточным трениям. В Род-Айленде, где в результате обезземеливания и стечения людей в города около 60 % населения оказались без избирательных прав, в 1841 году под руководством Томаса Дорра даже вспыхнуло восстание. Последние остатки имущественных и образовательных цензов были ликвидированы в США только в 1960-х.

Сейчас, когда Лондон собирается потратить 17 млрд. дол. на Олимпийские игры 2012 года, 80 тыс. фунтов за Хрустальный Дворец кажутся воспоминаниями о каком-то другом мире.

ЕВРОПА

XVIII век, как известно, был веком просвещенного абсолютизма.

Если что и поражает наблюдателя в этом веке, — так это какое количество способных монархов вдруг возникло по всей Европе; в тех же случаях, когда монархи оказывались не очень способны, вроде Петра III или Павла I, им быстро доставалось табакеркой в висок от сознательной элиты.

Это, если вдуматься, удивительно. Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. Ни до, ни после никакая абсолютная власть не демонстрировала такой повальной эффективности.

Римские императоры были воспитаны высочайшей и свободолобивой культурой, и то на одно столетие на десять вырожденков попадался один Тит. В XX веке на десяток Дювалье и Маркосов приходился один Пиночет. Загляните в историю длинноволосых Меровингов — это ж паноптикум! И вдруг, в XVIII в. — такая поголовная эффективность.

Феномен просвещенного абсолютизма объясняется довольно просто: это первый в истории случай модернизации сверху. Европейские монархи пытались угнаться за Англией, не приватизируя при этом, как в Англии, большинство функций государства, а насаждая модернизацию сверху. Это была гонка на выживание: неэффективные просто исчезали из истории. Их завоевывали и расчленяли.

Возьмем, к примеру, историю двух соседних стран — Пруссии и Польши. Обе находились в центре Европы, географические позиции обеих были совершенно незащищены. Польша не провела никакой модернизации и была расчленена.

В Пруссии к власти пришел Фридрих Великий, мечтательный юноша, пытавшийся в детстве бежать из дворца, и великий вольнодумец. Для него корона была «просто шапка, которая не спасает от дождя», а про христианство он как-то выразился, что изобрели его фанатики, а верят в него идиоты. Патриот из Фридриха был, по нынешним временам, некудышный: он терпеть не мог даже родной язык. Со всеми своими приближен-

ными он беседовал по-французски, а немецкий был для него «язык, на котором говорят с лошадьми».

Однако этот романтичный юноша железной рукой внедрил в Пруссии абсолютно либеральные законы, совершенно неподкупную бюрократию, увеличил прусскую армию с 80 тыс. до 195 тыс. человек, и в своем дворце Сан Суси обходился двумя пажами и не имел персонального слуги. Что бы Фридрих сказал о 26 дворцах Путина, я предоставляю представить вам самим.

Причина реформ Фридриха Великого была очень проста: растянутая посередине Европы Пруссия без подобных реформ просто прекратила бы существование. С ними она в конце концов стала Германской империей.

В сущности, весь XIX в. — это пример европейских правителей, так или иначе конкурировавших в реформах. Петр I, Фридрих Великий, Наполеон — лишь самые яркие примеры.

К началу XX в. такого же рода реформы стали проводить и в азиатских странах. Наиболее яркими примерами была революция Мейдзи и реформы Ататюрка. Интересно, что при этом реформаторы никогда не пытались сохранить, как это сейчас говорится, «драгоценные особенности местной культуры». Наоборот, они насаждали не только европейскую науку и европейские обычаи, но и европейскую одежду. Парадной одеждой при дворе японских императоров до сих пор является фрак. Ататюрк запретил чадру и перевел Турцию на латинский алфавит. Дальше всех, наверное, уже в 1960-х пошел глава Сингапура Ли Куан Ю, он просто заставил всю страну, 80 % населения которой составляли китайцы, говорить по-английски.

Причина и реформ Ататюрка, и реформ эпохи Мейдзи проста — Япония или Турция, в отсутствие реформ, были бы или завоеваны, или, по крайней мере, к 1930-м годам очутились бы в сфере влияния Великобритании, как, скажем, не проводшие подобных реформ Египет или Иран. Сингапур, крошечный остров площадью 710 кв. км, отделенный километровым проливом от Малайзии и двадцатикилометровым — от Индонезии, просто не выжил бы среди своих агрессивных соседей.

НЫНЕШНЕЕ ВРЕМЯ

Это, собственно, и есть кардинальное отличие тех реформ от нынешнего времени. Сейчас ни одна страна не будет завоевана, если откажется от модернизации (Исключения, вроде Сингапура или Израиля, чрезвычайно редки.)

Если бы армия и экономика России в XVIII в. находились бы в том же состоянии, в котором они находятся сейчас, то Россия просто потеряла бы часть территории. В пользу Швеции, Польши, Германии, Турции — кого угодно. Понятно, что Путину война со Швецией и потеря Санкт-Петербурга не угрожают.

Это касается и любых других диктаторов. Уго Чавесу не угрожает война с США, Роберту Мугабе не угрожает война с ООН. Тот побудительный мотив к модернизации, который существовал у Фридриха Великого или Наполеона, исчезает, а остается другой мотив: мотив не допустить появления в стране самостоятельного бизнес-сословия, которое всегда требует своих прав на *life, freedom* и *pursuit of happiness*. И в

этом смысле, к сожалению, современное российское государство не заинтересовано в модернизации по самой своей природе, — в отличие от Грузии, которой, также как Сингапуру в 1960-х или Японии в 1860-х, вполне реально угрожает завоевание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я — либертарианец и консерватор. Я считаю, что смысл существования человечества — в прогрессе, научном и техническом, и что человеческие культуры и общества неравноценны.

Что представление о Земле, стоящей на трех китах, не так же драгоценно, как представление о Земле, вращающейся вокруг Солнца, и что культура карибских каннибалов не равноценна культуре Британской империи. Человек — это то, что следует превзойти, как сказал Ницше, и хорошо только то государство, которое помогает человеку в этом.

Государство оправдано только до той поры, пока оно обеспечивает человеку свободу, но критикам государства важно помнить и другое — что свободу человеку, — от свободы предпринимательства до свободы веры, — способно обеспечить только государство. Все другие способы организации человеческого общества, характеризуются жестким диктатом ритуалов, обычаев и большинства, совершенно подавляющим частную инициативу.

Государства не должно быть слишком мало, и его не должно быть слишком много. Как кислорода.

РУССКИЙ БУЛОЧНИК, ИЛИ СОБСТВЕННОКРАТИЯ

1. ПЛОХИЕ НОВОСТИ

Год назад я написала статью «Рой, или Антибулочник», в которой пыталась описать, как работает — или, точнее, как не работает — путинская государственная машина. Статья получила определенную известность. Даже есть (неправильная) легенда, что из-за нее рухнул сайт «Новой газеты».

После этого меня много раз просили «Булочник» — статью про то, какие реформы нужны России. Мне это всегда казалось несколько затруднительно, потому что реформы — это как стихи. Все знают, как писать ямбом, но почему-то не все пишут, как Пушкин.

Плохие новости для реформаторов заключаются в том, что Россия — тяжелобольная страна.

В ней есть несколько затрудняющих реформы проблем. При этом все они взаимосвязаны. Главной является не одна какая-то проблема, а именно то, что одна порождает другую: так в сети, которой ловят рыбу, главной является не одна веревка, а именно связность сети.

Реформа больше не является вопросом выживания

С XVIII по XX век реформы и модернизация были вопросом военного выживания страны. Россия при

Петре I была модернизирована и стала империей. Персидское царство модернизировано не было и сошло с мировой арены.

Такая же дарвиновская конкуренция существовала внутри Европы: кто не реформировался, тот не выживал. Польша, находившаяся в середине Европы, не сумела провести реформы и была расчленена. Пруссия, находившаяся в столь же невыгодной географической ситуации, провела реформы и стала Германской империей. Сейчас вопрос так не стоит. Вопрос реформ для России не является вопросом выживания для ее элиты и народа.

Парадокс «западных ценностей»

В XVIII—XIX вв. любая азиатская страна, желающая модернизироваться, знала, как её делать: как Европа.

Основой процветания Европы был классический экономический либерализм и позитивизм, предполагавшие неограниченную конкуренцию и *nature red in tooth and claw*.

Политические формы, в которых происходила европейская модернизация, были многообразны: от просвещенного абсолютизма в Пруссии до республики в США. Общим было только одно: ни одна не предусматривала всеобщего избирательного права, и любые либералы, включая Джефферсона, Мэдисона, Джон Стюарта Милля и пр., глядели на всеобщее избирательное право как на конец цивилизации, чреватый хаосом и социализмом.

В современном мире делать, «как Европа», бесполезно. Европа исповедует социал-демократические, левые ценности: всеобщее избирательное право и социальные гарантии. Однако прежде чем делить пирог, нужно его испечь. В бедной стране политическая программа «Каждому школьнику — бесплатное образование», «Каждой матери — пособие» и пр. так же заманчива и так же маловыполнима, как политическая программа «А при нас булки будут расти на деревьях». В бедной стране такая политическая программа всегда кончается экономической катастрофой и диктатурой.

Геноцид и люмпенизация

Россия обезлюдела в результате сталинской индустриализации и безумной траты населения во Второй мировой войне. Страна, которая к началу XXI века должна была иметь по крайней мере 500 млн. населения, сейчас имеет 140 млн.

Но даже сталинская индустриализация, которую справедливей будет назвать геноцидом, не добила российский народ. Если бы в 1953 году Хрущев стал осуществлять те же реформы, что Дэн Сяопин в 1979 году, то Россия, как Китай, развивалась бы на дрожжах дешевой рабочей силы.

Однако годы Хрущева и Брежнева совершенно развратили российское население. Россия экспортировала нефть и импортировала зерно. Люди стали жить по принципу: «Вы делаете вид, что нам платите, а мы делаем вид, что работаем». Мы не вышли из нищеты, но привыкли зависеть от государства.

Сталинское правление привело к истреблению России, но именно брежневское правление привело к ее люмпенизации.

Неудачные реформы

После падения коммунизма Россия пережила период реформ, который был для нее столь же неудачен, как для Испании в начале XX века.

Если назвать главную проблему российских реформаторов начала 90-х, то она такова: реформаторы упустили из виду, что равенство субъектов рынка — не естественный процесс. Субъекты рынка не заинтересованы в обеспечении равных условий игры. Они заинтересованы в собственном успехе любой ценой.

Ельцин и Гайдар не справились с главной задачей современного государства: стать сервисом для населения и обеспечить равные правила игры для бизнеса. В результате слово «реформы» в России стало ругательным.

Путин

После краха коммунизма Россия прошла классический путь страны третьего мира — от нищей демократии к нищей диктатуре.

Путин — это классический пример политиков, которые приходят к власти на потакании самым низменным инстинктам народа и своих патронов, а придя к власти, начинают потакать самым низменным инстинктам самого себя.

В стране не строятся новых дорог — но зато Путин имеет 26 дворцов. Лабрадоры в Кремле важнее, чем россияне, фитнес важнее, чем экономика. Что такое Олимпиада по-путински? Это когда Зимнюю Олимпиаду проводят в Сочи (самом снежном городе тропической России) только потому, что Владимир Путин предпочитает жить на Красной Поляне, где можно одновременно кататься и на лыжах, и на яхте.

Социальная основа режима

Социальной основой режима стала безнаказанность его слуг.

Право на преступление стало привилегией чиновника. Жертва преступления, если она остается жива и пытается жаловаться, признается бунтовщиком. Элита великой страны опустилась до уровня нигерийских туземцев, и самое страшное, что они — как цирроз печени. Даже если Путин — водка — уйдет, то цирроз печени останется.

Идеология режима

Тоталитарная идеология гласила, что тоталитарная страна живет лучше и богаче свободной. Как таковая она не выдержала проверки опытом и ушла с мировой арены. Идеология стран-неудачников гласит, что «соседи живут лучше, поэтому они подлецы». Такая идеология в своей наблюдаемой части согласуется с опытом, и оказывается непобедима. Чем больше в такой стране воруют, тем больше народ ее ненавидит окружающий мир, чем

больше народ ее ненавидит окружающий мир, тем больше в ней воруют. Идеологической основой путинского режима стала идеология «стран-неудачников».

Нефть и газ

Россия богата нефтью и газом. Как показывает опыт, правительства стран, богатых нефтью и газом, не заинтересованы в росте экономики. Они извлекают доходы из экспорта нефти, а рост экономики и среднего класса ставит под угрозу их власть.

Такие страны экспортируют нефть и импортируют все остальное. Такие страны не нуждаются в свободе. Они нуждаются в небольшой группе людей, которые обслуживают нефтяные месторождения и в небольшом количестве нефтяных технологий, которые они импортируют из-за рубежа. Экономику страны они строят по принципу павианьего стада.

В павианьем стаде альфа-самец может отобрать у любого банан, но время от времени он отбирает банан у более сильных и дает его наиболее слабым. В результате сильные вожака боятся, а слабые его — обожают. По тому же принципу строится экономика мафии.

2. ХОРОШИЕ НОВОСТИ

Все это — плохие новости для российских реформаторов. Хорошие новости заключаются в том, что каждая страна перед реформами тяжело больна. Одна страна слишком маленькая, другая слишком большая; одна —

слишком бедная, другая — слишком богатая; в одной — слишком много молодежи, в другой — слишком мало.

Государственный деятель — это и есть тот, кто делает невозможное, как Петр I, Ли Куан Ю или Саакашвили.

Государство-минимум

Я бы охарактеризовала идеал, к которому стоит стремиться, очень просто.

Государство никогда не должно делать того, что может сделать частный бизнесмен. На федеральном уровне никогда не надо делать того, что можно сделать на уровне региональном. Избирателем в стране должен быть каждый, кто платит хоть на копейку больше налогов, чем получает дотаций от государства.

Для того, чтобы этого добиться, надо перелопатить горы дерьма. И проблема в том, что все эти горы надо перелопачивать одновременно. Как среди российских проблем нет какой-то основной, а есть сеть проблем, в которой бьется, задыхаясь, Россия — так и среди реформ нет одной, главной, которую достаточно провести, и все будет в порядке. Сеть проблем может быть одолена только сетью реформ.

Нефтяные деньги и индивидуальный пенсионный фонд

Россия — нефтяная страна. Сейчас большая часть этих денег идет на потребление элиты, а меньшая — на создание люмпенов.

Существует единственный способ, при котором нефтяные деньги будут поощрять работающего, а не бездельника. Это — создание в России системы индивидуальных пенсионных счетов, по образцу Сингапура.

Суть в том, что часть денег на такой счет будет платить сам налогоплательщик, а вторую добавлять государство, и что под залог этого счета можно будет покупать недвижимость.

Условно говоря, если у вас зарплата 1000 дол., то вы отчисляете на счет 200, но при этом на счету у вас оказывается 250, и в счет этих денег вы через пять-шесть лет работы можете купить квартиру. Ставка отчислений в фонд может быть сделана плавающей. Кто-то хочет получать на руки 800, а на счету иметь 250. А кто-то предпочтет получать на руки 700, но на счету иметь 360.

Понятно, что отчисления должны иметь свой предел. Если у вас зарплата 1 млн. дол., и вы отчислили в фонд 200 тыс. дол. — это не значит, что государство доплатит вам еще 50 тыс.

В современной России ни у работника, ни у работодателя нет заинтересованности в уплате страховых взносов. Ты платишь в черную дыру и не знаешь, что получишь в ответ. Подобный механизм — единственное, что может: а) заинтересовать работника получать зарплату в белую, б) создать систему поощрения тружеников, а не быдла. Уж если в России есть нефтяные деньги, они должны доставаться тем, кто хочет работать.

Следует понимать, что никакого другого честного пути распределения нефтяных денег нет. Если вам кто-

368

то скажет: «А давайте разделим их на всех», — не верьте ему. Тот, кто хочет разделить на всех, обязательно в итоге украдет все сам. «Разделим на всех» и «Отдадим все компании “Гунвор”» — это на самом деле не две разные истории. Это одна и та же история, с лица и с изнанки.

Налогоплательщик. Подоходный налог

Если в стране нет налогоплательщиков — в ней никогда не будет избирателей.

Избирателей в России сейчас нет. Объем доходов российского бюджета от подоходного налога (1,7 трлн. руб.) практически равен объему доходов бюджета от налога на прибыль, но эти деньги избиратель платит как бы не из своего кармана. Их за него платит работодатель.

Эта практика должна быть прекращена. Человек должен знать и чувствовать, что он платит. *Каждый работник, расписываясь в ведомости, должен видеть сумму налога, которая с него удерживается. Каждый налогоплательщик должен получить в Интернете «личный кабинет», в котором, в том числе, в конце года он найдет — нет, не налоговую ведомость, которую он должен заполнять, — а уже заполненную налоговую ведомость, в которой программа, посчитав его счета, зарплаты, отчисления — исчислила сумму причитающихся с него налогов. Налогоплательщику должно оставаться только внести в эту ведомость исправления, если таковые найдутся.*

Если в стране не будет налогоплательщиков — в ней никогда не будет избирателей.

Подходный налог. Местный бюджет

Весь подходный налог должен идти в местный бюджет. Весь местный бюджет должен висеть в Интернете.

В современной России местные бюджеты не наполняются снизу. Они наполняются сверху, теми деньгами, которые им переводит бюджет федеральный. В результате мэр города или глава муниципального образования не заинтересованы в том, чтобы жители и бизнес платили им больше налогов. Наоборот — чем бедней город/регион, тем больше он получит субвенций. В результате мэр душит весь бизнес, забирает все под себя, а потом рассказывает центру, какой он бедный, и, «откатив» треть субвенций наверх, остальные две трети осваивает через свои фирмы.

Я не собираюсь утверждать, что традиции самоорганизации на местном уровне в России сильны. Они много слабее, чем даже в Китае, не говоря уже о Европе. Но любые выборы начинаются именно с местного самоуправления. Смешно думать, что люди, которые не могут в 10-тысячном городе выбрать мэра, который не ворует и не убивает, смогут выбрать президента 140-миллионной страны, который не ворует и не убивает.

А для того, чтобы люди были заинтересованы в выборах мэра, надо, чтобы этот мэр тратил их деньги, а не деньги центра.

Местное самоуправление. Размеры

Для того, чтобы местное самоуправление было действительно местным, оно должно быть неболь-

шим. Норвежское село всегда будет более склонно к самоуправлению, чем многомиллионная китайская провинция.

Сейчас режим действует противоположным образом — например, укрупняет Москву. В Большой Москве будет жить больше народу, чем в Греции или Норвегии! *Москву не надо укрупнять, наоборот, Москва для эффективного самоуправления должна быть разбита на несколько муниципалитетов, как Париж.*

*Государство — это то,
что предоставляет услуги гражданам*

Вся система государственного управления Россией сейчас существует по принципу: граждане — для государства. Вся система управления Россией должна быть перестроена по принципу: государство существует для того, чтобы предоставлять услуги гражданам. Государство — для граждан.

Возьмем супермаркет. В нем предоставляют услуги покупателям. Поэтому там чисто, продавщицы не спрашивают у покупателя справку о том, привили ли он кошку, и не кричат: «Брысь, пока не принес справку!».

А возьмем другую процедуру — получение внутреннего паспорта. Сколько раз гражданин США получает внутренний паспорт? Ответ: ноль раз. Внутренних паспортов в США нет. А сколько раз житель России получает внутренний паспорт? 3 (три!) раза в жизни — в 14, 20, и 45 лет. Каждый раз это сопровождается бессмысленным стоянием в очереди и совокупной

потерей времени, здоровья и ВВП, измеряемого в совокупности не миллионами, а миллиардами долларов. И этого мало: гражданин, чтобы обменять паспорт, должен принести еще кучу справок. Спрашивается, почему он должен приносить справки? Если государство боится, что его обманут, оно само должно затребовать эти справки!

И это происходит в те дни, когда любой банк за неделю оформляет вам кредитку, которой вы рассчитываетесь в любой стране мира! Когда в Грузии разрешили ездить без прав и без техпаспорта: любой водитель, предъявивший любое удостоверение личности, пробивается по базе данных за несколько секунд.

Внутренние паспорта должны быть отменены. Сотни «удостоверений», «карточек», «ксив», «разрешений» и «допусков» должны быть заменены единой базой граждан и единой социальной картой, процесс получения которой должен быть не сложнее процесса получения банковской карты. И точно так же как банковская карта в любой точке мира открывает вам доступ к вашему счету, ваша социальная карта должна позволять вам производить в считанные секунды любые юридические операции.

Госслужащие

За время правления Путина общая численность госслужащих выросла на 41,9 % (в том числе в федеральных государственных органах — на 66,8 %). За то же время население России уменьшилось на 2,5 %.

Половина российских ведомств должна быть сокращена, а другая — распущена.

В стране не должно быть государственных служб, деятельность которых намного лучше выполняется частными компаниями. Например, служба по тушению пожаров быть должна, а пожарной инспекции быть не должно, потому что ее обязанности выполняются частной страховой компанией, которая не застрахует слишком пожароопасное здание.

Зарплаты чиновников

Количество чиновников должно быть уменьшено на порядок. Зарплаты их должны быть увеличены на порядок. Зарплата высокопоставленного чиновника должна, как и в Сингапуре, равняться средней зарплате служащего на аналогичном по ответственности посту в частной компании.

Если вы экономите на чиновниках, вы заведомо обрекаете себя на то, что ведомством будет руководить или неудачник, или коррупционер, или популист.

Преступность и суды

Ни одна из вышеперечисленных мер не стоит ровно ничего без борьбы с коррупцией и преступностью, и тут, как в Сингапуре и Грузии, рецепт один — нулевая толерантность.

Единственным способом проведения политики нулевой толерантности является отмена судов присяжных и внесудебные аресты.

Внесудебные — не значит незаконные. Должны существовать четко прописанные процедуры, включая досудебное соглашение, которые будут экономить время и деньги налогоплательщиков, а не защищать преступников.

Если кто-то думает, что с помощью судов присяжных можно побороть тотальные беззаконие и коррупцию, то я советую ему побыстрее ехать в Великобританию. Там — в другом уровне коррупции и убийств — суды присяжных действительно действенны.

Что же касается нищих обществ с высоким уровнем преступности, то, как показывает пример Украины или Индии, даже при наличии свободных выборов и свободных СМИ суд коррупции не помеха. Полоть руками можно траву. Баобабы полоть руками нельзя.

Протесты

Не стоит думать, что аресты коррупционеров, увольнения ментов и сокращения чиновников вызовут единодушное одобрение. *Прежде всего аресты коррупционеров вызовут животную ненависть тех, кого арестовывают, сокращают и увольняют.* И так как у этих людей есть деньги и сила, их ненависть будет куда более ощутима, чем абстрактное одобрение со стороны миллионов российских граждан.

Негодяи будут щедро оплачивать заказуху в СМИ, жаловаться в Страсбург и собирать на платные демонстрации люмпенов. Посмотрите на оппозицию в Грузии — она вся сплошь состоит из *ci-devant*, торго-

вавших страной оптом и на вынос. И никто из них не кричит: «Мне запретили брать взятки», все кричат: «Саакашвили задушил свободу».

Образование

Одной из центральных реформ должна стать реформа образования, причем не только высшего, но в первую очередь среднего.

Нам нужна система элитных институтов и элитных школ. Элитных не тем, что в них учатся богатеи за деньги. А тем, что элитные учителя получают в них элитные зарплаты. Поэтому мальчик из состоятельной семьи имеет право поступить в них за плату (при наличии интеллекта), а талантливый мальчик из бедной семьи сможет официально получать стипендию на учебу в такой школе. Сейчас он не имеет такой возможности: нельзя же получить стипендии для взятки.

Платность образования — это не способ содрать за него деньги. Это констатация того, что все, что не имеет цены, не имеет и ценности.

Люмпенизация сознания в современной России происходит не у двадцати и не у восемнадцатилетних. Она происходит еще в школе, когда ученик воспринимает учебу не как социальный лифт, а как бессмысленное времяпрепровождение, от которого надо сбежать и нюхать в туалете клей.

Государство должно оплачивать лучшим ученикам учебу в американских вузах в обмен на обязательство отработать в правительстве.

России нужен свой Хогвартс. В Хогвартсе учатся и богатые и бедные, при условии, что они волшебники. Но магглов в Хогвартсе не было.

Люмпены

Все вышеперечисленные меры на самом деле преследуют одну цель: делюмпенизации населения.

Основной проблемой современной России является даже не воровство и безответственность чиновников. Основной проблемой современной России является люмпенизация населения.

Эксперты, готовившие доклад «Россия-2020», пришли к неутешительному выводу: система социальных гарантий в том виде, в котором она сейчас существует, — это система расширенного воспроизводства люмпенов. Взрослых мужчин, которые не хотят работать и у которых сформировалась своя, специфическая субкультура бедности, эксперты насчитали 6 млн. человек.

Это число, увы, занижено в разы.

В России существуют не сотни тысяч, а миллионы скрытых люмпенов. Гайшник, который вымогает на дороге деньги; охранник, скучающий у высоких железных ворот; водитель «мигалки», который получает не так много, но, шалея от запаха власти, устраивает драки с другими водителями; мелкий чиновник, вымогающий взятки; следователь, который при официальной зарплате в 500 дол. тратит 1 млн. дол. на машины, квартиры и особняки; нянечка в больнице, которая не подставит умирающему «утку», но зато

будет регулярно возмущаться небольшими зарплатами «санитарок и врачей»; низкоквалифицированный учитель, который рассказывает своим ученикам про «козни Запада», — все они на самом деле, несмотря на гигантскую разницу в статусе и достатке — скрытые люмпены.

Ни один из них не сможет нормально трудиться, если его уволят с места, где он калечит души и тела людей. Наивно думать, что гаишник, привыкший к безнаказанности, встанет к станку.

Эта люмпенизация не является ни случайной, ни стихийной. Она впервые началась при Брежневе. Она является вполне сознательной социальной политикой путинского режима. Она превращает любого гражданина России в члена павианьего стада, который не трудится, а живет тем, что уделил ему вожак.

Слишком много гарантий

Я предвижу, что предлагаемые мной меры вызовут протесты, прежде всего со стороны левых, — то есть тех, кто считает, что в современной России слишком мало социальных гарантий.

Это неправда. В современной России слишком много социальных гарантий. То, что люди получают на халяву куда меньше денег, чем в Европе, не должно смущать, — количество денег, на которые согласен существовать люмпен, необыкновенно мало.

В Меланезии такой люмпен-избиратель, например, существует вообще без денег и продается за мешок

риса, который раздают ему перед выборами. Сам он риса при этом не выращивает, хотя и очень его любит.

Взаимоисключающие ценности

Кто спорит? Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. Лучше, чтобы булки росли на деревьях, а если кто-то говорит, что булки не растут на деревьях, значит, он не любит народ.

Но следует понимать, что некоторые ценности являются дополнительными. Если ты даешь людям незаработанные деньги, ты лишаешь их стимула. Если в стране, погрязшей в коррупции и мафии, бороться с коррупцией и мафией с помощью суда присяжных, то все коррупционеры и мафиози останутся на свободе.

Демократия или диктатура?

Меня спросят: а кто будет проводить эти преобразования, избранный президент или диктатор?

Опыт Грузии показывает, что да, подобные преобразования могут быть проведены в результате выборов. Но на такие преобразования не способен политик. На них способен только государственный деятель. Политик думает о голосах. Государственный деятель думает о будущем.

Нам нужен государственный деятель, который научится печь пироги, а не делить их. Который создаст страну, где правящим классом станут не чиновники, не люмпены, не интеллектуалы, не расплывчатое

«народ», не оскорбительное «быдло». Страну, в которой правящим классом является налогоплательщик. Собственник. Булочник — а не трутень.

И если назвать такой строй «демократией», а «китторократией», не «властью народа», а «властью собственников» — наверное, это будет точней.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Рой, или Антибулочник.	11
Сталин — человек, который израсходовал Россию	24
Эффективность насилия, или Насилие как капитал	67
Эффективность лжи	84
Защита прав людоеда, или Либеральный фундаментализм	105
Климатократия	132
Партия трех оболгов	184
Грузия: война и реформа	211
Сингапур: the brave future world	250
Поднебесная. Версия 3.0	276
Италия: Север устал кормить Юг. Теперь это будет делать Евросоюз	300
Гибель европы как результат Второй мировой войны	317
Европа, ты офигела!	331
Государство и модернизация	341
Русский булочник, или Собственнократия	361